

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13 | 2014 | ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
Выпуск 3 | Сентябрь | АФРИКАНИСТИКА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В АВГУСТЕ 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Сунь Шуфан, Шелов С. Д.* Номенклатурные наименования как элемент китайской научной лексики (на материале языкознания и литературоведения) 5

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Илюшина М. Ю.* Поэтическая трилогия о правлении мамлюкских султанов..... 17
- Мокрушина А. А.* Сочинения, посвященные литературе и фольклору, из рукописной коллекции А. К. Казем-Бека 26
- Харатишвили Г. С.* Кавказоведение в Санкт-Петербургском университете и его преподаватели (Часть 1) 35
- Янковская А. А.* Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону..... 47
- Яфия Юсиф Джамиль.* Рукописи, посвященные лингвистике, из коллекции точных рукописей А. К. Казем-Бека..... 54

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2014

© Издательство

Санкт-Петербургского университета, 2014

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Ляхович А. В.</i> Произведение «Шейх Умар» Абубакара Тафава Балева в контексте религиозной литературы хауса.....	73
<i>Цветкова С. О.</i> Песенная техника проповеди Миры Баи: подступы к исследованию.....	81
<i>Цолин Д. В.</i> Синтаксис поэтической строки в еврейской литургической поэзии на арамейском языке IV–VIII веков.....	90

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Веселова Л. С.</i> Роль неформальных отношений (гуаньси) в социальной жизни КНР после 1949 года: историография вопроса.....	112
<i>Колотов В. Н.</i> Технологии гипноза в миссионерской практике иезуитов во Вьетнаме XVII века (Часть 3).....	123

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

<i>Малашевская М. Н.</i> Концепция истории японской дипломатии 1945–2003 годов в работах Того Кадзухико.....	137
--	-----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Герасимов И. В., Дьяков Н. Н.</i> Наука и образование в современном Судане (об экспедиционной поездке востоковедов СПбГУ. Январь—февраль 2014 года).....	148
<i>Желтов А. Ю.</i> Петербургская лингвистическая экспедиция в Нигерию.....	152
<i>Завьялова О. Ю.</i> Отчет об экспедиции в Гвинею (03.02.2014–03.03.2014 г.).....	155

CONTENTS

LINGUISTICS

- Sun Shufang, Shelov S. D.* Nomenclature as a part of chinese scientific lexicon (on the evidence of terminology in linguistics and literary critics) 5

HISTORY AND SOURCE STUDIES

- Iliushina M. Yu.* The poetic trilogy about mamluk sultans 17
- Mokrushina A. A.* Manuscripts on literature and folklore from A. K. Kazem-Beck's collection 26
- Kharatishvili G. S.* Caucasian studies at Saint-Petersburg University: department's inception and its teachers (Part 1) 35
- Yankovskaya A. A.* Medieval arabic sources on the Malay world 47
- Hana Yafia Yusif Jamil.* Manuscripts on linguistics from the collection of oriental manuscripts of A. K. Kazem-Beck 54

LITERARY STUDIES

- Lyakhovich A. V.* "Sheikh Umar" by Abubakar Tafawa Balewa within the context of Hausa religious literature 73
- Tcvetkova S. O.* Technical aspects of the songs-sermons of Mirã Bãi: an approach to the study 81
- Tsolin D. V.* Line syntax in 4th–8th centuries jewish liturgical poetry in Aramaic 90

GEOCULTURAL SPACES AND CODES OF THE CULTURES OF ASIA AND AFRICA

- Veselova L. S.* The role of informal relations (guanxi) in the social life of mainland China after 1949: historiography of the question 112
- Kolotov V. N.* Hypnosis in jesuit missionary activities in 17th century Vietnam (Part 3) ... 123

FOREIGN POLICY, INTERNATIONAL RELATIONS AND ECONOMY
OF ASIA AND AFRICA

<i>Malashevskaya M. N.</i> Conception of the history of Japan's foreign policy 1945–2003 in the works of Togo Kazuhiko.....	137
---	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Gerasimov I. V., Dyakov N. N.</i> Science and education in modern Sudan (on St. Petersburg University scholars expedition. January—February 2014)	148
<i>Zheltoy A. Yu.</i> St. Petersburg linguistic expedition to Nigeria	152
<i>Zavyalova O. Yu.</i> Report on the expedition to Guinea (February 3, 2014 — March 3, 2014).....	155

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373.46

*Сунь Шуфан*¹, *С. Д. Шелов*²

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ)

¹ Центр изучения русской филологии и культуры Хэйлунцзянского университета, КНР, 150080, Харбин, ул. Университетская, 74

² Терминологический центр Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

В статье анализируется специальная лексика терминологического характера китайского языка, относящаяся к области языкознания и литературоведения. Этот класс лексики исследуется в связи с вопросом о номенклатуре, которая обычно выводится за пределы терминологии и противопоставляется ей. В статье развивается подход, при котором номенклатура считается особой частью терминологии. Показывается, что основные типы научных номенклатурных наименований русского и китайского языков в филологии повторяются, что, однако, не исключает специфических для китайского языка типов номенклатурных наименований и используемых в их составе номенов. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: китайская терминология, русская терминология, китайские номенклатурные наименования, русские номенклатурные наименования, номены, терминология языкознания и литературоведения.

NOMENCLATURE AS A PART OF CHINESE SCIENTIFIC LEXICON (ON THE EVIDENCE OF TERMINOLOGY IN LINGUISTICS AND LITERARY CRITICS)

*Sun Shufang*¹, *S. D. Shelov*²

¹ Centre for Russian Language and Literature Studies of Heilongjiang University
74, Xufu Road, Harbin, 150080, China

² Terminology Centre of the Vinogradov Institute of Russian Language of The Russian Academy of Sciences,
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, 119019, Russian Federation

The article focusses on special Chinese terminology in the field of linguistics and literary criticism. This lexicon is investigated in respect to the question of the structure of nomenclature (nomenclature names), which is usually positioned outside terminology and opposed to it. The article develops an approach according to which nomenclature is a special part of terminology. The study demonstrates that the main types of scientific nomenclature designations in Russian and Chinese linguistic nomenclature are basically the same and cover object nomenclature and metanomenclature from the viewpoint of the theory of science as well as anthroponym and toponym (place-name) nomenclature designations from the viewpoint of their word coinage. That does not neglect some particular types of Chinese nomenclature designations and nomenclature labels used as part of these particular names. Word collocations

of the type 江都/二注 are of special interest as they might expose exclusive Chinese metanomenclature notations in the sphere of science and scientific legacy. Refs 19.

Keywords: Chinese terminology, Russian terminology, Chinese nomenclature, Russian nomenclature, language of science, terminology of linguistics and literary critics.

В неспециальном употреблении слово и термин «номенклатура» выступает синонимом обозначения «терминология». Так, Л. В. Щерба в начале своей статьи «О частях речи в русском языке» писал: «В последние десятилетия в русском языкознании всплыл очень старый вопрос о так называемых “частях речи”. В грамматиках и словарях большинства старых, установившихся языков существует традиционная, тоже установившаяся номенклатура, которая в общем удовлетворяет практическим потребностям, и потому мало кому приходит в голову разыскивать основания этой номенклатуры и проверять ее последовательность» [1, с. 77]. Очевидно, что, употребляя в дальнейшем обозначения типа *имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие* и др., которые в большинстве грамматических учебников рассматривались и рассматриваются именно как термины, Л. В. Щерба не различает «номенклатуру» и «терминологию».

Однако российскому языкознанию, в сферу интересов которого давно входит состав и разнообразие специальной научной лексики, начиная с работ Г. О. Винокура и А. А. Реформатского [2–4], принадлежит приоритет в постановке вопроса о разграничении терминологии и номенклатуры как особых единиц языка и стиля научного изложения. В работах С. Д. Шелова и В. М. Лейчика [5, 6] представлен обширный обзор работ по этой теме и показано, что в европейской традиции, вне собственно лингвистической проблематики, история вопроса восходит еще к XVIII в., к работам таких классиков мировой науки, как К. Линней (1707–1778) и А. Лавуазье (1743–1794), а философские аспекты отмеченного разделения специальной лексики были намечены англичанами У. Уэвелем (1794–1866) [7] и Дж. Ст. Миллем (1806–1873) [8]. В том же обзоре отмечается значительное разнообразие (а порою и несопоставимость) точек зрения по этому вопросу как в философских, так и в лингвистических его рамках, причем намечаются три достаточно длительных самостоятельных общенаучных традиции употребления и толкования обозначений «номенклатура» и «номены» и соответствующие им подходы. Эти подходы характеризуются следующим образом.

1) Номенклатура как совокупность научных названий всех представителей растительного и животного мира и их группировок для естественных наук, и в первую очередь дисциплин биологического и химического цикла. Номенклатура в этом понимании обозначает совокупность наименований естественно существующих объектов и их совокупностей, которые и служат предметом изучения соответствующих наук; в этом смысле номенклатура — язык объектов науки, а терминология — язык описания объектов (У. Уэвель, Р. Е. Березникова, Н. Н. Забинкова, А. В. Суперанская и др., использование формулировок типа «ботаническая номенклатура», «зоологическая номенклатура» и т. п.).

2) Номенклатура как совокупность обозначений только «низших естественных разрядов и группировок» объектов, упомянутых в п. 1; в биологии, например, в качестве таковых выступают биномиальные названия видов живых организмов (У. Уэвель, Д. С. Милль, О. С. Ахманова, В. Н. Прохорова, М. К. Шарашова и др.).

3) Номенклатура как совокупность наименований специальных понятий, имеющих в качестве своих компонентов некоторые достаточно условные обозначения, функция которых — резко сужать родовые понятия до узкоспециальных видовых (Г. О. Винокур, А. А. Реформатский, Т. Л. Канделаки, В. М. Лейчик, А. В. Суперанская, С. В. Гринев, С. Д. Шелов и др.)¹.

Точка зрения С. Д. Шелова и В. М. Лейчика является, по мнению авторов, развитием третьего из перечисленных подходов к номенклатурным единицам; они предлагают несколько измененные обозначения. Так, вводится термин «номенклатурное наименование», который уточняется следующим образом.

1. Номенклатурное наименование — это терминологическое обозначение частного специального понятия какой-либо области знания, дисциплины или тематической области, которое состоит из двух лексико-синтаксических компонентов, синтаксически главный из которых является термином, словом или словосочетанием общего языка и обозначает специальное родовое понятие данной области, а синтаксически подчиненный является условным, внешним (для данной области знания и для обозначения соответствующего понятия) знаком, номеном (меткой, «этикеткой») и служит для выделения из родового понятия именно данного частного понятия, фиксируемого в специальных описаниях, толкованиях, дефинициях и т. п., например, *алкеева строфа, первое спряжение, закон Ципфа, лейденская банка, ракетный комплекс Житрег, бином Ньютона, алгоритм Герона, многочлены Чебышева* и т. п.

2. Синтаксически подчиненный знак-компонент номенклатурного наименования (метафорически употребленное слово или словосочетание общего языка, антропоним или топоним, аббревиатура или специальная буквенно-цифровая нотация) образует его номенклатурный показатель, его номен (маркер или знаковую этикетку), например, в иллюстрациях выше это *алкеева, первое, Ципфа, лейденская, Житрег, Ньютона, Герона, Чебышева*.

3. Понятийное содержание синтаксически главного компонента номенклатурного наименования также может быть результатом метафорических изменений общезыковой лексики.

4. Совокупность всех номенклатурных наименований (номенов) той или иной области составляет ее номенклатуру.

Несколько неожиданным при таком понимании номенклатурных наименований оказывается их полное вхождение в терминологию, хотя обычно номены и номенклатура противопоставляются терминологии. В то же время именно такое понимание обеспечивает традиционное противопоставление «термин — номен», при котором номен в составе номенклатурного наименования никогда не бывает термином, а термин никогда не бывает номеном, и это разграничение выдерживается для самых разных наук, областей знания и тематических сфер. Так, самые разнообразные специальные единицы:

— *альфа-нотация (или α -нотация), первое спряжение, второе спряжение, первое склонение, второе склонение, слабый глагол, сильный глагол, квадрат Дж. Х. Гринберга (языкознание);*

¹ Предложенная группировка точек зрения не означает, что в пределах одной группы не существует никаких различий, различия имеются, и порой весьма существенные. Однако совпадение основных принципов выделения номенклатурных наименований разными авторами, которые лежат в основе этих точек зрения, представляется более важным.

— *полевка большая, полевка красная, полевка общественная, полевка снеговая, полевка стадная, полевка степная* (биология, названия видов полевок в зоологии);

— *батарея аккумуляторная БСТ-45 ЭМ, батарея аккумуляторная БСТ-55 ЭМ, батарея аккумуляторная БСТ-60 ЭМ* (техника, наименования источников электропитания автомобилей в технике);

— *точка разрыва первого рода, эрмитова матрица, многочлен Чебышева первого рода, ряд Фурье, функция Дирихле, локон Анъези, гамма-функция (или γ -функция)* (математика);

— *бавенский двойник, аристотелев фонарь, бритва Оккама, дерево Порфирия* (философия)

являются одновременно и номенклатурными наименованиями, и терминами соответствующих областей знания. В их составе синтаксически главные единицы:

— *нотация, спряжение, склонение, глагол;*

— *полевка;*

— *батарея аккумуляторная;*

— *точка разрыва, матрица, многочлен, ряд, функция*

являются терминами, обозначающими родовое (для обозначенного) понятие, а синтаксически подчиненные единицы:

— *альфа (или α -), первое, второе, слабый, сильный;*

— *большая, красная, общественная, снеговая, стадная, степная;*

— *БСТ-45 ЭМ, БСТ-55 ЭМ, БСТ-60 ЭМ;*

— *первого рода, эрмитова, Чебышева, первого рода, Фурье, Дирихле, гамма- (или γ -)*

являются **номенами (номенклатурными маркерами, языковыми «этикетками»)** и выделяют из родового понятия данное частное понятие, содержание которого фиксируется в специальных описаниях, толкованиях, дефинициях и т. п. Наконец, фразеологические терминологические единицы типа *локон Анъези, бавенский двойник, аристотелев фонарь, бритва Оккама, дерево Порфирия* также возможно трактовать как редкий случай номенклатурных наименований (антропонимического типа), образованных метафорически и потому не задающих какого-либо родового понятия, ибо ни *локон*, ни *двойник*, ни *фонарь*, ни *бритва*, ни *дерево* не имеют здесь прямого значения (более подробно см.: [6]).

Такое понимание номенклатурных наименований дополняется их делением на объектные и метаобъектные номенклатурные наименования (или просто метаноменклатурные наименования); последние обозначают отдельные положения, утверждения, гипотезы, концепции и т. п. соответствующей области знания. И те, и другие могут образовываться с помощью имен собственных — антропонимов (эпонимов) или топонимов, и в этом случае мы получаем объектные или метаноменклатурные наименования антропонимического или топонимического вида (некоторые номенклатурные наименования антропонимического типа называют также терминами-эпонимами).

Так, в русской лингвистической терминологии *закон Бругмана, закон Ваккерн-геля, гипотеза Сепира—Уорфа, правило Майнхофа, закон Фортунатова—Соссюра, закон Шахматова* и др. представляют собой антропонимические метаноменклатурные наименования; термины *женевская школа, ленинградская фонологическая школа, московская фонологическая школа, пражская лингвистическая школа, французская социологическая школа* и др. составляют топонимические метаноменклатурные

наименования; аналогично в литературоведении термины *александрийский стих*, *алкеева строфа*, *спенсерова строфа*, *сапфическая строфа*, *артуровский роман*, *байронический роман*, *меннипова сатира* и т. д. представляют номенклатурные наименования антропонимического или топонимического типа.

В русской физической номенклатуре, при таком ее понимании, объективными антропонимическими номенклатурными наименованиями являются *весы Эдмонда*, *лампа Дэви*, *маятник Фуко*, *нож Арко*, *проба Эккерта*, *реагент Фрауде*, *стакан Бунзена*, *температура Флори*, *холодильник Хопкинса*, *элемент Даниеля* и многие другие, а метаобъектная антропонимическая номенклатура представлена тысячами и тысячами единиц типа *закон Кулона*, *метод Фарадея*, *принцип Больцмана*, *принцип Ферма*, *уравнение Дирака*.

Целью настоящей работы является оценка применимости подхода, предложенного в работах [5, 6], к выделению номенклатурных наименований на материале научно-технической лексики китайского языка. Проблемы китайской терминологии рассматривались в работах [9, 10]. В то же время вопрос о месте и роли китайских номенклатурных наименований и их соотношении с китайской терминологией сколь-нибудь систематически, насколько нам известно, до настоящего времени не изучался, хотя задача их разграничения как разных типов специальной лексики была затронута в работах [11, с. 197–198; 12, с. 4–8; 13, с. 61–71].

Номенклатура как часть специальной лексики чаще всего и активней всего используется в специальных текстах по технике и техническим наукам; именно они обладают теснейшими связями с производством разного типа потребительских товаров, а также приборов, аппаратов, топлива, станков, инструментов и т. п. Все это разнообразие объектов требует и разнообразия наименований и обозначений — тут и появляются технические номенклатурные наименования, отличные от привычных терминологических номинаций, в которых каждый компонент соотносится с некоторым понятийным содержанием. Так, в китайском языке, имеем:

— 90汽油 (*бензин-90*, дословно: бензин типа 90), 93汽油 (*бензин-93*, дословно: бензин типа 93), 97汽油 (*бензин-97*, дословно: бензин типа 97), 98汽油 (*бензин-98*, дословно: бензин типа 98) (нефтегазовая индустрия);

— 长征一号运载火箭 (*ракета-носитель CZ-1*, дословно: ракета-носитель типа CZ-1), 长征二号运载火箭 (*ракета-носитель CZ-2*, дословно: ракета-носитель типа CZ-2), 长征三号运载火箭 (*ракета-носитель CZ-3*, дословно: ракета-носитель типа CZ-3), 长征四号运载火箭 (*ракета-носитель CZ-4*, дословно: ракета-носитель типа CZ-4), 长征五号运载火箭 (*ракета-носитель CZ-5*, дословно: ракета-носитель типа CZ-5) (космонавтика);

— Windows 97 操作系统 (*операционная система Windows 97*), windows 2000 操作系统 (*операционная система Windows 2000*), Windows ME 操作系统 (*операционная система Windows ME*), Windows 2007 操作系统 (*операционная система Windows 2007*), Windows XP 操作系统 (*операционная система Windows XP*) и т. п.

Как видно из приведенного материала, здесь элементы: 90, 93, 97, 98; 长征一号 (CZ-1), 长征二号 (CZ-2), 长征三号 (CZ-3), 长征四号 (CZ-4), 长征五号 (CZ-5); Windows 97, Windows 2000, Windows ME, Windows 2007, Windows XP и т. п. не соотносятся непосредственно со специальными понятиями, как в обычных терминах-словосочетаниях, и являются **номенами**.

Значительно менее изученной, чем техническая номенклатура, остается лексика гуманитарных наук, в связи с чем в качестве материала исследования и выбрана

специальная лексика китайского языкознания и литературоведения, как она представлена в источниках [14–19].

В филологии номенклатурные единицы китайского языка, как, по-видимому, и других развитых языков, включают два основных типа: первый из них является **объектной номенклатурой**, а второй — **метаобъектной номенклатурой**, чаще всего антропонимического или топонимического характера.

Обратимся сначала к первому типу номенклатурных наименований.

По своему содержанию объектная номенклатура обозначает специальный конкретный объект (предмет, процесс, свойство и т. п.) в данной области знаний. При анализе таких номенклатурных наименований в лингвистической терминологии китайского языка по их происхождению можно выделить два подтипа. Первый подтип составляют номенклатурные заимствования при переводе зарубежных лингвистических трудов из других национальных языков. Так, в последние десятилетия наблюдается активная тенденция заимствований из английского языка, ср., например такие номенклатурные единицы, как *-ed* 形式 (*-ed* форма) и *-en* 形式 (*-en* форма), в составе которых первая часть, а именно *-ed* и *-en* — суффиксы английского языка, а вторая часть у них одинакова, а точнее, два китайских иероглифа 形式 образуют слово, индентичное по содержанию русскому «форма». Оба номенклатурных наименования *-ed* 形式 и *-en* 形式, употребляющихся в грамматике, почти сохраняют свое значение в заимствуемом языке и обозначают соответственно форму простого прошедшего времени глагола и причастия прошедшего времени глагола английского языка. В 1970–1980-х годах при переводе текстов по порождающей (генеративной) грамматике Н. Хомского в метаязык китайской лингвистики из этого направления западной лингвистической теории проникает много названий номенклатурного характера, например, 0型语法 (*Грамматика типа 0*), 1型语法 (*Грамматика типа 1*), 2型语法 (*Грамматика типа 2*), 3型语法 (*Грамматика типа 3*). Среди этих обозначений синтаксически главная часть — это 语法, т. е. *грамматика* в русском языке, а синтаксически подчиненные части — это 0型 (*тип 0*), 1型 (*тип 1*), 2型 (*тип 2*), 3型 (*тип 3*), такое цифровое образование у них способствует констатированию их роли этикетки в составе соответствующей номенклатурной единицы.

Другой подтип объектных номенклатурных обозначений составляет номенклатура, возникшая в недрах собственно китайской лингвистической традиции, ср. два примера из области китайского синтаксиса — 把字/句 (*предложение с словом «ba»*) и 被字/句 (*предложение с словом «bei»*). Оба они синтаксически состоят из двух частей, среди которых доминирующая часть это 句, подобное русскому термину «предложение», а доминируемые части — 把字 и 被字, в которых 把 («ba») и 被 («bei») в китайском языке употребляются как предлог, а 字, имея значение, аналогичное русскому «слово», здесь понимается не как полнозначное слово, а как слово служебного характера; таким образом, два обозначения в целом совершенно точно можно перевести на русский как «предложение типа “ba” (把)» и «предложение типа “bei” (被)», где иероглиф 字, находящийся посередине в вышеуказанных обозначениях, переводится как «тип». Итак, *предложение типа «ba» (把)* и *предложение типа «bei» (被)*, как представляется, соотносятся с критериями принадлежности к номенклатурным единицам, но имеют в своем составе не буквы или цифры, а иероглиф китайского языка, т. е. 把字 (*тип «ba»*) и 被字 (*тип «bei»*). С содержательной стороны, обе номинации в действительности называют два типа предложений в китайском языке,

выражающих синтаксическим способом значение действительного и страдательного залога — с помощью формальной метки-слова «*ba*» или «*bei*» соответственно, например:

а) 他把球传给我 (Он перебросил мне мяч — действительный залог, предложение иллюстрирует тип «*ba*»);

б) 球被他传给了我 (Мяч был перебросен мне им — страдательный залог, предложение иллюстрирует тип «*bei*»).

Структурно однотипная объектная номенклатура представлена наименованиями, подобными 的字句 (предложение типа «*de*»), 是字句 (предложение типа «*shi*»), предложение, обозначающее грамматическое определение) и т. п.

Номенклатура этого типа встречается уже в фонологии древнекитайского языка. Здесь основной фонологический термин 韵 *финаль* (слоγοобразующий гласный звук) имеет четыре разновидности: 一等韵 (финаль первого разряда), 二等韵 (финаль второго разряда), 三等韵 (финаль третьего разряда), 四等韵 (финаль четвертого разряда), в составе которых подчиненная часть включает в себя цифру, указывающую на место нахождения обозначаемой единицы в данном ряду.

В терминологии литературоведения объектная номенклатура чаще всего применяется для обозначения разновидностей стилей или жанров. В терминологии китайского языка в этой области существуют такие названия, как 小令 (короткий тон), 中调 (средний тон), 长调 (длительный тон). Эти названия идентифицируют тип литературного жанра 词 (*цы*) (разновидность ритмической прозы ряда авторов, творивших во времена династии Сун); этот литературный жанр имеет собственный ритм и читается с использованием специфической интонации. Подразделение *цы* на указанные виды основывается на его размере, точнее, на численности входящих в него иероглифов. Коротким тоном называют *цы*, по своему объему не превышающий 58 иероглифов, средним тоном — *цы* объемом от 59 до 90 иероглифов, а длительным тоном — *цы* объемом обычно более 90 иероглифов.

Рассмотрим теперь метаноменклатурные наименования.

Прежде всего обратим внимание на наличие в области китайской филологии специальной лексики, обозначающей различные школы, положения, принципы, системы взглядов и т. п., — лексики, которая использует имена собственные топонимического и антропонимического характера, например: 桐城/派 (школа Тунчэн), в которой первые два иероглифа 桐城 (Тунчэн) — название городка в провинции Китая Аньхой, а последний иероглиф 派 имеет значение «научное направление» или «научная школа». Таким образом 桐城/派 (школа Тунчэн) называет известную школу литературной прозы во времена династии Цин. К таким же двусоставным номенклатурным образованиям принадлежат: 阳湖/派 (школа Янху) — школа прозы при династии Цин, в составе которой 阳湖 (Янху) — название городка в провинции Китая Чжэцзян; 吴江/派 (Школа Уцзян) — школа драматургии в династии Мин, представитель которой родился в городке 吴江 (Уцзян) провинции Китая Цзянсу; 临川/派 (Школа Линьчуань) — школа драматургии династии Мин, главное лицо которой родилось в городке 临川 (Линьчуань) провинции Китая Цзянси; 茶陵/派 (Школа Чалин) — стихотворная школа династии Мин, лидер которой был рожден в городке 茶陵 (Чалин) провинции Китая Хунань.

Вышеприведенные названия структурно однотипны: модель образования таких метаноменклатурных наименований строится как топоним (из двух или более

иероглифов) плюс слово общего языка, обозначающее школу, положение, принцип, систему взглядов. В другом случае топонимическая часть метаноменклатуры представлена названием-сокращением, например, в терминологии гравировки в китайском языке существуют топонимические номены 徽/派 (*школа Хой*) и 浙/派 (*школа Чжэ*), в которых первая часть — 徽 (*Хой*) и 浙 (*Чжэ*) образуется аббревиацией полного наименования двух провинций Китая, а именно: 徽 (*Хой*) происходит от последнего иероглифа *Анхой* (安徽), а 浙 (*Чжэ*) — от первого иероглифа *Чжэцзян* (浙江). Здесь, следовательно, разновидностью топонимического метаноменклатурного наименования оказывается сокращенная форма топонима (обычно из одного иероглифа).

При исследовании антропонимической метаноменклатуры обнаруживается, что обычно она состоит из двух иероглифов, первый из которых является фамилией представителя данной теории или школы, а второй — словом общего языка, обозначающим школу, стиль, теорию и т. п., например, 欧/体 (*стиль Оу*): 欧 (*Оу*) — часть фамилии Оу-ян Сюня (557–641 н. э.), каллиграфа династии Тан, а иероглиф 体 — слово общего языка, обозначающее «стиль». Приведем еще несколько единиц антропонимической метаноменклатуры той же языковой структуры: 颜/体 (*стиль Янь*), где 颜 (*Янь*) — фамилия Янь Чжэньцина (709–784 или 785 н. э.), каллиграфа династии Тан; 柳/体 (*стиль Лю*), где 柳 (*Лю*) — фамилия Лю Гунцюаня (778–865 н. э.), каллиграфа династии Тан; 赵/体 (*стиль Чжао*), где 赵 (*Чжао*) — фамилия Чжао Мэнфу (1254–1322), каллиграфа династии Юань; 邓/派 (*школа Дэнь*), где 邓 (*Дэнь*) — фамилия Дэнь Шижу (1743–1805), каллиграфа династии Цин; 毛/体 (*стиль Мао*), где 毛 (*Мао*) — фамилия Мао Цзэдуна (1893–1976), государственного и общественного деятеля КНР, который был также и знаменитым каллиграфом.

В китайском языке имеется еще одна разновидность метаноменклатуры, редко встречающаяся в филологической терминологии русского языка. В составе номенклатурных имен этого вида собственным именем является не антропоним или топоним, а название трудов и, в частности, периодических изданий (еженедельника, ежемесячника и др.), основанных данной школой. В терминологию литературоведения китайского языка входит немало метаноменклатурных наименований этого типа, ср., например, 星期六/派 (*школа «Субботы»*). Название этой, одной из ведущих школ литературы в 1910–1920-х годах, структурно анализируется так: первые три иероглифа — 星期六 — эквивалентны русскому «Суббота», что отсылает читателя к еженедельнику, основанному этой школой в 1914 г. По этой же структурной модели возникли номенклатурные имена: 创造社 (*общество «Творчество»*, направление литературы 1920-х годов по имени его периодического издания — 创造 «Творчество») и 新月派 (*школа «Молодой Луны»*, литературное течение 1920-х годов, название которого объясняется тем, что его представители основали ежемесячник 新月 — «Молодая луна») и т. п. (ср. в европейской культуре имеющее соответствия на многих языках номенклатурное наименование *школа «Анналов»*).

В других случаях название научной школы, течения или направления воспроизводит название произведения, оказавшего влияние на принципы работы ее или его членов, например, 沉钟/社 (*общество «Потонувшего колокола»*) напоминает о названии пьесы немецкого драматурга Герхарта Гауптмана (1862–1946) «Die versunkene Glocke» («Потонувший колокол»), так как члены общества ставили себе в пример главного героя этой пьесы — трудолюбивого и настойчивого колокольного литей-

щика. Еще одну иллюстрацию мы находим в номенклатурном обозначении 论语/派 (школа «О словах»), которая берет происхождение от названия трактата 论语 («О словах») великого древнекитайского философа и мудреца Конфуция (551–479 до н.э.), написанного им около 2500 лет тому назад.

Отдельное положение занимает разновидность метаноменклатурных наименований, образующихся метафорическим способом. В их составе роль этикетки-номена выполняет не собственное имя, а имя нарицательное, но употребленное в метафорическом значении. Такова, например, номинация 逃社 (общество «Тао»), образованная на основе отглагольного существительного 逃 («избегание»); совместное употребление двух иероглифов обозначает отдельное творческое направление в литературе — стихотворную школу в династии Цин, возглавляемую поэтами-эскапистами, ненавидящими иноземное маньчжурское господство и мечтающими о его свержении и возвращении к предыдущей династии Мин. Подобным же образом сформировалось номенклатурное обозначение 山水/派 (школа «shanshui»), где первые два иероглифа 山水 в прямом значении переводятся на русский язык соответственно как «гора» (山) и «вода» (水), а при их сочетании с третьим иероглифом 派, выражают значение, соответствующее значению русского слова «школа»; таким образом все выражение в целом имеет в виду стихотворную школу, существовавшую во времена династии Нань-Бэй, члены которой отличались высоким даром описания природного пейзажа. Итак, последовательность иероглифов 山水, входящая в вышеприведенное наименование как синтаксически подчиненная часть, употребляется здесь не в прямом значении, а чисто метафорически — в значении «пейзаж».

Кроме вышеуказанных типов номенклатуры, в китайской терминологии языкознания и литературоведения существует еще один структурный тип, для которого характерно отсутствие слова общего языка, обозначающего специальное родовое понятие данной области. Такая номенклатура представлена как в объектной, так и в метаобъектной лексике. К объектной разновидности этой номенклатуры причисляют такие китайские терминологические обозначения из области языкознания, как 大篆 (большой Джуань) и 小篆 (маленький Джуань), называющие две разновидности одного из иероглифических стилей китайского языка, а именно 篆体 (стиль Джуань); в составе последней номинации имеется иероглиф 体 (стиль), четко указывающий на ее родовое понятие, но этот иероглиф не присутствует при номинации видовых понятий стиля Джуань. Иначе говоря, в китайской языковой традиции не принято писать или произносить 大篆/体* (стиль «большой Джуань») и 小篆/体* (стиль «маленький Джуань»); вместо них, как отмечалось, употребляются выражения 大篆 и 小篆, и при этом все понимают, что под этими выражениями имеется в виду.

Что касается метаобъектной номенклатуры этого типа, то она охватывает весьма специфические топонимо-антропонимические номенклатурные обозначения, объединяющие в своем составе и имя места (т.е. топоним), и фамилию представителя (или представителей) соответствующей школы, научного направления и т.п. (т.е. антропоним). В подобных топонимо-антропонимических номенклатурных обозначениях может отсутствовать «слово-указатель», выражающее принадлежность обозначаемого к классу положений, гипотез, теорий школ и т.п., как-то связанных с антропонимическими и топонимическими номенами. Такова, в частности, номинация 娄东/二张 (два Чжана из Лоудуна), обозначающая литературную школу в династии Мин. В этой номинации структурно можно выделить две части: первая

часть названия 娄东 (Лоудун) — называет место, которое находится теперь в местечке 太仓 (в Тэйцане — городке провинции Китая Цзянсу), а вторая часть 二张 (два Чжана) называет двух писателей-однофамильцев, а именно **Чжан Пу** (张溥, 1602–1641) и **Чжан Цай** (张采, 1596–1648), родившихся в этом регионе.

Совершенно аналогично наименование 江都/二汪 (два Вана из Цзянду) мотивируется тем, что в начале династии Цин в местечке 江都 (Цзянду, ныне в провинции Китая Цзянсу) жили и работали два поэта-однофамильца — **Ван Дзи** (汪楫, 1626–1689) и **Ван Маолин** (汪懋麟, 1640–1688), которыми создано немало талантливых поэтических произведений на тему нищеты низших слоев современного им общества и, как ее следствия, войны китайцев с маньчжурами в конце династии Мин и в начале династии Цин. Приведем еще несколько структурно одинаковых топонимо-антропонимических номенклатурных обозначений: 宁都/三魏 (три Уэй из Нинду (Нинду — местечко в провинции Китая Цзянси)), 东海/三何 (три Хэ из Дунхай (Дунхай — городок в провинции Китая Шаньдун)), 晋安/二徐 (два Сюя из Циньаня (Циньань — место в провинции Китая Фуцзянь)), 浙中/三毛 (три Мао из средней части провинции Чжэ) и т. п. Об особом характере употребления подобных номинаций, без нарицательных имен общего языка, свидетельствует устойчивое использование подобных единиц в текстах по соответствующим научным дисциплинам и областям знания, ср.:

张溥 (1602–1641),。与同乡张采齐名, 合称“娄东二张”。(Чжан Пу пользовался одинаковой известностью со своим земляком Чжан Цай, и их вместе называли «два Чжана из Лоудуна»)

или

“浙中三毛”研究 (исследованию по «три Мао в средней части Чжэ» (заголовок статьи)).

В подобных номинациях чрезвычайно интересно отсутствие нарицательных имен типа 体, 社, 派, которые идентифицируют соответствующее явление как школу, направление, стиль и т. п.; поэтому буквальный, дословный перевод номинаций этого типа звучал бы как *два Чжана из Лоудуна, два Вана из Цзянду* и т. п.; в китайском языке подобная номинация уже сама по себе относит обозначаемые явления к литературной школе, направлению и стилю соответственно. В этой связи не буквальный, а культурологически адекватный перевод состоит в использовании энциклопедической информации и звучит как *литературная школа двух Чжанов из Лоудуна, литературное направление двух Ванов из Цзянду* и т. п.

Таким образом, яркой особенностью подобной топонимо-антропонимической номинации является, во-первых, одновременное, слитное использование в ее составе и топонима, и антропонима, что задает как бы единый «топо-антропотип» места и личности, и во-вторых, опускание нарицательного имени, которое в обычных моделях номинации относит соответствующее явление к той или иной школе, направлению, стилю и т. п.; последнее, по всей вероятности, свидетельствует об особых заслугах данного топо-антропонимического типа: эти заслуги так велики, что их полная «мотивировочная расшифровка» как бы и не требуется.

В заключение отметим, что данная работа только намечает типологию номенклатурных обозначений в китайском языке и ни в коем случае не претендует на полноту описания их самих или даже их типов. В то же время можно надеяться,

что подход к пониманию и выделению номенклатурных наименований как части терминологии, предложенный в работах [5, 6], в целом действителен и для китайского лексического материала: можно выделить объектные и метаобъектные номенклатурные наименования, где также присутствуют буквенно-цифровые, антропонимические и топонимические номенклатурные наименования, как и номенклатурные наименования полностью метафорического типа. Функцию соответствующего номена в них также выполняют соответственно буквенно-цифровые последовательности, антропонимы, топонимы или слова-метафоры. В то же время в китайском языке обращают на себя внимание номенклатурные наименования смешанного антропо-топонимического типа, по всей вероятности, специфические для китайской филологии на фоне русской терминологической традиции.

Литература

1. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 265–304.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. Т. V: Сб. статей по языковедению. М.: Московский гос. ин-т истории, философии и литературы, 1939. С. 3–54.
3. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М.: Наука, 1968. С. 103–125.
4. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959. 14 с.
5. Шелов С. Д. Номенклатура versus терминология (три подхода к выделению номенклатурных наименований) // Terminologija. Вып. 13. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2007. С. 33–47.
6. Шелов С. Д., Лейчик В. М. Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики: состав и функции: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 80 с.
7. Милль Д. С. Система логики силлогической и индуктивной / пер. с 10-го англ. изд.; под ред. В. И. Ивановского. М.: Тип. т-ва Кушнеров и К°, 1899.
8. Уэвель В. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени. Т. 3. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1869.
9. Féng Zhìwěi. Xiàndài shùiyǔxué yǐnlùn. Běijīng: Yǔwén chūbǎnshè, 1997. (Фэнэ Чжэивэй. Введение в современную терминологию. Пекин: Филология, 1997. 25 с.)
10. Lǐ Yǔmín. Shùiyǔ lùn. Yǔyán Kēxué, 2003 (2). (Ли Юймин. О термине // Наука о языке. 2003. №2. С. 3–12.)
11. Zhèng Shùpǔ. Èluósī dāngdài shùiyǔxué. Běijīng: Shāngwù yīnshūguǎn, 2005. (Чжэн Шупу. Современное российское терминоведение. Пекин: Shāngwù yīnshūguǎn, 2005. 288 с.)
12. Zhèng Shùpǔ. Shùiyǔxué héxīn shùiyǔ biànxī // Shùiyǔ biāozhǔnhuà yǔ xīnxī jìshù, 2006 (1). (Чжэн Шупу. Что такое терминология и номенклатура // Стандартизация терминологии и информационная техника. 2006. N 1. С. 4–8.)
13. Wú Likūn. Èluósī shùiyǔxué tànjiū. Běijīng: Shāngwù yīnshūguǎn, 2009. (У Ликунь. Введение в российское терминоведение. Пекин: Shāngwù yīnshūguǎn, 2009. 278 с.)
14. Zhōngguó dàbàikēquánshū·yǔyán wénzì. Běijīng: Zhōngguó dàbàikēquánshū chūbǎnshè, 1998. (Большая китайская энциклопедия: язык и письменность. Пекин: Китайская энциклопедия, 1988. 605 с. [более 900 терминов].)
15. Qì Yǔcūn dēng. yǔyánxué bǎikēcǐdiǎn. Shànghǎi: Shànghǎi císhū chūbǎnshè, 1993. (Энциклопедический словарь языкознания. Шанхай: Shànghǎi císhū chūbǎnshè, 1993. 704 с. [около 5000 терминов].)
16. Yǔyánxué míngcí. Běijīng: Shāngwù yīnshūguǎn, 2011. (Терминология языкознания. Пекин: Shāngwù yīnshūguǎn, 2011. 320 с. [более 2900 терминов, утвержденных Китайским комитетом научно-технической терминологии в 2011 г.])
17. Zhōngguó gǔdài wénxué cídiǎn (dìyǔjuàn). Náníng: Guǎngxī rénmin chūbǎnshè, 1986. (Словарь древнекитайской литературы (Т. I). Наньнин: Народное издательство Гуанси, 1986. 410 с. [более 1100 терминов].)
18. Sūn Wěnguāng. Zhōngguó jìndài wénxué dàcídiǎn (1840–1919). Héféi: Huáng-shān shūshè, 1995. (Сунь Вэньгуан. Большой словарь китайской литературы новой эпохи (1840–1919). Хэфэй: Huáng-shān shūshè, 1995. 1334 с. [более 4500 терминов].)

19. *Wáng Guāngxī, Zhōu Guānwǐ. Zhōngguó jìnxìàndài wénxué yìshù cídiǎn. Zhèngzhōu: Zhōngzhōu gǔjì chūbǎnshè, 1998. (Вань Гуанси, Чжоу Гуанью. Словарь китайской литературы и искусства новой и современной эпохи. Чжэнчжон: Zhōngzhōu gǔjì chūbǎnshè, 1998. 1280 с. [более 3900 терминов].)*

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Сунь Шуфан — доктор филологических наук, профессор; sunsf888@yeah.net

Шелов Сергей Дмитриевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; volehs@mail.ru

Sun Shufan — Doctor of Philological Sciences, Professor; sunsf888@yeah.net

Shelov Serguey D. — Doctor of Philological Sciences, Leading researcher; volehs@mail.ru

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94

М. Ю. Илюшина

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ О ПРАВЛЕНИИ МАМЛЮКСКИХ СУЛТАНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья подготовлена на основе неопубликованной рукописи из Государственной библиотеки Берлина и посвящена поэтической трилогии о правлении мамлюкских султанов, которая была написана двумя авторами — Мухаммадом Шамс-ад-Дином аль-Ба'уни (1378–1466) и его племянником, Мухаммадом б. Йусуфом б. 'Ахмадом аль-Ба'уни (ум. 1505). Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: арабские рукописи, мамлюки, Египет.

THE POETIC TRILOGY ABOUT MAMLUK SULTANS

M. Yu. Iliushina

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article is prepared on the basis of the unpublished manuscript from Berlin State Library and devoted to the poetic trilogy about Mamluk sultans which was written by two authors — Muhammad Shams al-Din al-Ba'uni (1378–1466) and his nephew, Muhammad b. Yusuf b. 'Ahmad al-Ba'uni (died in 1505). One of the authors was a contemporary of Barquq (1382–1399) — the founder of the Circassian sultanate, another became a witness of the decline of Mamluk power. In spite of the fact that time of writing of the first and the last part of the trilogy is separated by nearly seventy years, the work is characterised by stylistic unity, a composition having continuity, as well as the similar position of authors in an assessment of occurring events. The first poem contains short, aphoristic in nature and, sometimes, well-aimed characteristics of Mamluk sultans from 'Aybek (1250–1257) to Barsbey (1422–1438). Muhammad b. Yusuf's poem is called "Worthy and wittiest words about al-Malik al-Sa'id al-'Ashraf's life". It is about sultans from Yusuf al-Malik al-'Aziz (1438), the son of Barsbey, to Kaitbey (1468–1496). In the last part of the trilogy Muhammad b. Yusuf al-Ba'uni told about Qaitbey and his military victories, and also about sultans al-Malik al-Nasir 'Abu al-Sa'adat (1496–1498), 'Abu Sa'id Qansuh Al-Zahir (1498–1500), al-'Ashraf Janbulat (1500–1501), al-'Adil Tumanbey (1501) and Qansuh al-Guri (1501–1516). Refs 13.

Keywords: Arabic manuscripts, Mamluks, Egypt.

В период правления мамлюкских султанов духовную и интеллектуальную элиту Египта и Сирии составляли, в основном, улемы — мусульманские богословы. Они были в известной мере зависимы от неарабской военно-политической верхушки султаната, но, сохраняя дистанцию, избегали полного подчинения, скорее, сотрудничали с режимом и предпочитали отстаивать независимость и превосходство

в сфере языка и культуры, а не на поприще власти. Их авторитетное мнение служило ориентиром для большинства мусульман, влияло на формирование отношения автохтонного населения страны к мамлюкским правителям. Нередко свой собственный взгляд на те или иные события улемы выражали в поэтической форме. Это могли быть дружеские послания и эпиграммы, наполненные эмоциями стихотворные строки, вплетенные в ткань бесстрастных исторических хроник или отдельные поэтические произведения.

В собрании арабских рукописей Государственной библиотеки Берлина есть один небольшой, малопримечательный на вид сборник в простом переплете из коричневой кожи¹. В нем записана поэтическая трилогия, составленная представителями двух поколений известной в XIV–XV вв. семьи сирийских ученых. Один из авторов был современником Баркука (1382–1399) — основателя черкесского султаната, другой стал свидетелем заката былого могущества мамлюков. Несмотря на то что время написания первой и последней части трилогии разделяет почти семьдесят лет, для произведения в целом характерно не только композиционное и стилистическое единство, но и схожая позиция авторов в оценке происходящих событий. Все три поэмы — *урджузы* — до сих пор полностью, насколько нам известно, не изданы. В настоящей работе использован текст рукописи We 426, которая хранится в Государственной библиотеке Берлина.

Автор первой *урджузы* — Мухаммад Шамс-ад-Дин аль-Ба'уни (1378–1466). Отец Мухаммада Шамс-ад-Дина слагал стихи и слыл прекрасным оратором, султан Баркук назначил его читать проповеди в знаменитой мечети Омеййадов в Дамаске. Оба брата Мухаммада прославились как ученые: 'Ибрахим был филологом, а Йусуф написал несколько трудов в области точных наук. Современники с неизменным восторгом отзывались о присущем всем представителям клана аль-Ба'уни тонком чувстве языка, безупречном владении стилем и поразительной способности легко и быстро создавать стихотворные тексты. Литературный дар Мухаммада Шамс-ад-Дина, по-видимому, развился в семье, его племянник тоже стал поэтом, а племянница 'Аиша прославилась как автор многочисленных мистических сочинений [2]. Полное название *урджузы* — «Подарок остроумным. История правителей и халифов». После беглого обзора эпохи праведных халифов, Омеййадов и Аббасидов, аль-Ба'уни упоминает первых аббасидских халифов в Каире — аль-Мустансира (1261) и аль-Хакима (1261–1302), а листы 15а–21б содержат краткую и иногда меткую до афористичности характеристику мамлюкских султанов от Айбека (1250–1257) до Барсбея (1422–1438). Уделив строчку Айбеку и две его сыну аль-Мансуру (1257–1259), аль-Ба'уни воспеваает подвиги Кутуза (1259–1260), который одержал победу над монголами в битве при Айн Джалуте в сентябре 1260 г.:

Кутузом назывался, был героем,
И кровь его врагов лилась рекою.
Мечом он острым покорял
Проклятых из числа татар...
(л. 15б).

¹ We 426. Подробное кодикологическое описание см.: [1, S. 234, 311].

Кутуз захватил власть, сместив юного сына Айбека, аль-Мансура. Он воспользовался отсутствием самых влиятельных эмиров из свиты малолетнего султана, которые «отправились пострелять из арбалетов», т.е. на охоту. Аль-Мансура вместе с матерью и братом отправили в Дамьетту, а свое решение Кутуз объяснил следующим образом: «Моей единственной целью было собрать войска для войны с татарами, а сделать это можно только будучи султаном» [3, s. 238–239]. «Если мы выйдем на поле боя и разобьем этого врага, — обратился он к своим мамлюкам, — все в ваших руках: ставьте султаном, кого пожелаете» [4, s. 508].

Победа при Айн Джалуте стала решающим фактором в укреплении власти мамлюкских султанов. Кутуз торжественно вступил в Дамаск, но до своей столицы — Каира — не добрался, пав жертвой заговора [5, с. 133–134]. По версии известного арабского историка 'Абу-ль-Фиды (1273–1331), роковую роль в судьбе султана тоже сыграло увлечение охотой. На пути в Египет, когда большая часть войска ушла вперед, Кутуз заметил зайца, погнался за неожиданной и соблазнительной добычей, а следом поскакали эмиры-заговорщики, которые только ждали подходящего случая, чтобы убить султана [3, s. 247]. Оказавшись один, вдали от своей свиты и мамлюков, Кутуз не смог противостоять нападавшим и погиб.

Лишь год он властвовал,
О, если б дольше с мусульманами остался!
(л. 16а)

— восклицает с сожалением автор *урджузы*, переходя к следующим своим героям. В немногих словах отдав должное военным талантам Бейбарса (1260–1277), аль-Ба'уни пишет о печальной судьбе его сыновей, ас-Са'ида (1277–1280) и Саламиша (1280), оказавшихся неспособными удержать власть². Калауна (1280–1290), потомки которого правили почти сто лет — до 1382 г., поэт называет «отцом владык» (л. 16б), а аль-'Ашрафа Халиля (1290–1294) славит за победный штурм крепости крестоносцев:

Он склоны Акки жаром опалил,
Когда все целое в обломки обратил
(л. 17а).

За строками, посвященными длительному и стабильному правлению ан-Насира Мухаммада (1309–1340), следует динамичный, полный драматизма рассказ о смутном времени последних *Бахритов*, когда за сорок два года на троне сменилось тринадцать султанов, многие из которых были пешками в жестокой политической игре мамлюкских эмиров.

Лишь только взял он власть, которую ему вручили,
Как тотчас же ему к ней доступ преградили
(л. 18а),

² Подробнее о Бейбарсе, ас-Са'иде и Саламише см.: [6].

— пишет аль-Ба'уни о сыне ан-Насира Мухаммада, аль-Мансуре (1340–1341). Дела государства в этот период нередко находились в руках одного или двух могущественных армейских командиров, как это было при аль-'Ашрафе Куджуке (1341–1342): власть тогда фактически принадлежала *атабеку* войска Кусуну, что только подогревало распри внутри мамлюкской элиты:

Сердца эмиров закипали гневом,
И зависть гложила круг близких к трону лиц
(л. 186).

В обстановке заговоров и переворотов султанами становились временщики, творящие беззаконие: после смерти ас-Салиха Исма'ила (1342–1345) его брат

Аль-Камиль Ша'бан султаном стал,
Добился он, чего желал,
Не следовал он прежнему пути,
Ни в справедливости, ни в кротости, ни в снисхождении.
Он правил года полтора,
Не медля грохотать повсюду притесненьем
(л. 186–19а).

Безвольных юношей на троне сменяли безжалостные тираны. Жестокость ан-Насира Хасана (1347–1351) аль-Ба'уни подчеркивает одной фразой:

Потом вернули Хасана на трон,
И был он вкусом крови упоен
(л. 196).

Почти четырнадцать спокойных лет принесло жителям Египта правление аль-'Ашрафа Ша'бана (1363–1376), но

Он был убит, и власть его
Осталась в прошлом, как вчерашний день...
(л. 196).

Султаны-*Бурджиты* выступают в *урджузе* настоящими героями: Баркук (1382–1399) — «победитель», Фарадж (1399–1405) — «щедрый» и «смело идущий навстречу опасности», Татар (1421) — «возродитель справедливости», но больше всего похвал достается завоевателю Кипра Барсбею, при котором, вероятно, была составлена поэма. В этой, последней части своей работы аль-Ба'уни от ярких и, по большей части, точных характеристик переходит к менее выразительному стилю панегирика.

Записал *урджузу* племянник Шамс-ад-Дина Хатиба аль-Ба'уни, Мухаммад б. Йусуф б. 'Ахмад аль-Ба'уни (ум. 1505). Он же продолжил сборник своим собственным сочинением (л. 24а–41а), в котором перечислил султанов от Йусуфа аль-Малика аль-'Азиза (1438), сына Барсбея, до Каитбея (1468–1496). Поэма Мухаммада б. Йусуфа названа «Достойные и самые остроумные слова о жизни аль-Малика ас-Са'ида аль-'Ашрафа»:

Путь жизни его благодарность потомков заслужит
И мы не устанем прекрасным его величать,
(л. 236)

— пишет Мухаммад б. Йусуф о Каитбее. После всевозможных похвал в адрес этого султана автор *урджузы* вспоминает последние дни правления Барсбея, который завещает трон своему сыну Йусуфу. Всего через три месяца после этих событий султаном, вопреки последней воле Барсбея, стал Джакмак (1438–1453). Он возглавил сильную и влиятельную группировку мамлюков Баркука, которая сумела оттеснить на второй план новичков — рекрутов Барсбея, сгруппировавшихся вокруг сына своего хозяина, тринадцатилетнего Йусуфа.

Годы правления немолодого и опытного Джакмака (в 1453 г. ему было уже больше 80 лет) прошли без войн (если не считать неудачной попытки захватить Родос) и серьезных потрясений. Заслуги Джакмака автор *урджузы* характеризует следующим образом:

Он обладал умом, достоинством блестящим
И хоть без права царство взял,
Вперед страну он продвигал
(л. 246).

Согласно завещанию Джакмака власть должен был получить его сын, ‘Усман аль-Мансур (1453). Но он пробыл султаном еще меньше, чем сын Барсбея, Йусуф:

Недолго его продолжалось правленье,
Те сорок три дня пронеслись как во сне, как виденье
(л. 25а).

Краткий исторический экскурс, в котором упомянуты также султаны ‘Инал (1453–1461) и Хушкадам (1461–1467), завершается рассказом о правлении Каитбея (л. 266–41а). Далее (л. 436–50а) помещена последняя часть трилогии — еще одна *урджуза* Мухаммада аль-Ба‘уни. После *басмалы* и традиционного вступления Мухаммад аль-Ба‘уни рассказывает предысторию своего сочинения и пишет о том, как у него появился замысел новой работы, ссылаясь на рекомендацию некоего влиятельного лица:

А нынче указал мне тот,
Кому перечить я не смею,
Сочиненье продолжать
Рассказом о событиях известных
(л. 44а).

В небольшом по объему, эмоционально выразительном лирическом отступлении Мухаммад аль-Ба‘уни говорит о смерти своего сына:

Он — жизни моей половина,
Всегда моей воле послушен он был.
И сердце мое истерзала кончина
Его, чью постель наш Господь охладил.

О, как же слог мне украшать —
Явилась смерть, чтоб юность спеленать.
О, где созвучий мне искать —
Его к носилкам нужно привязать.
(л. 446).

В мамлюкский период поэты нередко обращаются к событиям личной жизни, глубоко интимным переживаниям. Об утрате близкого человека пишут Ибн Нубата (ум. 1366), Абу Хайян аль-Гарнати (ум. 1344), Ибн Судун (ум. 1464) [7, р. 110]. Мухаммад аль-Ба'уни, переживший горькую потерю, просит читателя быть снисходительным к его *урджузе*; искреннее выражение чувств вызывает доверие к тому, о чем рассказывает поэт.

В исторической части поэмы речь снова идет о Каитбее и его военных победах, а также о султанах аль-Малике ан-Насире 'Абу ас-Са'адате (1496–1498), 'Абу Са'иде Кансухе аз-Захире (1498–1500), аль-'Ашрафе Джанбулате (1500–1501), аль-'Адиле Туманбее (1501) и Кансухе аль-Гури (1501–1516).

С горечью пишет Мухаммад б. Йусуф аль-Ба'уни о недолгом правлении сына Каитбея, аль-Малика ан-Насира 'Абу ас-Са'адата:

Среди армейских распри завелась,
И горести отсюда начались.
Пороком заразились командиры —
Страна в осаду угадила.
Веревки разума военные порвали
И убивать друг друга стали
(л. 456).

После гибели 'Абу ас-Са'адата султаном стал его дядя по матери, 'Абу Са'ид Кансух аз-Захир. Карьера 'Абу Са'ида Кансуха началась в 1492/1493 г., когда один из эмиров купил его и подарил Каитбею. Молодого мамлюка поместили в военную школу, но там он пробыл недолго: когда выяснилось, что он приходится братом наложнице султана, родившей наследника, его сразу же перевели в отряд *джамдария* (службу султанских камердинеров), дали коня и амуницию. После смерти Каитбея 'Абу Са'ид Кансух стал главным казначеем при аль-Малике ан-Насире 'Абу ас-Са'адате, своим племянником. В следующие два неспокойных года 'Абу Са'иду Кансуху приходилось неоднократно защищать не только казну, но и жизнь юного султана. В награду он получал новые должности и звания и стал одним из самых могущественных эмиров страны. В 1498 г., когда 'Абу ас-Са'адат был убит, трон занял 'Абу Са'ид Кансух: ему понадобилось менее шести лет, чтобы из раба и пленника превратиться в султана и властелина [8, s. 642–643].

Мухаммад аль-Ба'уни пишет о том, что при 'Абу Са'иде Кансухе людям жилось спокойнее, восстановился порядок:

Справедливость он подданным дал
Шариата столпы укреплял
(л. 46а).

Такое мнение в целом согласуется с характеристикой Мухаммада Ибн Ийаса (1448–1524), авторитетного арабского хрониста и свидетеля событий, о которых идет речь [8, s. 659].

Ни родственные связи, ни вызвавшее одобрение современников стремление восстановить дисциплину в армии и законность в стране, не помогли 'Абу Са'иду Кансуху удержать власть. Не прошло и двух лет, как он был смещен и убит. Следующим султаном стал аль-'Ашраф Джанбулат, женившийся на матери аль-Малика ан-Насира, сестре 'Абу Са'ида Кансуха. Все неполные семь месяцев его правления продолжалась острая и беспощадная борьба за трон, который в 1501 г. занял аль-'Адил Туманбей. Его путь к власти был проложен предательством и обманом, он уничтожил всех, кто поддерживал его в борьбе за престол, многие эмиры были брошены в тюрьму. В результате через три с половиной месяца аль-'Адил Туманбей был свергнут. Он бежал из Каира, скрывался в течение сорока двух дней (Ибн Ийас замечает, что за это время волосы его так отросли, что стали похожи на овечью шерсть). Когда мамлюкам, жаждавшим отомстить свергнутому султану за все его злодеяния, удалось пробраться в дом, где он скрывался, аль-'Адил решил спастись, спустившись со стены, но упал и сломал бедро. Первым его настиг Арзамак, один из мамлюков аль-'Ашрафа Джанбулата... Отрубленную голову аль-'Адила водрузили на медное блюдо и отнесли в Цитадель. Кансух аль-Гури распорядился о похоронах. Голова была соединена с телом, труп обмыли, завернули в саван и предали земле. Процессию сопровождала вооруженная охрана, поскольку султан опасался — и не без оснований, — что мамлюки Джанбулата попытаются сжечь тело прямо на носилках [8, s. 689; 9, p. 34].

Мухаммад аль-Ба'уни упоминает только о соперничестве аль-'Ашрафа Джанбулата и аль-'Адила Туманбея, оставляя без внимания подробности правления обоих султанов (л. 47а). *Урджуза* заканчивается несколькими строками, посвященными Кансуху аль-Гури³.

Поэмы аль-Ба'уни — Мухаммада Шамс ад-Дина и его племянника Мухаммада б. Йусуфа — относятся к периоду позднего средневековья, который принято считать временем культурного и литературного упадка, вырождением арабского классического поэтического искусства. Наряду с застоєм в поэзии, эпигонством, увлечением формой намечаются также, как справедливо подчеркивает И. М. Фильштинский, «поиски новых путей» [12, с. 450, 457]. Возможно, отражением такого поиска, основанного на «взаимодействии развивающейся городской культуры и находившейся в упадке придворной» [12, с. 457–458] явилась поэтическая трилогия аль-Ба'уни, которая дает примеры гармоничного сочетания классического панегирика и меткой лаконичности выражений, свойственной лучшим образцам арабской поэзии, тонких лирических отступлений и простого, лишённого стилистических ухищрений, повествования «о делах минувших дней».

Отношение Мухаммада Шамс ад-Дина и Мухаммада б. Йусуфа аль-Ба'уни к героям их повествования определяют нормы и ценности ислама. Авторы трилогии воспевают подвиги султанов, которые одержали победу над врагами мусульман — монголами и крестоносцами, славят тех, кто «укреплял столпы шариата», проявлял милосердие к подданным, «возрождавал справедливость» и «смело шел навстречу

³ Подробнее о Кансухе аль-Гури см.: [5, с. 151–152; 10; 11].

опасности». Поэты сожалеют о несчастных судьбах мальчиков и юношей, которые занимали трон по воле своих отцов и очень скоро становились жертвами дворцовых интриг и заговоров, осуждают жестокость, тиранию, порок.

Аль-Ба'уни выступают как носители традиционной мусульманской культуры, представители автохтонного населения страны⁴. Выбранная авторами *урджуз* тема — история правления мамлюкских султанов — ставит их работу в число сочинений, которые сохраняют и передают коллективную память, отражают потребность общества иметь доступное изложение событий недавнего прошлого, осознать их, гордиться победами и помнить о трагедиях. Трилогия представляет безусловный интерес как источник для изучения культуры и общества в мамлюкский период.

Литература

1. Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Einundzwanzigster Band. Verzeichniss der Arabischen Handschriften von W. Ahlwardt. 9 Bd. Berlin: A. Asher & Co, 1897. 618 S.
2. *Homerin Th.E.* Living Love: The mystical writings of 'A'ishah al-Ba'uniyah (d. 922/1516) // *Mamluk Studies Review*. 2003. Vol. 7 (1). P. 211–234.
3. *Abu al-Fida, al-Malik al-Mu'ayyad 'Imad al-Din 'Isma'il Ibn 'Ali.* Al-Mukhtasar fi 'akhbar al-bashar [Brief history of Man]. 4 ajza'. Vol. 3. Cairo: Dar al-Ma'arif. 271 s.
4. *Al-Maqrizi, Taqi-al-Din.* Kitab as-suluk li marifat duwal al-muluk [The path to knowledge of Dynasties and Kings]. 8 ajza'. Vol. 1. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1997. 566 s.
5. *Зеленев Е. И.* Мусульманский Египет. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 373 с.
6. *Зеленев Е. И., Илюшина М. Ю.* Военно-политическая экспансия мамлюкского султаната на Ближнем Востоке: султан Бейбарс (1260–1277) // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика*. 2013. № 3. С. 41–53.
7. *Bauer T.* Mamluk literature: Misunderstandings and new approaches // *Mamluk Studies Review*. 2005. Vol. 9 (2). P. 105–132.

⁴ В отличие, например, от известного историка XV в. Ибн Тагри Барди (1409/1411–1469/1470), который, будучи сыном высокопоставленного эмира, получил воспитание в мамлюкской среде. В его работах акценты расставлены несколько иначе. Согласно Ибн Тагри Барди проницательность — более ценное качество правителя, чем милосердие, а убийство нескольких десятков человек не является проявлением жестокости или тирании, если позволяет обеспечить стабильность власти. Например, о султани аль-Му'аййаде Ибн Тагри Барди пишет следующее:

«Он был султаном, которого уважали и боялись, смелым, отважным, разумным и отличал хорошее от дурного. Эмир Арнубуга аль-Йусуфи ан-Насири — да будет Бог милостив к нему — рассказывал мне: «Аль-Му'аййад смотрел на человека, разбирая в нем хорошее и дурное одним лишь взглядом. Так он узнавал столько, что и спрашивать было ни о чем не нужно. Он давал пришедшему довольствие и наделы, которые ему следовали, подобно тому, как искусный целитель выписывает больному лекарство. Если человек ему нравился, он поднимал его до самого высокого ранга в самый короткий срок, если же нет — скупился дать ему даже такой надел, который приносит десять тысяч дирхемов в год». Закончились слова Арнубуги.

Я сказал: «Вот что требуется от правителей, а иначе — благое погублено будет дурным». Он сохранял преемственность с теми, кто правил до него, приняв власть, когда в султанате не было порядка...

Однажды ему передали, что о нем говорят, будто он предал смерти чуть ли не восемьдесят командиров высшего ранга. Аль-Му'аййад ответил, что убил лишь тех, кто этого заслуживал, и что султан вправе казнить всякого по своему выбору. Мамлюки-тюрки, те, что были недостаточны умны, чтобы постичь глубокий смысл этих слов, не поняли значения сказанного и считали такую речь своего повелителя постыдной» [13, s. 138–260].

Любое решение султана, согласно Ибн Тагри Барди, справедливо, если оно продиктовано стремлением упрочить власть и сохранить преемственность культурно-политической традиции, что, в свою очередь, рассматривается как необходимое условие успешного правления, мира и благополучия в стране.

8. *Ibn Iyas, Muhammad b. 'Ahmad al-Hanafi*. Bada'i' al-Zuhur fi Waqa' i' al-Duhur. Matabi' al-Sha'ab, 1960. 3 ajza'. Vol. 2. 964 s.
9. *Hamzah Kh*. Late Mamluk patronage: Qansuh al-Ghuri's waqf and his foundation in Cairo. Florida, USA: Universal-Publishers Boca Raton, 2009. 152 p.
10. *Илюшина М. Ю.* «Божественные касыды...» султана аль-Гури // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. Африканистика. 2012. № 2. С. 68–75.
11. *Petry C. F.* Protectors or Praetorians? The last Mamluk sultans and Egypt's waning as a great power. State University of New York Press, 1994.
12. *Фильштинский И. М.* История арабской литературы X–XVIII века. М.: Главная редакция восточной литературы, 1991. 726 с.
13. *Ibn Tagri Bardi, Jamal al-Din 'Abu al-Muhasin Jusuf al-'Atabaki*. Al-Nujum Al-Zahira fi Muluk Misr wa-l-Qahira. Beirut: Dar al-Kutub al-'Ilmiya, 1992. 16 j. Al-juz' al-Thalith 'Ashar. 309 s.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Илюшина Милана Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент; aspirant_vf@mail.ru

Iliushina Milana Yu. — Candidate of History, Associate Professor; aspirant_vf@mail.ru

А. А. Мокрушина

СОЧИНЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРУ, ИЗ РУКОПИСНОЙ КОЛЛЕКЦИИ А. К. КАЗЕМ-БЕКА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

А. К. Казем-Бек собрал богатую коллекцию восточных рукописей, послужившую впоследствии основой для формирования коллекции библиотеки Восточного отдела Санкт-Петербургского университета. Всего в библиотеку поступило около трехсот сочинений из коллекции А. К. Казем-Бека. Это восточные рукописи на различные темы — богословие, история, литература, фольклор и другие.

В настоящей статье мы попытались систематизировать лишь часть рукописей из коллекции А. К. Казем-Бека, посвященных литературе и фольклору. Тщательное изучение и описание рукописных сочинений, хранящихся в Восточном отделе библиотеки им. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, представляется не только интересным, но и актуальным вопросом. Библиогр. 4 назв. Ил. 15.

Ключевые слова: рукопись, рукописный фонд, письменная традиция, арабский язык, литература, фольклор, комментарий.

MANUSCRIPTS ON LITERATURE AND FOLKLORE FROM A. K. KAZEM-BECK'S COLLECTION

A. A. Mokrushina

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

A. K. Kazem-Beck collected a rich collection of oriental manuscripts, which later became the basis for the formation of the library's collection in Oriental Department of St. Petersburg University. The library received about three hundred works from the collection of A. K. Kazem-Beck. There were oriental manuscripts on various topics — theology, history, literature, folklore and others. We have examined the manuscripts devoted to literature and folklore from the collection of A. K. Kazem-Beck. In this article we tried to systematize the part of the collection of manuscripts A. K. Kazem-Beck devoted to literature and folklore. Study and description of manuscripts from the library of the Department of Asian and African Studies in St. Petersburg State University is an interesting and relevant issue. Refs 4. Figs 15.

Keywords: manuscript, handwritten fund, written tradition, the Arabic language, literature, folklore, annotations.

Александр Касимович Казем-Бек (Мирза Мухаммад Али Казем-Бек) — выдающийся востоковед и первый декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета — родился в 1802 г. в городе Решт (Персия). Позднее семья переехала в Дербент, где А. К. Казем-Бек получил образование. В семнадцать лет будущий востоковед написал свою первую научную работу под названием «Опыт грамматики арабского языка». В 1828 г. А. К. Казем-Бек возглавил кафедру турецко-татарского языка в Казанском университете, а также, помимо турецкого и татарского языков, начал преподавание арабского и персидского. Позднее по указу Министерства просвещения выдающегося ученого переводят в Санкт-Петербургский университет, где 27 августа 1855 г. был открыт Факультет восточных языков, первым деканом которого стал А. К. Казем-Бек [1, с. 30–149].

А. К. Казем-Бек собрал богатую коллекцию восточных рукописей, послужившую впоследствии основой для формирования коллекции библиотеки Восточного

отдела Санкт-Петербургского университета. Всего в библиотеку поступило около трехсот сочинений из коллекции А. К. Казем-Бека. Это восточные рукописи на различные темы — богословие, история, литература, фольклор и другие [2, с. 21].

Нами были рассмотрены сочинения из рукописной коллекции А. К. Казем-Бека, посвященные литературе и фольклору.

Рукопись № 91 (рис. 1) представляет собой конволют, включающий сочинение под названием «Изречения халифа Али бин Абу Талиба» (л. 1 об. — 164) и сочинение «Отрывки из стихотворных диванов некоторых поэтов» (л. 166 об. — 188).

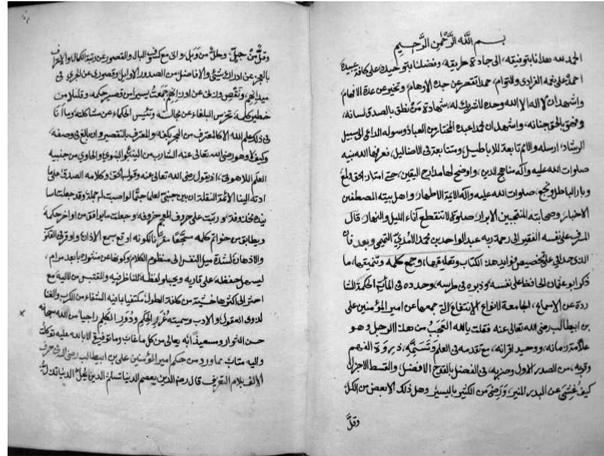

Рис. 1. Фрагмент списка рукописи № 91

Обложка рукописи находится в хорошем состоянии, размеры работы: 31×26,5 см. В тексте сочинений присутствуют кустоды. Бумага содержит филигранный крест, среди которых различим крест. В первом сочинении изречения расположены в алфавитном порядке и указаны под названием *Gurar l-hikam wa durar l-kalim* (Самые лучшие мудрые изречения и жемчужины высказываний). Автор первого сочинения — Абд аль-Уахид бин Мухаммад бин Абд аль-Уахид аль-Амуди ат-Тимими (родом из города Амид). Основной текст сочинения написан черными чернилами, названия глав выделены красными. В тексте также присутствуют комментарии на полях. Во втором сочинении на полях указаны годы жизни цитируемых поэтов по хиджре. И. Ф. Готвальд пишет: «Почерк несхи, татарской рукой, нынешнего столетия» [3, с. 241]. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CLXII [3, с. 241–242].

Сочинение № 408 (117 л.) носит название «Сборник стихотворений халифа Али» (рис. 2, 3).

Обложка рукописи твердая, с повреждениями, присутствует орнамент. Размеры сочинения: 20,5×13,5 см. Текст написан почерком насх, что указано в тексте самого сочинения. Некоторые названия выделены красными чернилами, другие — синими. Отдельные части текста вписаны в рамку — на первом и втором листе рамка позолоченная. На некоторых листах присутствуют комментарии, сделанные карандашом. Бумага восточная, не содержит водяных знаков. В тексте сочинения присутствуют кустоды. Текст всей рукописи огласован. И. Ф. Готвальд отмечает: «...рукопись везде снабжена гласными» [3, с. 241]. Неразборчиво указано имя переписчика, читаемо

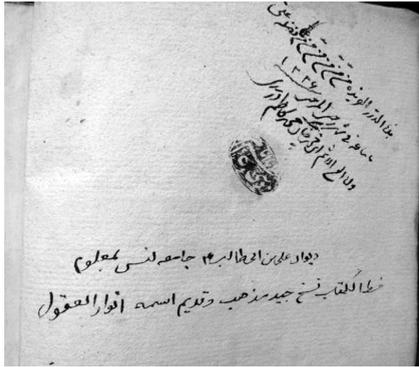

Рис. 2. Первый лист списка рукописи № 408

Рис. 3. Фрагмент списка рукописи № 408

лишь первое слово — Ибрахим. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CLXI [3, с. 240–241].

Рукопись № 299 (214 л.) носит название «Рассказы о пророках» (рис. 4).

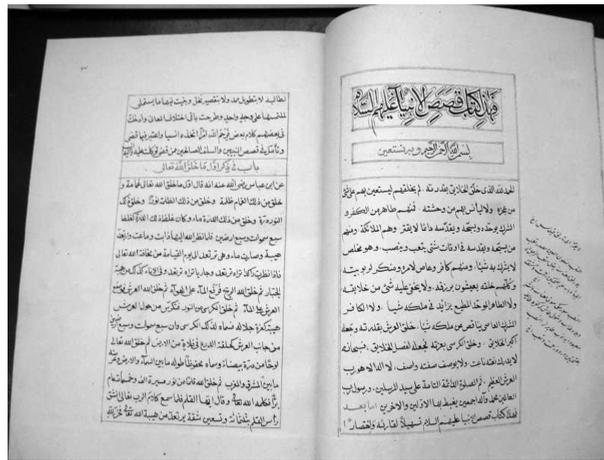

Рис. 4. Фрагмент списка рукописи № 299

Автор сочинения неизвестен. Рукопись находится в отличном состоянии. Обложка твердая, в хорошем состоянии, присутствует орнамент. Размеры рукописи: 27,6×18,5 см. Бумага восточная, не содержит филиграней, также отлично сохранилась. В тексте присутствуют кустоды. Нумерация листов в оглавлении ошибочна. На полях сочинения присутствуют комментарии, некоторые из них сделаны на османском языке — например, обороты листов 2, 7, 8 и далее. Текст сочинения написан черными чернилами и заключен в рамку, сделанную красными чернилами. Названия глав, подчеркивания в тексте, а также глагол *qaala* (сказал) и производные от него формы выделены красными чернилами. С оборота листа 2 указано оглавление. Текст сочинения начинается с оборота листа 2. Сочинение написано почерком

наسخ. На обороте листа 212 указано имя переписчика — Убейд Аллах бин Кулейм Аллах аль-Булгари аль-Гаррани. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — XXV [3, с. 51–56].

Рукопись № 594 «Египетская антология (поэзия, проза)» содержит 110 листов (рис. 5, 6).

Рис. 5. Первый лист списка рукописи № 594

Рис. 6. Последний лист списка рукописи № 594

Размер книги: 20×15 см. Обложка сочинения твердая, находится в хорошем состоянии, на ней присутствует орнамент. В каталоге О.Б. Фроловой не указаны ни имя переписчика, ни дата написания [4, с. 106]. Однако на листе 110 сочинения указана дата написания списка — месяц сыфр 1112 г. и имя переписчика — Мухаммад бин Мухаммад аль-... (далее неразборчиво). Автор сочинения — Ахмад бин Яхья бин Аби Хаджла (1325–1375). Почерк сочинения — насх. Текст написан черными чернилами, однако заглавия, глагол *qaala* и ряд отдельных слов написаны красными чернилами. В сочинении присутствуют комментарии на арабском языке, сделанные черными и красными чернилами. Бумага находится в хорошем состоянии. На ней присутствуют филигранные.

Рукопись № 212 (137 л.), согласно каталогу И. Ф. Готвальда, носит название «Сад знающих / Собрание преданий и наставлений, относящихся к нравственности, законам и прочее» [3, с. 59] (рис. 7, 8).

Автор сочинения — Абу Лайс ас-Самарканди (ум. в 993 г.). Рукопись находится в отличном состоянии. Обложка сочинения твердая, кожаная с позолоченным орнаментом. Размеры рукописи: 22×14,5 см. На листе 3 написано чернилами: *Kitaab l-bustaan*. Далее следует текст: «Это полезное краткое изложенное сочинение (книга) в ста пятидесяти главах».

Оглавление заключено в рамку, сделанную красными чернилами (с листа 4 по оборот листа 6).

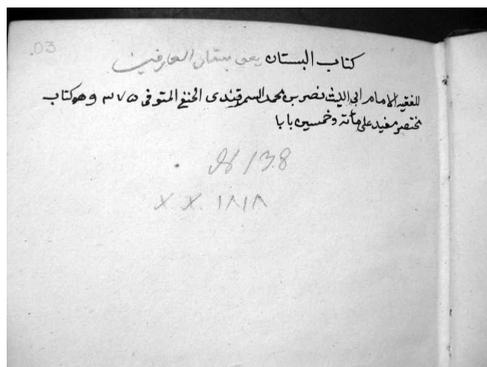

Рис. 7. Первый лист списка рукописи № 212

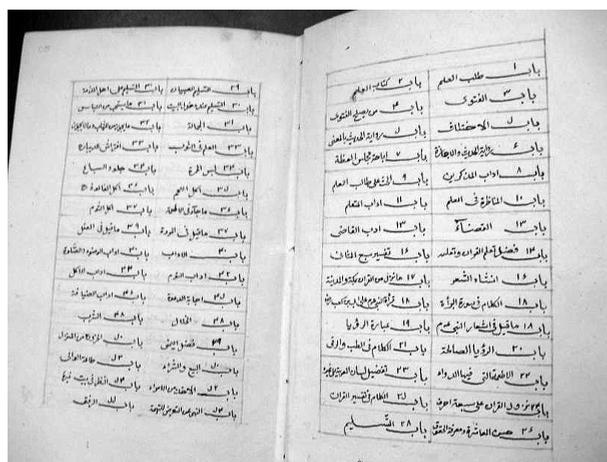

Рис. 8. Фрагмент списка рукописи № 212

И. Ф. Готвальд указывает, что почерк сочинения — татарский насх [3, с. 66]. Текст сочинения также написан черными чернилами, за исключением отдельных слов, написанных красными чернилами. В тексте присутствуют кустоды, небольшое количество комментариев на полях сделаны на арабском языке. Бумага восточная без водяных знаков. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — XXXII [3, с. 59–66].

Рукопись № 267 (л. 70–95) «Толкование поэмы древнего поэта Кааба бин Зухайра» находится в конволюте с двумя другими сочинениями. (Поэт Кааба бин Зухайр умер в 645 г.)

Обложка сочинения твердая, кожаная, с орнаментом. Размер рукописи: 23,5×16,5 см. Текст сочинения написан черными чернилами, подчеркивания в тексте сделаны красными чернилами. В тексте отсутствуют кустоды и комментарии. Бумага пожелтевшая. Текст написан почерком насх. Автор толкования Али бин Султан Мухаммад аль-Кари аль-Хирауи (ум. в 1605 г.). В конце сочинения указан год окончания написания сочинения — 1012 по хиджре. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — LXXIV/ 3 [3, с. 121] (рис. 9).

В конволюте с этим сочинением присутствует рукопись (л. 127–183) «Комментарии на поэму аль-Бусыри» (рис. 10).

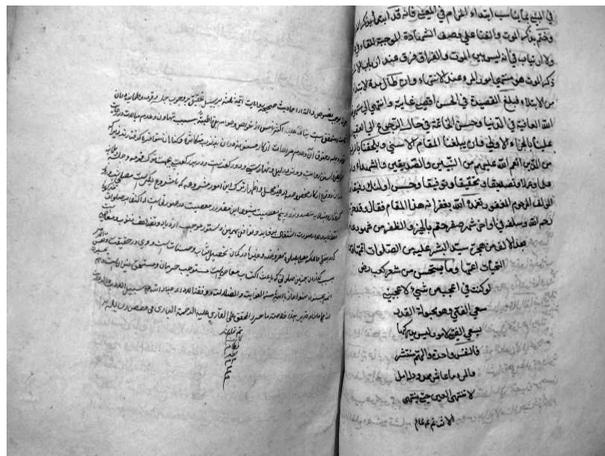

Рис. 9. Лист 95 списка рукописи № 267

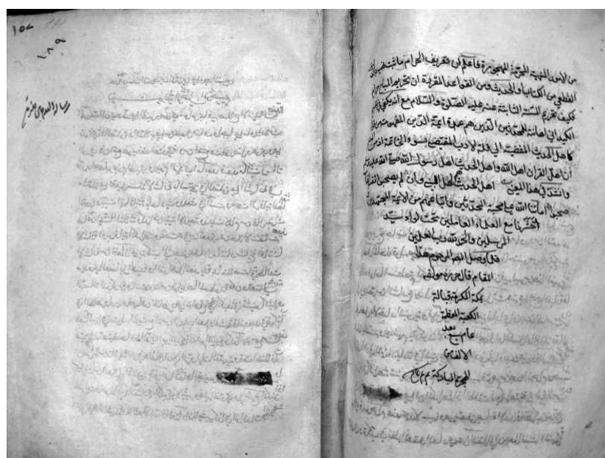

Рис. 10. Лист 183 списка рукописи № 267

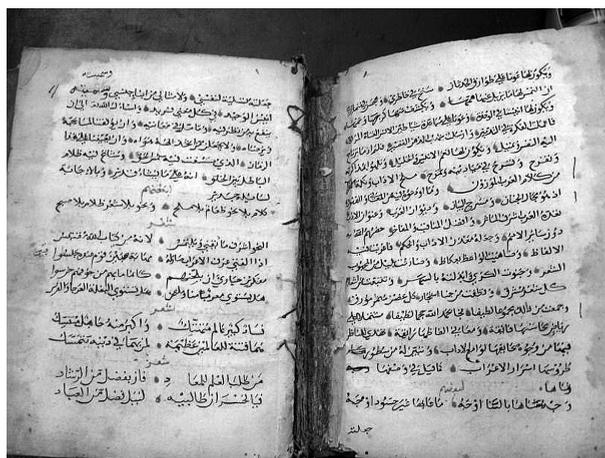

Рис. 11. Фрагмент списка рукописи № 726

Автор сочинения тот же — Али бин Султан Мухаммад аль-Кари аль-Хирауи. В колофоне указано место и время написания сочинения: Мекка, 1007 г. по хиджре. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — LXXIV/ 8 [3, с. 122].

Рукопись № 726 (134 л.) носит название «Сборник стихов и крылатых слов».

Отсутствует окончание сочинения. Размеры рукописи: 20×14,5 см. Обложка твердая, бумага с филигранями, в не очень хорошем состоянии. Текст написан черными чернилами, заглавия и отдельные слова выделены красными чернилами. Почерк, которым написан текст сочинения, различается, что свидетельствует о том, что ее писали разные люди. В тексте присутствуют кустоды и комментарии на арабском языке.

Рукопись 624 (л. 1–401) «Комментарий поэтического сборника аль-Мутанабби» (рис. 12).

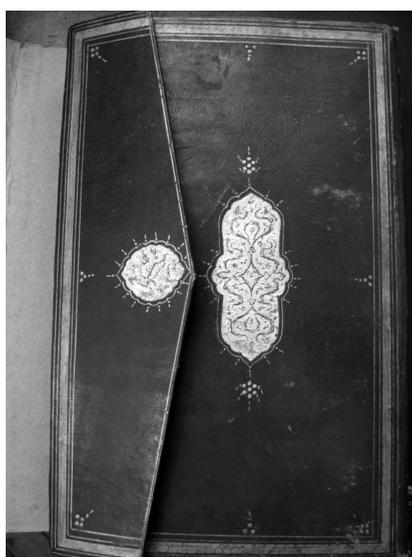

Рис. 12. Обложка списка рукописи № 624

Автор сочинения — Али бин Ахмад аль-Уахиди (ум. в 1075 г.). Всего в работе 418 листов, но листы с 402 по 418 пустые. На листе 418 разбираются грамматические моменты. Обложка сочинения твердая, с позолоченным орнаментом. Размеры рукописи: 29×15,5 см. Текст на всех листах включен в рамку, сделанную черными и позолоченными чернилами. Текст стихотворений, как и отдельные слова сочинения, написаны красными чернилами, комментарий написан черными чернилами. В тексте присутствуют кустоды и комментарии на арабском языке. В каталоге О. Б. Фроловой отсутствует указание имени переписчика и времени написания сочинения [4, с. 80], однако в тексте эти данные указаны. Переписчик — Мухаммад бин Исмаил. Год написания списка — 1069 по хиджре. На отдельных листах бумаги просматриваются водяные знаки в виде полукруга.

Рукопись № 536 (33 л.) «Юридический трактат в стихах» (рис. 13).

Автор сочинения — Абд аль-Уаххаб бин Шихаб ад-Дин Ахмад аль-Мазани аль-Ханафи (1330–1366). Согласно каталогу О. Б. Фроловой время написания трактата — 1447–1448 гг. [4, с. 195]. Обложка сочинения твердая, синего цвета. Размер рукописи

Рис. 13. Первый лист списка рукописи № 536

Рис. 14. Фрагмент списка рукописи № 370

18,5×14 см. На углах обложки присутствует орнамент. Бумага сочинения повреждена и восстановлена — заклеена. В тексте присутствуют кустоды. Бумага сочинения без филиграней. Текст написан черными чернилами, названия глав выделены красными чернилами. Комментарии на полях сделаны красными и черными чернилами. Текст сочинения написан почерком насх. На листе 33 в колофоне указано имя переписчика — Али бин ас-Сайфи (неразборчиво) бин Абд ал-Аллах Ибрахим аль-Ханафи. Также указан год окончания написания — 851 по хиджре. На листах 1 и 33 перечислены имена владельцев рукописи и время, когда она находилась у них. Например: Ахмад бин аш-Шейх Абд аль-Аль аз-Залауи аль-Ханафи (1123), Абд ар-Рахман Абу Ахмад (1170), Ахмад Ахмад ат-Талауси аль-Ханафи (год не указан).

Рукопись № 370 (387 л.) (рис. 14) по каталогу О.Б. Фроловой носит название «Комментарий на книгу пятидесяти макамов автора аль-Харири» [4, с. 148]. Согласно каталогу И. Ф. Готвальда рукопись называется «Объяснитель трудностей, толкований на только что упомянутые пятьдесят бесед аль-Харири» [3, с. 244].

Содержание рукописи в большей степени касается разбора грамматических форм, чем содержания макамов. Обложка рукописи твердая, кожаная. Размер рукописи 28×17 см. Текст сочинения написан черными чернилами. Отдельные слова и комментарии написаны красными чернилами. Почерк сочинения — насх, что также отмечает И. Ф. Готвальд. В тексте присутствуют кустоды. До листа 1 указано оглавление сочинения, написанное красными чернилами. На бумаге отсутствуют водяные знаки. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CLXVII [3, с. 244–245].

Рукопись № 625 (101 л.) «Сборник распространенных среди людей пословиц» (рис. 15).

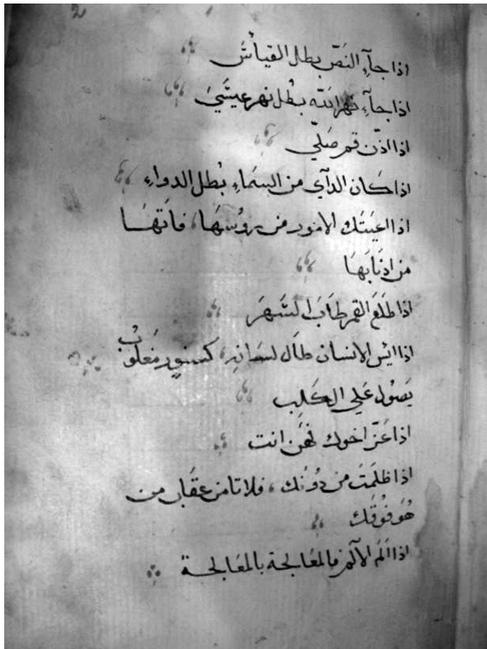

Рис. 15. Фрагмент списка рукописи № 625

Автор сочинения — Абу Убейд аль-Касим бин Саллям аль-Лугауи (773–837). Обложка рукописи твердая. Размеры 20×13,5 см. Список не датирован. Текст написан почерком таалик. На страницах сочинения присутствуют кустоды. На первом листе указано название списка, автор рукописи и год его смерти по хиджре — 224 г. На этом же листе указаны имена владельцев и время, когда список у них находился: аль-Бакри (780), Мухаммад аль-Бакри аль-Хамауи (1192). Заглавие написано красными чернилами. Пословицы, вошедшие в сборник, написаны на литературном арабском языке и на диалектах сиро-палестинского региона.

Рукописная коллекция А. К. Казем-Бека включает большое число сочинений, посвященных различной тематике. В настоящей статье мы попытались систематизировать лишь часть рукописей из этой коллекции, посвященных литературе

и фольклору. Тщательное изучение и описание рукописных сочинений, хранящихся в Восточном отделе библиотеки им. Горького Санкт-Петербургского государственного университета, представляется не только интересным, но и актуальным вопросом.

Литература

1. Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета 1855–1905 годов // Материалы для истории факультета восточных языков. СПб.: 1909. Т. IV. С. 30–149.
2. Беляев В. И., Булгаков П. Г. Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 21–35.
3. Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей, принадлежащих библиотеке Императорского Казанского университета. Казань: Университетская типография, 1854. 303 с.
4. Фролова О. Б., Дерягина Т. П. Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 268 с.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Мокрушина Амалия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент; kodzik@inbox.ru
Mokrushina Amalia A. — PhD, Associate Professor; kodzik@inbox.ru

Г. С. Харатишвили

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛИ (ЧАСТЬ 1)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена истории создания Восточного факультета и кавказоведения в Санкт-Петербургском университете, преподаванию языков народов Закавказья (Южного Кавказа): грузинского, армянского и азербайджанского; возникновению соответствующих кафедр, а также преподавателям этих языков. Библиогр. 21 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: языки Южного Кавказа, преподаватели кавказских языков, СПбГУ.

CAUCASIAN STUDIES AT SAINT-PETERSBURG UNIVERSITY: DEPARTMENT'S INCEPTION AND ITS TEACHERS

G. S. Kharatishvili

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is dedicated to the History of creation of the faculty of Asian and African studies (former faculty of Eastern languages, later — Oriental faculty) and to the History of the beginning of Caucasian studies in Saint-Petersburg State University; teaching of South Caucasian: the Armenian, the Azerbaijani and the Georgian languages; to the teachers of these languages: Marie Felicite Brosset, D. Chubinov (Chubinashvili), N. Beroev, L. Budagov, K. Patkanov, (Patkanian), A. Tsagareli, N. Marr, I. Javakhov (Javakhishvili), N. Adonts, I. Orbeli and many others. The article tells about the Caucasian studies in nowadays faculty of Asian and African studies, teaching of South Caucasian languages, Geography, History, Ethnography, Literature and other subjects about Caucasian countries: Azerbaijan, Armenia and Georgia. It also tells about professors and teachers of these subjects at past and at present. The article is based on some historical sources of the Archives of Saint-Petersburg, such as: the Central State Historical Archives of Saint-Petersburg (CSHA SPB.), the Central State Archives of Saint Petersburg (CSA SPB.), the Central Archives of the Saint-Petersburg State University (CA SPBSU), Materials of the Museum of the Saint-Petersburg State University and on scientific works of some well known Soviet historians. Refs 21. Tables 1.

Keywords: Caucasian studies in SPbSU, South Caucasian languages (the Georgian, the Armenian, the Azerbaijani), the teachers of Caucasian languages.

Кавказоведение в Санкт-Петербургском государственном университете имеет давнюю традицию. В начале XIX в. необходимость изучения кавказских языков в России диктовалась самой жизнью. Включение Грузии и всего Южного Кавказа в пределы Российской империи и управление этим регионом ставило на повестку дня наличие подготовленных кадров, чиновников-управленцев, знающих языки местного населения, а в идеале знакомых и с обычаями, нравами, традициями и другими сторонами жизни народов всего региона.

В Главном педагогическом институте Санкт-Петербурга, 8 февраля 1819 г. преобразованном в университет, были учреждены две кафедры восточных языков: арабского и персидского. Возглавили эти кафедры ученики известного французско-востоковеда Сильвестра де Саси: Жан Франсуа Деманж (1789–1839) — кафедру арабского языка, и Франсуа Бернар Шармуа (1793–1868) — кафедру персидского языка. В конце марта 1818 г. они приступили к преподаванию названных языков [1, л. 1–3; 2, л. 1; 3, с. 3; 4, с. 30].

Языки Южного Кавказа были включены в проект Азиатской академии, в проекты 1829 и 1832 гг. С. С. Уварова, президента АН (1818–1855) и министра просвещения России. Для преподавания грузинского языка предполагалось пригласить французского востоковеда и кавказоведа Мари Фелисите (Мария Ивановича) Броссе (1802–1890), изучавшего грузинский язык с 1826 г. и армянский язык — с 1832 г.

М. Броссе еще в 1831 г. пытался основать кафедру грузинского языка в Парижской школе живых восточных языков, но его попытка не была осуществлена. В 1832 г. он уже собрался ехать в Петербург для той же цели. Однако проект создания кафедры не был утвержден, и его приезд в тот год не состоялся. Лишь после выхода в отставку Ф. Б. Шармуа в 1835 г. и освобождения места адъюнкта в конце 1836 г. Броссе был избран адъюнктом АН, и весной 1837 г. он прибыл в Петербург.

Зимой 1839/40 г. Броссе получил возможность преподавать грузинский язык при Академии наук, а в 1841 г. в Санкт-Петербургском университете в течение весеннего и осеннего семестров он преподавал грузинский язык — прочел 29 бесплатных лекций¹ [5, л. 1].

6 января 1842 г. экстраординарный академик АН М. Броссе известил ректора П. А. Плетнева о том, что в связи с возложенными на него новыми обязанностями по Академии наук и в Публичной библиотеке он не может «быть свободным для преподавания грузинского языка в университете». 23 января ректор уведомил об этом попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, и преподавание грузинского языка в университете было прекращено [1, л. 1–3].

24 июля 1844 г. Высочайшим указом в Петербургском университете учреждалось преподавание грузинского, армянского и татарского (азербайджанского) языков. После прохождения указа царя через министерства: народного просвещения и юстиций, а также Сената, 1 августа был издан указ, по которому на восточном отделении историко-филологического факультета университета было введено преподавание указанных языков для студентов из Закавказья² [7, л. 12].

Фактически преподавание грузинского, армянского и азербайджанского языков в университете стало осуществляться с 1845 г. лицами, служившими в Азиатском департаменте МИД. Преподавание грузинского языка было возложено на выпускника Петербургского университета 1839 г. адъюнкта Давида Иесеевича Чубинова (Чубинашвили) (1814–1891), тридцатилетнего титулярного советника, талантливого ученого, лексикографа, языковеда и литературоведа, уже опубликовавшего к тому времени свой «Грузино-русско-французский словарь» (СПб., 1840), удостоенный АН полной Демидовской премии (5000 рублей). Преподавать армянский язык было поручено Никите Лазаревичу Бероеву (1799–1872), а азербайджанский язык — адъюнкту Лазарю Захаровичу Будагову (1812–1878). С этого времени преподавание всех

¹ В Петербурге М. Броссе тесно сотрудничал с крупным грузиноведом, почетным членом Императорской АН с 1837 г., автором работ по истории Грузии Теймуразом Багратиони (1772–1846). Грузинский царевич вел переписку с Броссе еще с 1830 г., задолго до его приезда в Петербург. Сотрудничество и дружба двух выдающихся ученых продолжались до конца их жизни. Теймураз Багратиони оказывал Броссе огромную помощь в обработке материалов в области грузиноведения, консультировал и помогал ему в правильном понимании грузинских текстов.

² С 1834 г. на учебу в Москву и Санкт-Петербург ежегодно присылали по 5 выпускников Тифлисской гимназии. С 1843 г. их число было увеличено до 15, а позже до 20. Они были, в основном, детьми высших слоев местного населения: князей и дворян, ханов и беков, духовенства и русских чиновников, служивших на Кавказе.

трех языков было введено в систему университетского образования в качестве обязательной дисциплины для студентов с Южного Кавказа.

По архивным материалам их первыми слушателями стали: выпускник 3-й Санкт-Петербургской гимназии Ага-Бек Едигаров и выпускники Тифлисской гимназии Иван Кайтмазов и князь Константин Меликов. В 1846 г. на первый курс поступили: Петр Мезинов, Василий Сараджев (Сараджишвили), Гавриил Сундуков, Георгий Цинамдзгваров (Цинамдзгвришвили), князь Иосиф Цицианов (Цицишвили) и князь Яссе (Иасе) Чавчавадзе, все выпускники Тифлисской гимназии³ [6, л. 5–76; 7, л. 1–27; 5, л. 3–10, 17–42].

В 1854 г. по высочайшему указу от 22 октября отделение восточных языков университета было преобразовано в факультет Восточных языков (ФВЯ). Был утвержден штат факультета с девятью кафедрами языков: арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и калмыцкого, китайского, еврейского, армянского, грузинского и манчжурского. ФВЯ был открыт в торжественной обстановке в полдень в субботу 27 августа (8 сентября) 1855 г. в большом зале университета. На торжестве присутствовал министр народного просвещения тайный советник А. С. Норов, товарищ министра князь П. А. Вяземский, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа тайный советник М. Н. Мусин-Пушкин, ректор и деканы университета, профессора и студенты ФВЯ. Ректор университета действительный статский советник П. А. Плетнев зачитал Высочайший указ о создании ФВЯ. Первый декан факультета ординарный профессор персидской словесности Мирза Александр Казем-Бек произнес речь о значении нового факультета⁴ [9, л. 6, 9].

Кафедру грузинской словесности возглавил грузиновед, экстраординарный профессор Д. И. Чубинов, кафедру армянской словесности — адъюнкт Н. Л. Бероев, а адъюнкт Л. З. Будагов преподавал азербайджанский язык по кафедре турецко-татарской словесности⁵ [10, л. 1–3; 11, с. 70].

Помимо кавказских языков студенты Армяно-грузино-татарского разряда должны были прослушать курсы лекций: богословие, русский язык, историю России, историю российского законодательства, французский язык. Позже (в 1856 г.) добавились некоторые гуманитарные и социально-экономические предметы. После введения нового университетского устава 1884 г. по учебному плану кафедры армяно-грузинской словесности студенты изучали: армянский язык (I–VIII семестры), грузинский язык (I–VIII семестры), арабский язык (I–II семестры), персидский язык (III–VIII семестры), богословие (I–II семестры), русскую словесность (I–IV семестры), русскую историю (I–IV семестры) и один из европейских языков. В 1886 г. в план обучения разряда армяно-грузино-персидский были добавлены курсы: исто-

³ 27 сентября 1848 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа известил правление университета, что Ага-Бек Едигаров и Иван Кайтмазов, «окончившие курс наук в нынешнем году... в скором времени будут отправлены в “Закавказский край”» [5, л. 40–42]. Константин Меликов окончил 1-е отделение (разряд восточной словесности) Философского факультета в 1849 г., а Иосиф Цицианов и Яссе (Иасе) Чавчавадзе — в 1850 г. После введения устава российских университетов в 1884 г. степень «кандидат» была упразднена [8, с. 1, 3].

⁴ Факультет делился на 5 разрядов: 1. Арабско-персидско-турецко-татарский; 2. Монголо-калмыцко-татарский; 3. Китайско-манчжурский; 4. Еврейско-арабский; 5. Армяно-грузино-татарский [9, л. 6, 9].

⁵ 24 апреля 1855 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа известил Совет университета, что министр просвещения «признал справедливым» возвести адъюнкта Д. И. Чубинова «по вниманию к ученым трудам его, в звание экстраординарного профессора» [10, л. 40–42].

рия персидской литературы (VIII семестр), история Востока (I–IV семестры), спецкурс по новой истории Персии (V–VIII семестры) и практические занятия по персидскому языку (V–VIII семестры) [12, с. 122–125, 149–152].

Университетский устав 1863 г. внес некоторые изменения в структуру ФВЯ. В отношении языков Южного Кавказа это выразилось в том, что кафедры грузинской и армянской словесности были объединены в единую кафедру армянской и грузинской словесности. Ординарный профессор Д. И. Чубинов возглавил и был ее заведующим до своего официального ухода из университета 15 ноября 1871 г. по исполнении 30 лет его преподавательской деятельности, а татарский (азербайджанский) в дальнейшем преподавался на кафедре турецко-татарской словесности.

Преподавательская деятельность Д. И. Чубинова была разнообразной и плодотворной. В разные годы, кроме грузинского языка (фонетики, грамматики, практических занятий по переводу с грузинского языка на русский и с русского на грузинский), его письменности и наречий, он читал студентам курс лекций по истории грузинской литературы и истории Грузии, разбирал с ними грузинские рукописи, исторические и агиографические источники и тексты из произведений грузинских писателей разных эпох, с V по XVIII в.; он знакомил их с лучшими произведениями грузинской поэзии и с памятниками светской литературы: Шота Руставели, И. Шавтели, Чахрухадзе, с «Амирандареджаниани», «Висрамиани», «Русуданиани», «Мудростью вымысла» С. С. Орбелиани и многими другими. Текст из «Вепхисткаосани» («Витязя в тигровой шкуре») великого Шота был включен в «Грузинскую хрестоматию», составленную им для чтения со студентами и изданную в двух частях в 1848 г.

В 1847 г. Д. И. Чубинов был удостоен АН полной Демидовской премии (второй раз) за составление «Русско-грузинского словаря» (издан в 1848 г.). В том же году им были опубликованы: «Русская грамматика на грузинском языке» и грузинский текст «Древней истории Грузии» (до IV в. н.э.); были изданы: «Грамматика грузинского языка» (1855), «Карманный русско-грузинский словарь» (1858), грузинский текст «Мудрость вымысла» С. С. Орбелиани (1859), «Новая грузинская хрестоматия» (1869), вобравшая в себя лучшие произведения грузинских писателей XVII–XVIII вв. В 1886 и 1890 гг. вышли из печати его более обширные издания: «Русско-грузинский словарь» и «Грузинско-русский словарь» (до 70 тыс. слов).

2 марта 1861 г. Д. И. Чубинов был утвержден в звании ординарного профессора, а 17 августа 1870 г. — заслуженного ординарного профессора ФВЯ. С 15 мая 1890 г. в связи с 50-летием научно-преподавательской деятельности он был произведен в тайные советники [13, л. 174, 194, 222 об., 234 об.].

В 1860–1871 гг. все летние месяцы (с 1 июня по август) по случаю увольнения в отпуск декана ФВЯ профессор Д. И. Чубинов исполнял обязанности декана [14, с. 33]. С 15 ноября 1871 г. «за выслугу 30 лет» преподавательской деятельности, он был уволен от службы в университете [13, л. 233 об., 234 об.].

Профессор Д. И. Чубинов был членом Российского Географического, Археологического, Филологического и других обществ и награжден многими орденами и медалями России. Так, он был кавалером орденов: Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, был также награжден темной бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 гг.» [15, л. 214 об., 217 об., 218 об., 220 об., 221 об.].

Скончался Д. И. Чубинов 5 июня 1891 г. Погребен в С.-Петербурге на кладбище Александро-Невской лавры.

Н. Л. Бероев, возглавивший кафедру армянской словесности ФВЯ в 1855 г., был выпускником Астраханского училища. В 1812–1816 гг. он преподавал там же армянский язык, в 1817 г. стал студентом московской Медико-хирургической академии. В 1821–1823 гг. служил в департаменте горных и соляных дел. 15 июля 1823 г. поступил в учебное отделение восточных языков Азиатского департамента МИД. 17 мая 1826 г. сдал экзамен на звание переводчика и продолжал работать в Азиатском Департаменте. 28 декабря 1844 г. адъюнкт Н. Л. Бероев был утвержден преподавателем армянского языка по разряду восточной словесности Санкт-Петербургского университета.

С осени 1845 г. Н. Л. Бероев читал своим студентам курсы по грамматике армянского языка, переводу с армянского языка на русский и с русского на армянский, знакомил их с армянскими источниками и с сочинениями армянских классиков.

В 1850 г. Н. Л. Бероев опубликовал свой труд «Начальные основы Гайкского языка». В 1851 г. этот труд был удостоен половины Демидовской премии. В 1861 г. Н. Л. Бероев был уволен в отставку.

Л. З. Будагов в 1840 г. с золотой медалью окончил Казанский университет. До 1844 г. он преподавал татарский (азербайджанский) и персидский языки в Тифлисской гимназии. В 1844 г. он поступил на службу в Азиатский департамент МИД, а 28 декабря того же года адъюнкт Л. З. Будагов был определен преподавателем татарского (азербайджанского) языка по разряду восточной словесности Санкт-Петербургского университета. Л. З. Будагов занимал своих слушателей чтением материалов на изучаемом языке, переводом с татарского языка на русский и с русского на татарский, обращая внимание на «трудное азербиджанское наречие» (т. е. на азербайджанское).

С 1855 г. адъюнкт Л. З. Будагов после преобразования отделения восточных языков в факультет стал преподавать татарский (азербайджанский) язык по кафедре турецко-татарской словесности. Кроме того, он преподавал и турецкий язык, а также читал курс лекций по истории Персии [11, с. 71; 3, с. 12].

В 1844 г. Л. З. Будагов опубликовал «Краткий учебник татарского языка». Он же является автором «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» в двух томах, вышедшего в 1869–1871 гг. Как считает один из крупнейших советских тюркологов, профессор Восточного факультета ЛГУ, многие годы заведовавший кафедрой тюркской филологии, С. Н. Иванов (1922–1999), этот «превосходный» труд Л. З. Будагова и ныне продолжает оставаться важнейшим лексикографическим пособием при чтении и толковании старых тюркоязычных текстов [11, с. 71].

С ноября 1871 г. по апрель 1888 г. кафедру армянской и грузинской словесности возглавлял известный востоковед-арменовед и источниковед, крупный исследователь истории Армении древнего периода профессор ФВЯ Петербургского университета, член-корреспондент Российской АН (1885) Керовбе Петрович (Петросович) Патканов (Патканян).

Начальное образование К. П. Патканов получил в армянской школе Ставрополя. В 1849 г. окончил Московское Лазаревское училище, а в 1858 г. — Главный Педагогический институт Петербурга.

2 мая 1861 г. на заседании ФВЯ К. П. Патканов был избран исполняющим должность адъюнкта ФВЯ, 6 октября — утвержден в этой должности министром про-

Численность студентов по трем кавказским языкам

Годы	Грузинский	Армянский	Татарский (азербайджанский)
1848	10	10	10
1849	11	11	11
1850	6	—	6
1851	6	1	6
1852	6	2	6
1853	1	1	8
1854	10	1	10
1855	10	1	36
1856	12	1	41

Источник: [4, с. 132, 152].

свещения. С этого времени К. П. Патканов читал своим слушателям курсы по армянскому языку, географии, истории древней Армении, или «Истории Армении с древнейших времен до конца XIV в.» [16, с. 62–82], и истории Персии (с 1877 г.) [3, с. 16].

С 1863 г. К. П. Патканов уже штатный доцент, 21 декабря 1870 г. он был избран экстраординарным профессором, а 31 января 1872 г. — ординарным профессором ФВЯ.

Помимо преподавательской деятельности К. П. Патканов занимался большой исследовательской работой. Он изучал, переводил и публиковал труды многих средневековых армянских историографов: Себеоса и Левона Ереца (1862), Мхитара Айриванского (1869), Гилаленца (1871), сочинения Моисея Калакантива и Магикии Абега (1871), «Географию» (с армянским подлинником «Ашхарацуиц», 1877), собрал и издал на русском языке «Историю монголов по армянским источникам» (т. 1–2, 1873–1874).

Широк был круг интересов ученого. Как считают армянские исследователи, труды К. П. Патканова «Опыт истории царского дома Сасанидов по сведениям, сообщенным армянскими историками» (1863), «О воображаемой экспедиции Тиглатпаласара в Индию» (1879) и некоторые другие проясняют ряд принципиальных положений древней истории и истории средних веков народов Ближнего Востока, а его исследования «Клинописи Ванна и их значение для истории Передней Азии» (1881), «О клинописях типа Ванских, обнаруженных в пределах России» (1882–1883) и другие внесли значительный вклад в дело изучения армянской истории древнейшего периода⁶.

К. П. Паткановым опубликованы также: «Список армянской рукописной литературы от IV до середины XVII века» (1860, на франц. яз.), «Несколько слов о старых названиях армянских месяцев» (1871), «Место, занимаемое армянским языком среди индоевропейских» (1879), «Библиографический очерк армянской исторической литературы» (1880). Некоторые работы ученого остались неопубликованными.

28 апреля 1888 г. кафедру армянской и грузинской словесности возглавил выпускник ФВЯ 1871 г., видный картвелолог и историк, заслуженный ординарный

⁶ Приношу свою благодарность кандидату филологических наук М. Р. Мелкумяню за предоставленный мне перевод биографических данных о К. П. Патканове из Краткой энциклопедии Армении (т. IV. Ереван, 2002; на арм. языке).

профессор Петербургского университета, уроженец г. Каспи (Центральная Грузия) Александр Антонович Цагарели (1844–1929).

2 августа 1872 г. кандидат А. А. Цагарели защитил диссертацию по теме «Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков». После прочтения двух публичных лекций на ФВЯ с 9 апреля 1872 г. он был допущен к чтению лекций в звании приват-доцента преподавателя грузинского языка [17, л. 4–5; 18, л. 224, 248].

12 апреля 1874 г. А. А. Цагарели защитил магистерскую диссертацию по опубликованному в 1873 г. труду «О грамматической литературе грузинского языка». С 23 сентября того же года после баллотирования он вступил в должность штатного доцента.

По учебной программе, составленной А. А. Цагарели в 1872 г., студенты должны были получить представление о грамматике грузинского языка, его родстве с другими языками, о месте грузинского языка в лингвистической классификации, об отношениях между собой грузинского, мегрело-чанского и сванского языков. Студенты слушали краткий обзор литературы, изучали грузинскую духовную и светскую литературу до X в., историографию и развитие грузинской поэзии; они должны были знакомиться с творчеством крупнейших грузинских авторов XI–XII вв., в том числе: И. Шавтели, М. Хоренели, Чахрухадзе, Ш. Руставели, с жизнью и творчеством Г. Мтацминдели и И. Петрици, с творчеством грузинских писателей XIII, XVII и XVIII вв., с произведениями царя-поэта Теймураза I и его поэмой «Вардбулбулиани», с историей царя Арчила II и его поэмой «Арчилиани», с трудами С. С. Орбелиани, деятельностью царя Вахтанга VI, царевича Вахушти, Давида Гурамишвили, каталикоса Антона и других. Преподавал он и историю Грузии с древнейших времен до начала XIX в.

19 октября 1880 г. А. А. Цагарели защитил докторскую диссертацию по изданному в том же году в двух томах труду «Мингрельские этюды»⁷.

8 мая 1886 г. А. А. Цагарели был утвержден экстраординарным профессором; с 28 апреля 1888 г. он возглавил кафедру армянской и грузинской словесности, а 31 декабря 1889 г. был утвержден ординарным профессором [18, л. 224].

Несколько лет А. А. Цагарели занимался сбором сведений о грузинских рукописях и составлением их каталога. Он много работал в архивах и библиотеках разных стран в летнее каникулярное время и во время командировок, разыскивая грузинские исторические документы, рукописи, древнегрузинские монеты и другие материалы.

В 1882 г. А. А. Цагарели побывал на Синае. В Синайском монастыре он ознакомился с 88 грузинскими рукописями, из которых Синайский многоглав, переписанный в 864 г., до сих пор считается одним из древнейших памятников грузинской церковной литературы.

В Палестине он осмотрел 8 храмов, построенных в свое время грузинами, а в бытность его там находившихся в руках греков. В некоторых из них он нашел церковную утварь с грузинской надписью и одеяния грузинских монахов XVII–XVIII вв.

В Крестовом монастыре, дошедшем до наших дней, А. А. Цагарели нашел грузинские надписи, сохранившиеся на стенах, на полу и колоннах, фрески с изображе-

⁷ Французский перевод «Мингрельских этюдов» был издан в Париже в 1882 г.

нием грузинских святых, грузинских царей, духовных лиц и представителей высшей грузинской знати с грузинской и греческой надписями, с указанием их должностей и званий, в том числе портрет великого Шота Руставели.

В 1889 г. в Петербурге А. А. Цагарели опубликовал «Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае».

В библиотеках и разных хранилищах Германии, Франции, Рима, Венеции, Кракова А. А. Цагарели изучал грузинскую старину, работал в Британском музее Лондона (1891); много работал он и в московских и петербургских архивах и книгохранилищах, изучал документы, хранящиеся в церковном музее Сионского Собора Тбилиси [18, л. 162].

А. А. Цагарели опубликовал в Петербурге ряд трудов: «О грамматической литературе грузинского языка» (1873), «Мингрельские этюды» (1880), «Памятники грузинской старины в Святой земле и на Синае» (1889), «Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII столетиях» (1891), «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии» (1891), «Сведения о памятниках древнегрузинской письменности» (1894) и ряд других. Некоторые из его работ были переведены и частично опубликованы на немецком и английском языках.

13 августа 1899 г. А. А. Цагарели был утвержден в звании заслуженного ординарного профессора ФВЯ со дня выслуги им 25 лет преподавательской деятельности в Петербургском университете, т. е. с 10 апреля 1897 г. [18, л. 248–249, 261].

С 9 апреля 1902 г. действительный статский советник А. А. Цагарели выбыл из числа штатных профессоров ФВЯ по выслуге 30 лет преподавательской работы с сохранением звания заслуженного ординарного профессора университета. Ему была назначена пенсия в размере полного оклада-содержания по 3000 рублей в год. В июне 1917 г. его пенсия была увеличена до 3600 рублей [18, л. 267, 317]. Однако и после ухода на пенсию он оставался членом ФВЯ и продолжал читать лекции.

А. А. Цагарели участвовал в ряде международных съездов и конгрессов ориенталистов, проходивших в Петербурге (1876) и Стокгольме (1889, 1899), V Археологическом съезде в Тифлисе (1881); был кавалером орденов: Св. Владимира 3-й степени (1901), Св. Станислава 1-й степени (1905) и светло-бронзовой медали «В память 300-летия царствования Дома Романовых» [18, л. 261, 275, 305].

В 1920 г. А. А. Цагарели переехал в Тбилиси. А 5 мая того же года на заседании Филологического факультета он был избран почетным профессором Тбилисского университета, где читал лекции по грузинской литературе и политическим отношениям Грузии с соседними странами.

Скончался А. А. Цагарели 12 ноября 1929 г. Похоронен в Тбилиси на Святой горе (Мтацминда) в пантеоне видных деятелей науки и культуры Грузии.

В 1902 г. выпускник ФВЯ 1888 г. Н. Я. Марр (1864–1934) стал заведующим кафедрой армянской и грузинской словесности.

В августе 1884 г., окончив Кутаисскую гимназию с золотой медалью, Н. Я. Марр поступил на факультет Восточных языков, подав заявление на арабско-персидско-турецкий и армяно-грузинский разряды. Его учителями были известные профессора: грузиновед А. А. Цагарели, (грузинский язык, история и литература Грузии), арменовед К. П. Патканов (армянский язык, история Армении и Персии), В. Р. Розен (арабский язык), В. А. Жуковский (персидский язык) и другие. Изучал он также турецкий, еврейский и другие языки [19, л. 14]. В 1888 г. Н. Я. Марр окончил ФВЯ. Его

дипломная работа на тему «Историко-литературный обзор грузинских повестей, написанных в прозе XI–XII веков» была награждена серебряной медалью [20, с. 29–30; 21, л. 2], и он был оставлен в университете на два года для подготовки к профессорской деятельности по арменоведению под руководством К. П. Патканова⁸ [20, с. 29–30; 21, л. 42].

Весной 1891 г., после сдачи экзаменов на степень магистра армянской словесности и прочтения двух пробных лекций на заседании факультета, кандидату Н. Я. Марру было разрешено чтение лекций по армянскому языку в звании приват-доцента. В сентябре того же года он был утвержден в этом звании, а 23 октября прочел свою вступительную лекцию: «Об изучении армянской литературы» [21, л. 23, 43, 53]. С этих пор и до своей кончины в 1934 г. Н. Я. Марр вел преподавательскую работу в СПбГУ и в других высших учебных заведениях и научных центрах Петербурга-Петрограда-Ленинграда и Москвы.

Н. Я. Марр читал своим студентам курсы: «Армянский язык», «История армянской литературы», «История грузинской литературы», «История культуры Грузии», «Введение в языкознание», «Сравнительная грамматика яфетических и семитических языков», «Сравнительная грамматика языков сибилантной ветви», «Палеонтология речи» и др.⁹ Поездки в Сванетию и Абхазию в 1911 и 1912 гг. позволили Н. Я. Марру продолжить занятия сванским языком, вести свои лингвистические занятия и начать изучение абхазского языка. Работа в Сванетии дала ему возможность уточнить классификацию языков Кавказа, названных им яфетическими, изложенную им ранее в грамматике чанского языка. Он вводит изучение абхазского, сванского и мегрельского языков в университетскую программу обучения [20, с. 211–215].

Исследователи жизни и научной деятельности Н. Я. Марра отмечают, что он много давал своим ученикам, но был строгим учителем. Он требовал знания материала, широты кругозора, четкости и самостоятельности мысли. В лекции он раскрывал каждую свою мысль ученикам, и они были участниками его творческой работы, а начав разработку какой-нибудь темы, передавал материалы для дальнейшей работы кому-нибудь из своих способных учеников. Так, дальнейшее изучение чанского и мегрельского языков он возложил на И. А. Кипшидзе, армянских диалектов — на И. А. Орбели, халдского языка — на И. И. Мещанинова, грузинских говоров — на А. Г. Шанидзе, либо выдвигал на самостоятельную работу для изучения отдельных языков (С. А. Быховскую, К. Д. Дондуа, В. Д. Дондуа, Р. М. Шаумяна) [20, с. 222–223].

Еще в 1892 и 1893 гг. Н. Я. Марр совершил поездки в Армению (позже этих поездок будет множество). Там он работал над армянскими рукописями и проводил раскопки и обследование археологических памятников древнего города Ани, изучал

⁸ К окончанию университета у Н. Я. Марра обострились отношения с его учителем А. А. Цагарели. В опубликованной в 1888 г. газете «Иверия» (№ 86, на груз. яз.) заметке «Природа и особенности грузинского языка» Марр не соглашался с мнением своего учителя, относившего грузинский язык к самостоятельной группе языков. Профессор Цагарели, в свою очередь, не одобрил основные выводы дипломной работы Марра. Кроме того, хотя Марр избрал темой своей магистерской диссертации грузинские версии «Мудрость Балавара», с исследованием текстов в контексте их взаимоотношений с подобными повестями в литературе как восточных, так и западных народов, ему пришлось отказаться от этого, ввиду того, что тогда же и А. А. Цагарели готовил рукопись «Мудрость Балавара» к изданию с русским переводом и примечаниями [20, с. 29–30; 21, л. 42].

⁹ Из письма Н. Я. Марра Ф. А. Брауну весной 1924 г. узнаем, что он «читал 13 лекций в неделю» [20, с. 327].

надписи этих памятников (на некоторое время раскопки были прерваны и возобновились лишь в 1904 г.). В 1905 г. и в последующие годы он ведет раскопки г. Ани (были проведены 16 археологических кампаний), издает отдельные памятники и отчеты раскопок, «Каталог Анийского музея» (1906) и свой фундаментальный труд «Ани» (1934). К раскопкам Ани в 1906–1910 гг. Н. Я. Марр привлек своего ученика И. А. Орбели, ставшего его ближайшим помощником. Позже его постоянным заместителем в Ани стал другой его ученик Г. Н. Чубинашвили (Чубинов). В 1910 г. Н. Я. Марр ведет раскопки другого древнего армянского города — Гарни. 29 декабря 1915 г. за совокупность археологических работ в Ани Русское археологическое общество наградило Н. Я. Марра большой золотой медалью им. Уварова.

23 мая 1899 г. Н. Я. Марр защитил магистерскую диссертацию по теме «Сборник притч Вардана» (т. I–III). Над этой темой он работал давно (в 1894 г. им были опубликованы первые две части работы). Выступившие оппонентами профессор С. Ф. Ольденбург и приват-доцент К. З. Залеман дали высокую оценку работе. Позже Русское географическое общество наградило автора работы золотой медалью.

16 октября 1900 г. Н. Я. Марр был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора ФВЯ. 9 декабря 1901 г. он защитил диссертацию по теме: «Ипполит, толкование “Песни песней”».

2 апреля 1902 г. в связи с уходом на пенсию профессора А. А. Цагарели, Н. Я. Марр был назначен заведующим кафедрой армянской и грузинской словесности, а 22 июня того же года он был утвержден в должности ординарного профессора. 7 ноября 1911 г. Н. Я. Марр был избран деканом ФВЯ; 14 января 1912 г. — экстраординарным, а в июле того же года — ординарным академиком АН; 22 августа 1916 г. был утвержден в звании заслуженного профессора.

Н. Я. Марр неоднократно выезжал в Европу с научной целью. В 1894 г. он был командирован в Страсбургский университет, где слушал лекции и занимался у известных ученых: Вандельбанда, Нёльдеке, Гюбшмана. Работал в библиотеках Берлина, Мюнхена, Венеции, Вены [20, с. 59; 21, л. 2]. В 1898 г. он был членом экспедиции АН на Афоне во главе с Н. П. Кондаковым. В богатейших собраниях Иверского монастыря он искал материалы о литературных контактах армян, грузин и сирийцев в древности [20, с. 83]. С той же целью летом 1899 г. он находился в Тбилиси и Эчмиадзине, продолжая поиски армянских и грузинских рукописей.

В апреле-ноябре 1902 г. Н. Я. Марр вместе со своим учеником И. А. Джавахишвили и византинистом А. А. Васильевым находился в экспедиции на Синае и Иерусалиме (в Иерусалиме он был один). Был обнаружен ряд ранее не известных рукописей, имеющих огромное значение для изучения христианской культуры Грузии. Его труд «Описание грузинских рукописей Синайского монастыря» (276 с. с таблицами) был издан в 1940 г. уже после кончины ученого (ответственный редактор академик И. Ю. Крачковский, редактор профессор И. В. Мегрелидзе).

12 сентября 1920 г. Н. Я. Марр отправился в первую свою заграничную командировку после установления советской власти в России с целью изучения баскского и этрусского языков. В течение 9 месяцев, проведенных в Европе: Лейпциге, Вене, Флоренции, Байоне, Париже, — он изучает огромное количество литературы, читает лекции о яфетическом языкознании в Париже и Берлине. В Лейпциге издает «Яфетический Кавказ», а в России — первый выпуск «Яфетического сборника».

В связи с выдвинутой яфетической теорией Н. Я. Марр изучает и исследует множество мертвых и живых языков — языки эламской и вавилонской клинописей, шумерский, ассирийский, хеттский, баскский, этрусский, албанский, удинский, кельтский и др.

24 октября 1922 г. Н. Я. Марр вновь едет в Европу для изучения языка басков Испании и занятий албанским языком. В Париже он изучает баскский язык по литературе и с учителем-баском. Лишь на три недели ему удастся поехать к испанским баскам в селе Аспетиа; там он изучал язык в семье крестьянина-баска.

Весной 1929 г. Н. Я. Марр в Париже ведет занятия по грузинскому языку и изучает бретонский язык, а в феврале 1931 г. он едет в Бонн и в течение двух месяцев изучает связи германских языков с яфетическими и некоторые другие вопросы.

Побывал Н. Я. Марр и на своей родине в Гурии (Западная Грузия), где в 1903 г. по рукописи Г. Мерчуле, найденной им в Иерусалиме в 1902 г., готовит к публикации «Житие Григория Хандзтийского. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии» (издан в 1911 г.). В 1904 г. он совершил поездку в Юго-западные области Грузии Шавшети и Кларджети (отошедшие в 1921 г. к Турции), а в 1909 г. в Турецком Лазистане изучает на месте лазский (чанский) язык. В 1910 г. Н. Я. Марр публикует свой труд «Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем».

В 1932 г. Н. Я. Марр совершил свою последнюю научную поездку-командировку в Турцию и Средиземноморье. В Анкаре он прочитал цикл лекций, изучал турецкий язык и памятники культуры Анкары, Стамбула, Измира, Пергама, Эфеса, Сард, Трои. Посетил Афины и Крит.

Весной 1919 г. Н. Я. Марр возглавил учрежденную им Государственную Академию истории и материальной культуры (ГАИМК), а осенью того же года — Факультет общественных наук (ФОН), созданный по постановлению Наркомпроса от 13 сентября 1919 г. в результате слияния университетских факультетов: Восточных языков, историко-филологического и юридического, а также археологического и историко-филологического институтов и соответствующих им факультетов Бес-тужевских высших женских курсов.

В 1924 г. Н. Я. Марр становится директором Публичной библиотеки в Ленинграде. Одновременно он руководил несколькими научными центрами и учебными заведениями. Это: ГАИМК, Кавказский отдел комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, Центральное бюро краеведения, Яфетический институт, читал лекции в университете, в Институте живых восточных языков, в Институте народов Востока в Москве [14, с. 50].

В 1924 г. Н. Я. Марр с научно-организационной целью побывал в Махачкале, Баку, Тбилиси и Ереване, а в 1925 г. он работал в Чувашии и изучал чувашский язык, быт, нравы, традиции и историю народов Поволжья и Прикамья [20, с. 371].

В 1928 г., к 40-летию научной деятельности и за научные труды, Н. Я. Марр получил Ленинскую премию. В 1930 г. Н. Я. Марр, автор около 600 научных трудов и основатель пятнадцати научных журналов и серий, был избран вице-президентом Академии наук. В 1933 г. к 45-летию научной и общественной работы он был награжден орденом Ленина, и ему было присуждено звание заслуженного деятеля науки.

Последние годы жизни Н. Я. Марр много болел. Многолетний титанический труд без отдыха, с раннего утра до поздней ночи, почти ежегодные поездки на Кавказ, по стране и за границу с научной целью, еженедельные поездки в Москву для

чтения лекций в Институте народов Востока истощили силы и подорвали его здоровье.

Скончался Н. Я. Марр от недостатка сердечной деятельности в результате общего склероза сосудов в ночь с 19 на 20 декабря 1934 г. Похоронен на кладбище Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге.

Сокращения

ЦА СПбГУ — Центральный Архив Санкт-Петербургского государственного университета
ЦГА СПб. — Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб. — Центральный Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4447.
2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 2. Д. 310.
3. Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета // Уч. зап. Ленингр. ун-та. 1960. № 3.
4. Куликова М. А. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М.: Наука, 1982.
5. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 14. Д. 739.
6. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4707.
7. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4997.
8. «Список титулованных выпускников университета», хранящийся в музее СПбГУ.
9. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5693.
10. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 7433.
11. Иванов С. Н. Кафедра тюркской филологии. Востоковедение в Ленинградском университете // Уч. зап. Ленингр. ун-та. Л., 1940.
12. Материалы для истории факультета. СПб., 2001–2009. Т. IV.
13. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4708.
14. Харатишвили Г. С. Грузины — профессора, преподаватели и выпускники Санкт-Петербургского университета (XIX–XX). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 236 с.
15. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4788.
16. Жельтяков А. Д. Изучение и преподавание истории стран Ближнего Востока на факультете Восточных языков Петербургского университета // Востоковедение. № 4. Л. 1977.
17. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15542.
18. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7030.
19. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 24332.
20. Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерки его жизни и научной деятельности. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
21. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15716.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Харатишвили Генрико Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент
Kharatishvili Genriko S. — PhD, Associate Professor

А. А. Янковская

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО МАЛАЙСКО-ИНДОНЕЗИЙСКОМУ РЕГИОНУ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Статья содержит историографический обзор литературы, посвященной средневековым арабским свидетельствам о малайско-индонезийском регионе. Сообщения арабских авторов являются ценным источником по истории региона в период, предшествующий развитию в нем собственной исторической традиции и активизации контактов с Европой и Китаем. Тем не менее, далеко не все тексты изданы на русском языке, а обобщающих исследований всего корпуса источников не так много. Важнейшей работой в этой области остается книга Дж. Р. Тиббетса. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: арабские источники, средние века, Юго-Восточная Азия.

MEDIEVAL ARABIC SOURCES ON THE MALAY WORLD

A. A. Yankovskaya

Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article presents a historiographic survey of works concerning the medieval Arabic accounts of the Malay world. Since most of Chinese and Western reports as well as the early Malay chronicles date back to the late Middle Ages, Arabic texts serve as a source of valuable data for the earlier medieval period. References to Southeast Asia can be found in more than 30 texts of different genres, among them works on history, geography, navigation and medicine as well as itineraries and fiction. Most of these texts haven't yet been translated into Russian and are usually available in English or French translation. The scholars of the history of the Malay world often refer to Arabic sources, while those who study particular Arabic writings try to interpret the passages dealing with Southeast Asia. However, the works considering all the corpus of Arabic accounts of the region are not numerous. The work of G. R. Tibbetts remains the most important survey of the material. Refs 29.

Keywords: Arabic sources, medieval period, Southeast Asia.

Средневековая арабская литература содержит обширный пласт сведений о малайском мире. Упоминания о регионе можно встретить в более чем 30 арабских текстах различного содержания — литературных произведениях, географических, исторических и медицинских трудах. Большую часть источников можно отнести к категории географической литературы — в том смысле, как ее понимал И. Ю. Крачковский, т. е. как совокупность различных литературных жанров, в какой-либо мере связанных с географией [1, с. 9]. Авторы многочисленных исследований по истории Малайского архипелага и Малаккского полуострова в VII–XVI вв. нередко опираются на сообщения арабских географов. В то же время исследователи средневековых арабских текстов всегда стремились интерпретировать встречавшиеся им описания Юго-Восточной Азии. Некоторые из них уделяли особое внимание сведениям о малайском мире. Так, в 1847 г. французский востоковед Э. Дюлорье издал текст и перевод посвященных Малайскому архипелагу отрывков из «Путешествия» Ибн Баттуты [2]. Тем не менее обобщающих исследований, посвященных арабским источникам по малайско-индонезийскому региону, не так много.

Одной из первых таких работ был двухтомный труд британского востоковеда Г. Юля, вышедший в 1866 г. [3] и переизданный впоследствии в четырех томах [4]. Он представлял собой собрание средневековых свидетельств о Китае и Юго-Восточной Азии. Внимание автора занимали, в первую очередь, сообщения европейских путешественников, однако он посвятил также отдельную главу путешествию Ибн Баттуты по Бенгалии и Китаю [4, vol. 4, p. 1–166]. Помимо этого, в книге Г. Юля есть краткий обзор арабских источников по Дальнему Востоку в домонгольский период, включая сочинения Абу Зейда, Ибн Хордадбеха, ал-Мас'уди, Абу Дулафа, ал-Идриси, Абу-л-Фиды и др. [4, vol. 1, p. 124–145].

Важным шагом в изучении арабских свидетельств о малайском мире стало появление в 1913–1914 гг. работы крупнейшего французского арабиста Г. Феррана [5], которая не утратила своей актуальности и по сей день. В двухтомном издании были собраны фрагменты всех известных на тот момент текстов с VIII по XVIII в., посвященных Дальнему Востоку — Китаю, Индокитаю и Индонезии. Выдержки из 39 сочинений — 33 арабских, 5 персидских и одного турецкого — были переведены Г. Ферраном и расположены в хронологическом порядке. Большая часть рассмотренных им произведений относится к географической литературе, однако среди них есть и труды по истории, философии и ботанике. Г. Феррану также принадлежит ряд статей, посвященных проблемам идентификации отдельных топонимов [6, 7]. Исследователь планировал издание третьего тома «*Relations de voyages...*», где были бы рассмотрены спорные вопросы, связанные с исторической топонимикой региона, однако, к сожалению, эта работа так и не была завершена.

Если Г. Ферран отбирал арабские источники по более обширному, чем малайский мир, региону, то позже появились исследования по исторической географии отдельных его частей. В 1956 г. вышла статья Дж. Р. Тиббетса, посвященная сообщениям арабских географов о Малаккском полуострове [8], а в 1961 г. — книга П. Уитли [9]. Последняя охватила не только арабские, но также китайские, индийские и европейские источники, став еще одним шагом в изучении вопроса. Обзор арабских описаний полуострова в книге П. Уитли [9, p. 210–251] был во многом основан на рукописи еще не изданной на тот момент книги Дж. Р. Тиббетса [10, p. VII]. Однако, используя собранные Дж. Р. Тиббетсом тексты, П. Уитли зачастую расходится с ним в интерпретации географических названий. Книга Дж. Р. Тиббетса увидела свет позже, только в 1979 г., и стала наиболее авторитетным исследованием в своей области.

Помимо упомянутых работ, существует ряд статей, посвященных различным вопросам исторической географии Юго-Восточной Азии. Многие из них затрагивают проблемы идентификации тех или иных топонимов, встречающихся в арабских текстах. В частности, можно назвать статьи Т. Ямамото [11], С. К. Фатими [12] и М. Лаффана [13]. Без обращения к арабским источникам редко обходятся многочисленные исследования по средневековой истории малайского мира, а также истории арабского мореплавания и торговых связей в бассейне Индийского океана. Кроме того, с проблемой интерпретации рассказов о Малайском архипелаге неизбежно сталкиваются исследователи и переводчики отдельных произведений арабской географической литературы. Таким образом, интересующей нас проблематики в той или иной степени касаются исследователи самых разных областей истории и культуры Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Но немногие из них обращались к изучению всего корпуса арабских свидетельств о малайском мире.

На сегодняшний день важнейшим исследованием арабских источников по малайско-индонезийскому региону является книга Дж. Р. Тиббетса [10]. Строго говоря, ее можно назвать первой и единственной, ведь ни до, ни после Дж. Р. Тиббетса никто не делал предметом изучения всю совокупность средневековых арабских текстов о Юго-Восточной Азии. Только работа Г. Феррана затрагивает этот вопрос, однако обозначенная в ней область исследования несколько шире. Многие исследователи черпали сведения о регионе из арабской литературы, многие подвергали анализу отдельные сообщения арабских географов. Однако никто из них, насколько известно, не делал попыток обобщения всего материала, который содержится в арабских источниках и относится к Юго-Восточной Азии или, в частности, к малайско-индонезийскому региону.

Дж. Р. Тиббетс впервые выделил арабские свидетельства о Юго-Восточной Азии, оставив сообщения об Индии и Китае за рамками исследования. Географически выделенная им область охватывает все пункты между Андаманскими островами, Чампой и Камбоджей, но не включает Бирму [10, р. IX]. Дж. Р. Тиббетс обратился к тем же текстам, что и Г. Ферран, добавив то немного, что было издано позднее. Отобранные им фрагменты были, по мере возможности, расположены в хронологическом порядке. Если многие исследователи, работавшие с тем же материалом, зачастую не подвергали сами источники какой-либо критической оценке, то Дж. Р. Тиббетс стремился рассмотреть каждый из них в контексте общей арабской географической и литературной традиции, учитывая подлинность текста, время его создания и наличие в нем заимствований из более ранних работ.

Исследователь делит арабские источники по Юго-Восточной Азии на две основные группы — классические тексты, созданные в период с 850 по 1350 г., и мореходные руководства XV–XVI вв. Этому делению соответствуют и два основных раздела его книги. В первой части исследования были собраны, переведены и расположены в хронологическом порядке отрывки из арабской географической литературы до середины XIV в. Дж. Р. Тиббетс прослеживает историю каждого текста, определяя источники заимствования рассказов, повторяющихся от произведения к произведению. Он также отдельно рассматривает топонимы, которые принято помещать в Юго-Восточной Азии. Для каждого из них Дж. Р. Тиббетс приводит параллели из неарабских источников и взгляды исследователей на проблему его идентификации.

Дж. Р. Тиббетс выделяет пять видов арабской литературы, в которых можно найти упоминания о Юго-Восточной Азии:

- а) рассказы путешественников,
- б) географические трактаты,
- в) разделы в исторических трудах,
- г) медицинские работы,
- д) мореходные руководства [10, р. 3].

К первой группе он относит произведения типа *аджаиб* и *ахбар*, а также «Путешествие» Ибн Баттуты и «Записку» Абу Дулафа. Географическая литература представлена математической географией, восходящей к греческому наследию, и описательными трудами по образцу «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега. Среди историков, включавших в свои работы разделы по географии, Дж. Р. Тиббетс выделяет ал-Мас'уди, остальные же, по мнению исследователя, лишь копировали труды совре-

менных им географов. Медицинские трактаты, большая часть сведений из которых собрана в трудах Ибн ал-Байтара, касаются Юго-Восточной Азии лишь постольку, поскольку оттуда происходят различные лекарственные средства. Последняя группа источников — морские справочники — напротив, содержит обширную информацию о регионе, однако относится к очень позднему периоду. Эти лоции и сообщения путешественников представляют собой, по мнению Дж. Р. Тиббетса, две наиболее важные группы арабских источников по Юго-Восточной Азии. Исследователь называет их первичными, все же остальные тексты, по его мнению, вторичны и восходят исключительно к источникам типа (а) — рассказам путешественников [10, р. 4–5].

Важное место в работе Дж. Р. Тиббетса занимает вопрос о том, какое представление имели арабы средневековья о Юго-Восточной Азии — как разрозненные точки на карте складывались в их сознании в единое целое и какое место отводилось региону в общей картине мира. По мнению исследователя, в арабской географической литературе существовало три различных концепции топографии Юго-Восточной Азии:

- а) птолемеевская концепция, восходящая ко II в. н. э.;
- б) классическая арабская концепция (VIII–X вв.);
- в) современная концепция, получившая развитие в поздних трудах по навигации.

Вторая концепция является уникальной для арабской литературной традиции и охватывает период, для которого арабские тексты остаются единственным источником [10, р. 17]. Для географов-математиков представление о мире и Юго-Восточной Азии в частности основывалось на таблицах координат, составленных еще Птолемеем. Что касается авторов работ по описательной географии, то они опирались на более или менее современные им рассказы о путешествиях и труды предшественников. Но вряд ли для них существовало какое-то общее представление о регионе, ведь в таких рассказах фигурируют лишь отдельные географические пункты или цепочки пунктов вдоль определенного маршрута [10, р. 66]. Впоследствии, начиная с XII в., делались попытки соотнести две концепции — математическую и описательную, что внесло еще больший хаос в представления арабских географов о малайском мире [10, р. 4–5].

Понимание тем или иным арабским автором географии Юго-Восточной Азии было напрямую связано с его представлением о карте мира и Индийского океана в частности. Поэтому Дж. Р. Тиббетс указывает на необходимость изучения географических текстов без отрыва от развития арабской картографии. В своей работе он прослеживает историю изменения арабской карты мира и ее юго-восточного сектора, помещая концепцию каждого автора в контекст общей арабской географической традиции. Отдельно от классических трудов, созданных до середины XIV в., Дж. Р. Тиббетс рассматривает более позднюю концепцию Юго-Восточной Азии, нашедшую отражение в мореходных руководствах XV–XVI вв.

В книге Дж. Р. Тиббетса собраны отрывки из сочинений 32 арабских авторов, так или иначе связанные с Юго-Восточной Азией. Однако некоторые тексты приводятся не полностью. Исследователь зачастую опускает менее важные, на его взгляд, фрагменты, ограничиваясь лишь кратким пересказом. Он также избегает повторения сюжетов, заимствованных из более ранних источников, заменяя их отсылкой к изначальному тексту. Если последнее оправдано и говорит о проделанной Дж. Р. Тиб-

бетсом работе по сличению сообщений арабских авторов, то оценка важности отдельных рассказов не может не быть субъективной. Хотя книга Дж. Р. Тиббетса и содержит перевод большей части известных текстов, ее нельзя считать полным собранием арабских источников по Юго-Восточной Азии. Но, так или иначе, эта работа остается важнейшей в изучении вопроса.

Исследователи средневековой истории и культуры малайско-индонезийского региона нередко сталкиваются с необходимостью обращения к арабскому материалу. На русском языке не издано хрестоматии или сборника с необходимыми текстами, как это было сделано, к примеру, в случае с арабскими источниками по истории и этнографии Африки [14]. Книга Дж. Р. Тиббетса в нашей стране малодоступна, а сообщения о Юго-Восточной Азии в ней даются не полностью. В двухтомной работе Г. Феррана они не отделены от пассажей о Китае, что усложняет поиск нужных отрывков. Остается обратиться к каждому источнику в отдельности.

Библиографический указатель И. Ю. Перской отсылает нас к некоторым изданиям Абу Зейда, Бузурга ибн Шахрияра, Ибн Баттуты, ал-Идриси, Ахмада ибн Маджида и Сулеймана ал-Махри [15, с. 67–71], а это далеко не полный список. Из более чем тридцати произведений, содержащих упоминания о Юго-Восточной Азии, на русский язык переведены лишь немногие. Можно назвать «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра [16], «Книгу путей и стран» Ибн Хордадбега [17] и «Книгу стран» ал-Йакуби [18]. Также изданы основные работы по навигации в переводе Т. А. Шумовского — три лоции [19] и «Книга польз» Ахмада ибн Маджида [20], а также часть «Махрийской опоры» Сулеймана ал-Махри [21].

Сочинения многих авторов — Ибн ал-Факиха, ал-Мас'уди, ал-Казвини и других — переведены на русский язык лишь частично. Отрывки из них можно найти в сборниках источников по истории отдельных регионов — тропической Африки [14], Золотой Орды [22], Туркмении [23]. Из «Золотых копей» ал-Мас'уди издана история Аббасидского халифата [24], а из двух «Записок» Абу Дулафа — вторая [25] (о путешествии в Китай говорится в «Первой записке»). До сих пор нет полного русского перевода «Путешествия» Ибн Баттуты, хотя в разное время публиковались отдельные фрагменты, посвященные Золотой Орде [26] и Средней Азии [27]. Таким образом, большая часть сообщений арабских авторов о Юго-Восточной Азии на русском языке не опубликована. Как правило, они доступны в английских и французских переводах. Арабский текст источников есть в изданиях XIX — начала XX вв., подготовленных первыми исследователями рукописей. Более поздние издания и переиздания средневековой литературы в арабских странах обычно основываются на этих текстах, опубликованных европейскими востоковедами.

Изучение средневековой истории малайского мира вряд ли возможно без обращения к арабским источникам, ведь для периода, небогатого на письменные свидетельства, арабская литература содержит значительный объем сведений о регионе. Эти тексты освещают важнейший период в малайской истории, охватывающий расцвет и упадок Шривиджайи, распространение ислама в регионе и появление первых мусульманских государств, возвышение и закат Маджапахита и Малаккского султаната. На арабские источники приходится значительный объем сведений, ведь европейские путешественники стали посещать Юго-Восточную Азию с XIII в., а китайцы достигли Малайского архипелага позже арабов и персов [28, р. 1–2] и стали активно плавать в восточных водах только после X в. [29, с. 5]. Индийские свидетель-

ства, напротив, относятся к очень раннему времени, а для средневекового периода представлены лишь немногочисленными надписями. Немаловажную роль играют также внутренние источники, такие, как «Нагаракертагама» (XIV в.) или ранние малайские хроники XIV–XV вв., однако они относятся уже к эпохе позднего средневековья. Для более раннего периода, предшествующего активизации контактов с Европой и Китаем и развитию в малайском мире собственной исторической традиции, сообщения арабских авторов остаются важнейшим, а зачастую и единственным источником сведений по истории региона.

В работах по истории Юго-Восточной Азии цитаты из арабских источников часто используют в качестве иллюстраций к соответствующему периоду в малайской истории, причем одни и те же отрывки нередко кочуют из одной книги в другую. Сообщения арабских авторов также становятся предметом исследований и дискуссий по исторической географии малайского мира. Ученые стремятся идентифицировать встречающиеся в них топонимы, определить их место на современной карте и соотнести с городами и странами региона, известными из других источников. Историков интересуют имена правителей, упоминания о войнах, восстаниях, посольствах, политическом строе и религии, а также сообщения о товарах и морских путях, т. е. данные по экономической географии и истории торговли. Между тем арабские источники по малайско-индонезийскому региону содержат также сведения этнографического характера — это описания построек, костюмов и трапез, быта и нравов, праздников и придворного этикета, упоминания о семейно-брачных отношениях, рассказы об обычаях и легендах. Все это представляет собой богатый материал, до сих пор не до конца изученный. Однако подобным сведениям часто придают второстепенное значение. Изучение арабских свидетельств о Юго-Восточной Азии в качестве не только исторического, но и этнографического источника могло бы внести вклад в изучение истории и культуры региона.

Литература

1. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М.: Восточная литература РАН, 2004. 954 с.
2. Description de l'Archipel d'Asie par Ibn-Bathoutha / trad. de l'arabe par M. E. Dulaurier // Journal Asiatique. Paris, 1847. IV sér., t. 9. P. 93–134, 218–259.
3. Yule H. Cathay and the Way Thither. Vol. I–II. London, 1866.
4. Yule H. Cathay and the Way Thither. Vol. I–IV. London, 1913–1916.
5. Relations de voyages et texts géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIII-e au XVIII siècles / traduits, revus et annotés par G. Ferrand. T. I–II. Paris, 1913–1914.
6. Ferrand G. Les îles Râmni, Lâmeri, Wâkwâk // Journal Asiatique. Paris, 1907. X sér., t. 10. P. 450–506.
7. Ferrand G. Malaka, le Malâyu et Malâyur // Journal Asiatique. Paris, 1918. XI sér., t. 11. P. 393–484. V. 12. P. 51–154.
8. Tibbetts G. R. The Malay Peninsula as known to the Arab geographers // Malayan Journal of Tropical Geography. Vol. 9. 1956. P. 21–60.
9. Wheatly P. The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A. D. 1500. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1961. 388 p.
10. Tibbetts G. R. A Study of the Arabic texts containing material on South-East Asia. Leiden; London: Brill, 1979. 294 p.
11. Yamamoto Tatsuro. On Tawalisi described by Ibn Battuta // The Oriental Library. N 8. Tokyo, 1936. P. 93–133.
12. Fatimi S. Q. In quest of Kalah // Journal of Southeast Asian History. Vol. 1, N 2. Cambridge University Press: 1960. P. 62–101.

13. *Laffan M.* Finding Java: Muslim nomenclature of insular Southeast Asia from Śrīvijaya to Snouck Hurgronje // *Southeast Asia and the Middle East: Islam, Movement, and the Longue Duree*. Singapore: NUS Press, 2009. P. 17–64.
14. Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 398 с.; Т. 2: Арабские источники X–XII вв. М.; Л.: Наука, 1965. 456 с.; Т. 3: Арабские источники XII–XIII вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1985. 288 с.; Т. 4: Арабские источники XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2002. 624 с.
15. *Перская И. Ю.* Источники по истории Индонезии с древнейших времен по 1917 г. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 390 с.
16. *Бузург ибн Шахрияр.* Чудеса Индии / пер. с ар. Р. Л. Эрлих. М.: Издательство Восточной литературы, 1959. 133 с.
17. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку: Элм, 1986. 428 с.
18. *Ал-Йа'куби.* Книга стран (Китаб ал-булдан) / вступ. статья, пер., коммент. и указатели Л. А. Семеновой. М.: Восточная литература, 2011. 368 с.
19. *Шумовский Т. А.* Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института Востоковедения АН СССР. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957. 230 с.
20. *Ахмад ибн Маджид.* Книга польз об основах и правилах морской науки: Арабская морская энциклопедия XV в. / критический текст, пер., коммент., исследование и указатели Т. А. Шумовского. Т. I–II. М.: Наука, 1984–1985.
21. *Шумовский Т. А.* Новый источник по истории арабского мореплавания // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 102–122.
22. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 579 с.
23. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л.: АН СССР, 1939.
24. *Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Масуди.* Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии 749–947 гг.) / пер. с ар. Д. В. Микульского. М.: Наталис, 2002. 803 с.
25. Вторая записка Абу Дулафа / издание текста, пер., введение и коммент. П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М.: Наука, 1960. 111 с.
26. Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду, в половине XIV века // *Русский вестник*. Т. 2. 1841.
27. *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 128 с.
28. *Groeneveldt W. P.* Notes on the Malay Archipelago and Malacca Compiled from Chinese sources. Batavia; The Hague, 1876.
29. *Вельгус В. А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов. М.: Наука, 1978. 301 с.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Янковская Аглая Алексеевна — аспирант; yankovskaya@kunstkamera.ru

Aglaya Yankovskaya A. — post graduate student; yankovskaya@kunstkamera.ru

Яфия Юсиф Джамиль

РУКОПИСИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЛИНГВИСТИКЕ, ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ А. К. КАЗЕМ-БЕКА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Огромная коллекция рукописных произведений была передана Казанским университетом, являвшимся основным центром изучения восточных языков, в фонд библиотеки Санкт-Петербургского университета. Большую часть переданных рукописей составила коллекция А. К. Казем-бека — профессора Казанского университета, а впоследствии первого декана Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. В 1871 г. Санкт-Петербургский университет дополнительно приобретает некоторые рукописи из коллекции А. К. Казем-бека. Большинство поступивших сочинений носят богословский характер, однако есть и рукописи, посвященные языкознанию, фольклору, литературе, а также истории. Наше внимание привлекли рукописные сочинения из коллекции А. К. Казем-Бека, посвященные лингвистике. Статья носит справочный характер. При этом работа является актуальной, касается важной в практическом плане темы, так как предпринимает попытку систематизации и описания рукописей, хранящихся в фондах Восточного отдела библиотеки Санкт-Петербургского университета. Библиогр. 4 назв. Ил. 27.

Ключевые слова: рукопись, рукописный фонд, письменная традиция, арабский язык, лингвистика.

MANUSCRIPTS ON LINGUISTICS FROM THE COLLECTION OF ORIENTAL MANUSCRIPTS OF A. K. KAZEM-BECK

Hana Yafia Yusif Jamil

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Kazan University, a major center for the study of oriental languages in Russian Empire, transferred a huge collection of manuscripts to the library of St. Petersburg University. Most of this collection was from the collection of manuscripts which belonged to A. K. Kazem-beck — who was the professor in Kazan University, and later the first Dean of the Faculty of Oriental Languages University in St. Petersburg. In 1871, St. Petersburg State University additionally acquired some manuscripts from the collection of A. K. Kazem-beck. A lot of works have theological nature, however, there are also manuscripts devoted to linguistics, folklore, literature and history. Our attention was drawn by manuscripts from collection of A. K. Kazem-beck which are devoted to linguistics. This article is for reference purposes. The work is relevant, covers important topics in practical terms, it tries to systematize and describe some of the manuscripts in the library of the Faculty of Orient Studies. Refs 4. Figs 27.

Keywords: manuscript, handwritten fund, written tradition, the Arabic language, linguistics.

Основной фонд Восточного отдела библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета начал формироваться с 1854–1855 гг. Огромная коллекция рукописных произведений была передана в библиотеку Казанским университетом, являвшимся основным центром изучения восточных языков. Большую часть переданных рукописей составила коллекция А. К. Казем-бека — профессора Казанского университета, а впоследствии первого декана Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета [1, с. 21].

В 1871 г. Санкт-Петербургский университет дополнительно приобретает некоторые рукописи из коллекции А. К. Казем-бека. Большинство поступивших сочине-

ний носят богословский характер, однако есть и рукописи, посвященные языкознанию, фольклору, литературе, а также истории.

Наше внимание привлекли рукописные сочинения из коллекции А. К. Казем-Бека, посвященные лингвистике.

На всех рассмотренных нами сочинениях присутствует печать Казанского Императорского университета, но лишь на некоторых из них стоит подпись, свидетельствующая о том, что рукопись входила в коллекцию А. К. Казем-бека. Тем не менее, согласно каталогу О. Б. Фроловой, все рассмотренные нами рукописи принадлежали его коллекции [2, с. 252–253].

Нами были рассмотрены шесть списков рукописи *'al-Fawaid ad-Diayiya bi-Sharh l-Kaafiya* (Комментарий на грамматику арабского языка Ибн аль-Хаджиба).

Автор сочинения — Абд ар-Рахман бин Ахмад бин Мухаммад аль-Джами (817/1414–898/1492). Сочинение считается одной из самых важных работ по грамматике арабского языка и наиболее полным комментарием на грамматику Ибн аль-Хаджиба.

Свое сочинение аль-Джами посвятил единственному сыну, которого звали Диа — отсюда термин «диаиа» в названии работы. Данная работа считается основным трудом аль-Джами, заслужившим уважение большого количества ученых. В мусульманских странах данное сочинение изучается и сегодня. Аль-Джами родился близ Герата, посещал Самарканд, Багдад, Дамаск, Алеппо, а затем вернулся в Герат, где и скончался.

Ибн аль-Хаджиб родился в городе Исна в Верхнем Египте после 570/1174 г. Отец Ибн аль-Хаджиба по происхождению был курдом. Ибн аль-Хаджиб изучал Коран и фикх в Каире, затем увлекся изучением грамматики. Он также учился в Дамаске, после чего вернулся в Каир, а затем отправился в Александрию. Скончался в 646/1249 г. Списки его сочинения «аль-Кафия» находятся практически во всех библиотеках мира.

Первый рассмотренный нами список данного сочинения — рукопись № 313 (224 л.) (рис. 1).

Размеры сочинения: 34×21 см. Обложка твердая. Почерк сочинения — согласно каталогу И. Ф. Готвальда — насх. Номер рукописи в данном каталоге — CL [3, с. 229].

Рис. 1. Последний лист списка рукописи № 313

Рис. 2. Фрагмент списка рукописи № 337

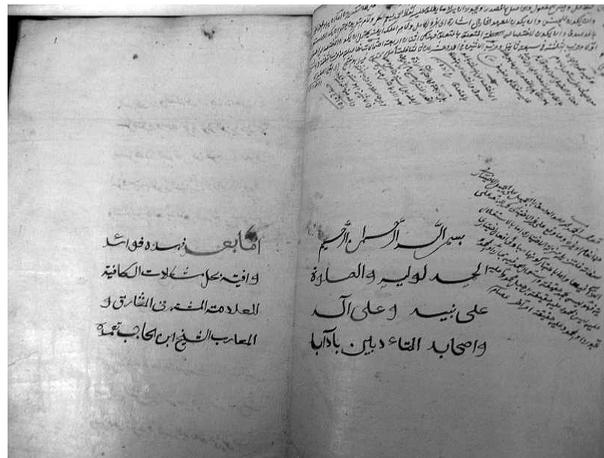

Рис. 3. Фрагмент списка рукописи № 338

Однако нам кажется, что почерк в данном списке различается — с листа 215 до конца сочинения текст написан почерком настаалик. В тексте присутствуют кустоды. До листа 49 включительно использована бумага голубого цвета, плотная, с филигранями. Начиная с листа 50 и до конца сочинения использована другая бумага, пожелтевшая. Основной текст написан черными чернилами, подчеркивания и названия некоторых глав выделены красными чернилами. До листа 53 присутствует большое количество комментариев на полях и в тексте, далее комментарии практически отсутствуют.

Второй список сочинения — рукопись № 337 (362 л.) (рис. 2).

Размеры: 26×17 см. Обложка сочинения твердая. И. Ф. Готвальд пишет: «Почерк несхи, грубой татарской руки». Номер рукописи в данном каталоге — CLI [3, с. 229]. По нашему мнению, данный почерк более напоминает почерк настаалик. Рукопись находится в хорошем состоянии. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия некоторых глав, подчеркивания в тексте и отдельные комментарии. Бумага плотная, российского производства — что видно по водяным знакам. В тексте присутствуют кустоды. На листе 362 в колофоне указана дата окончания написания сочинения — май 1836/1252 г. по хиджре.

Следующий список — рукопись № 338 (336 л.) (рис. 3).

Размеры сочинения: 27,5×16 см. Обложка сочинения твердая, в потертом кожаном переплете. И. Ф. Готвальд снова указывает, что текст написан почерком насх [3, с. 230], что, на наш взгляд, неверно — почерк настаалик. Номер рукописи в данном каталоге — CLII. До оглавления указаны название работы и сведения об авторе. Также указано, что почерк сочинения неразборчив, а год написания сочинения 897 по хиджре. Бумага имеет особенности: два первых листа, а также листы с 329 по 366 голубого цвета, остальная бумага — пожелтевшая. Бумага плотная, российского производства с филигранями. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия некоторых глав, подчеркивания в тексте и отдельные комментарии.

Список № 339 содержит 296 листов (рис. 4, 5).

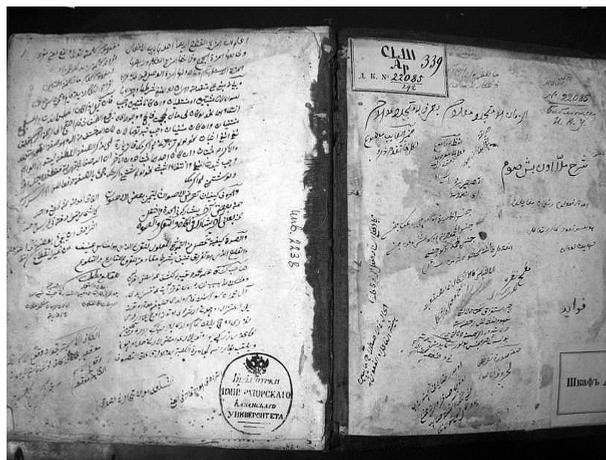

Рис. 4. Первый лист списка рукописи № 339

Размеры: 21×17 см. Обложка сочинения твердая. Текст написан почерком настаалик. Согласно каталогу И. Ф. Готвальда — почерк насх. Номер рукописи в данном каталоге — CLIII [3, с. 230]. Бумага плотная, пожелтевшая, произведенная в Российской Империи, на что указывают филигранные знаки. Кустоды отсутствуют. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия некоторых глав, подчеркивания в тексте. Присутствуют комментарии на полях и в самом тексте

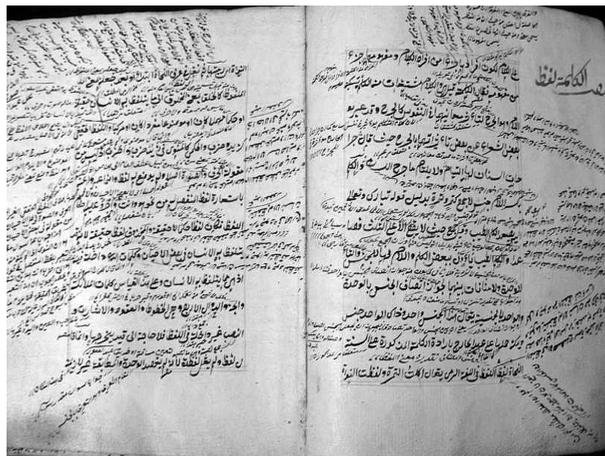

Рис. 5. Фрагмент списка рукописи № 339

сочинения. На листе 269 указана дата написания списка — 1777 г. по христианскому летоисчислению, однако месяц указан по мусульманскому календарю — зуль-када (thuu l-quḍa).

Список № 340 (л. 1–44) находится в конволюте (рис. 6, 7).

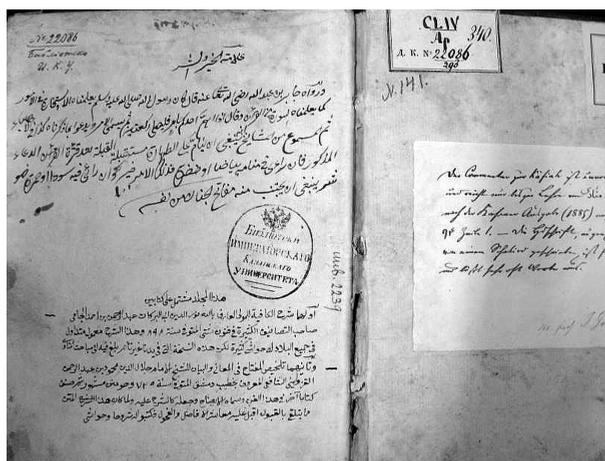

Рис. 6. Первый лист списка рукописи № 340

Сочинение неполное. Размеры: 20,5×16 см. Обложка сочинения твердая, с рисунком. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия некоторых глав и подчеркивания в тексте. Почерк таалик. Согласно каталогу И. Ф. Готвальда — почерк насх. Номер рукописи в данном каталоге — CLIV [3, с. 230]. Комментарии в тексте присутствуют до оборота листа 19. Начиная с листа 20 текст написан другой рукой. В тексте присутствуют кустоды. Бумага восточная, без водяных знаков, в не очень хорошем состоянии.

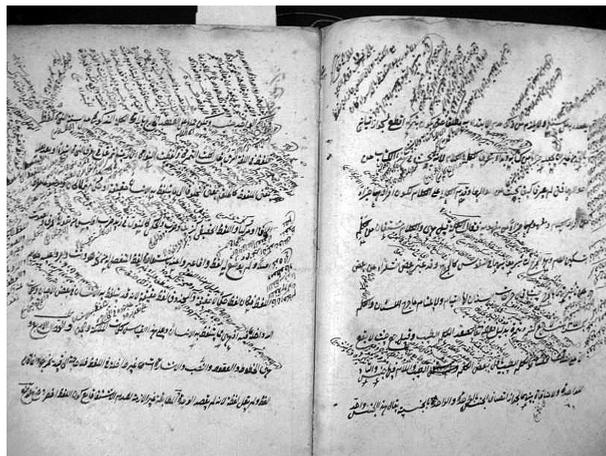

Рис. 7. Фрагмент списка рукописи № 340

Список № 559 (170 л.) (рис. 8).

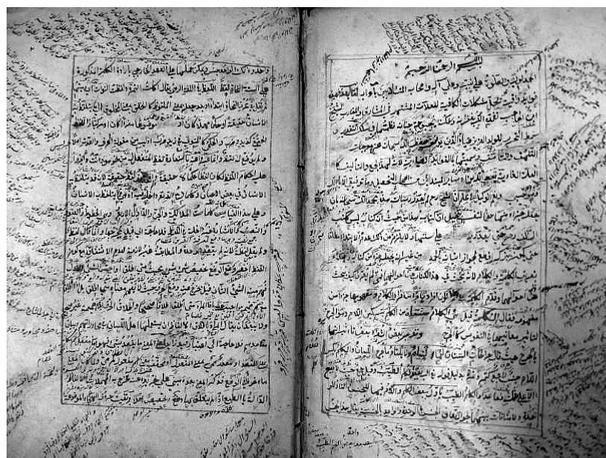

Рис. 8. Фрагмент списка рукописи № 559

Размеры: 21×15 см. Обложка сочинения твердая. С листа 12 по лист 19 и с 22 по 29 текст написан аккуратным почерком насх, остальной текст написан неразборчивым почерком и заключен в рамку, сделанную красными чернилами. До листа 11 в тексте присутствует большое количество комментариев на полях сочинения и в тексте, далее присутствуют лишь комментарии на полях. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены подчеркивания в тексте. Бумага находится в не очень хорошем состоянии. Бумага европейского производства — присутствуют филигрны. В колофоне на обороте листа 170 указан год написания списка — 958 по хиджре, а также неразборчиво имя переписчика.

Список № 560 содержит 205 листов (рис. 9).

Рис. 9. Фрагмент списка рукописи № 560

Размеры: 21×10,5 см. Обложка сочинения твердая, кожаная, с орнаментом. На первом листе приведено изречение из дивана Али бин Аби Талиба:

Существует четыре типа людей,
 Первый тип: человек знающий, и знающий, что он знает.
 Это ученый. Следуйте за ним.
 Второй тип: человек не знающий, и знающий, что он не знает.
 Это тот, кто жаждет знания. Учите его.
 Третий тип: человек знающий, но не знает, что он знает.
 Он спит. Пробудите его.
 Четвертый тип: человек, который не знает, и не знает, что он не знает.
 Это невежда. Остерегайтесь его.

До листа 20 текст написан аккуратным почерком насх черными чернилами, без комментариев. Начиная с листа 21, текст написан почерком настаалик, присутствуют комментарии. Основной текст написан черными чернилами, подчеркивания и отдельные слова выделены красными чернилами. В тексте присутствуют кустоды. Бумага с водяными знаками.

Также были рассмотрены четыре списка рукописи *Sharh l-'unmuuthaj fi n-nahw liz-Zamakhsharii* («Комментарий на грамматический трактат аз-Замахшари»).

Абу аль-Касим Махмуд бин Омар бин Мухаммад бин Омар аль-Хоаризми Аль-Замахшари родился в Замахшаре в 467/1074 г. в небогатой семье. Он посещал начальную школу, а также обучался под руководством отца. Уже в молодые годы аз-Замахшари написал несколько филологических сочинений. Аз-Замахшари посещал Ирак, Сирию, Хорасан, имел огромное количество учеников. Аз-Замахшари придерживался муатазилитского течения. Скончался ученый в Хорезме в 538/1143 г. после возвращения из Мекки.

Рассмотренная нами работа принадлежит автору Мухаммаду бин Абд аль-Гани аль-Ардабили (умер в 647/1249 г.).

Список данного сочинения под номером 317 содержит 164 листа (рис. 10).

Рис. 10. Фрагмент списка рукописи № 317

Размеры: 20×16 см. Обложка сочинения кожаная. На листе 7 указаны название сочинения, его автор. Присутствует фраза: «Это сочинение используется у нас».

В каталоге И. Ф. Готвальда отмечается, что сочинение написано старым дагестанским почерком насх, что указано в тексте самой рукописи. Номер рукописи в данном каталоге — СХХІІІ [3, с. 215–216]. Также указано, что неизвестен переписчик и место, где была переписана работа.

На полях и в тексте большое количество комментариев сделано на арабском языке. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия глав, глагол *qaala* (сказал) и производные от него, а также слово *'innataa*. В тексте присутствуют кустоды. Бумага восточная, находится в плохом состоянии.

Список № 318 содержит 126 листов (рис. 11).

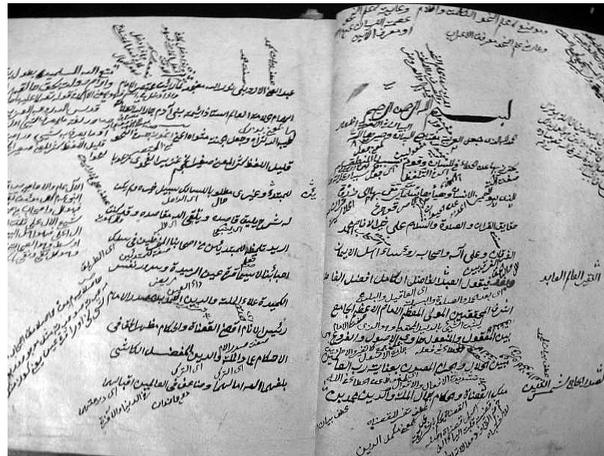

Рис. 11. Фрагмент списка рукописи № 318

Размеры: 21×17 см. Обложка сочинения твердая, кожаная. Текст написан почерком насх. На первом листе указано название и автор сочинения, также присутствует фраза, указывающая, что этот комментарий предназначен для начинающих изучение грамматики. Основной текст написан черными чернилами почерком насх. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — СХХIV [3, с. 216]. Красными чернилами выделены подчеркивания, названия глав в тексте, а также глагол *qaala* и его производные. С 92 листа комментария написаны синими чернилами. Бумага находится в хорошем состоянии, вероятно, восточная.

Список 319 содержит 122 листа (рис. 12).

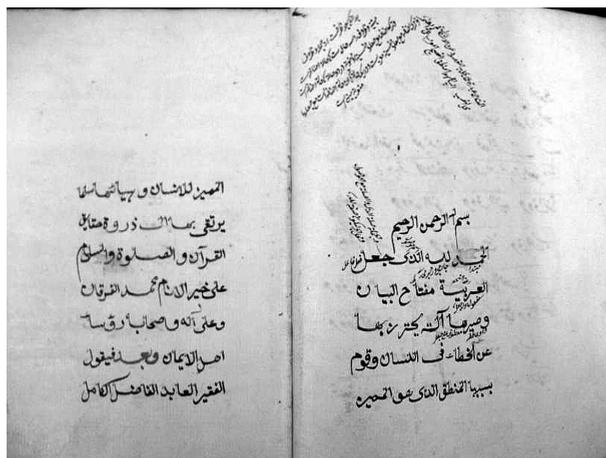

Рис. 12. Фрагмент списка рукописи № 319

Размеры: 21,5×16 см. Обложка сочинения твердая, кожаная. Текст написан почерком насх. До первого листа указано название сочинения, имя автора, присутствует фраза «комментарий распространен в наших местах». Далее с оборота первого листа следует оглавление. На полях и в тексте присутствуют комментарии. Основной текст написан черными чернилами. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — СХХV [3, с. 216]. Красными чернилами выделены названия глав, глагол *qaala* и его производные. Бумага находится в хорошем состоянии, произведена в Российской Империи.

Список № 320 содержит 144 листа (рис. 13).

Размеры: 22×16,5 см. Обложка сочинения твердая, кожаная. Текст написан почерком насх, согласно каталогу И. Ф. Готвальда — африканским насхом. Номер рукописи в данном каталоге — СХХVI [3, с. 216]. Присутствует большое количество примечаний на полях и в тексте сочинения. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия глав, а также глагол *qaala* и его производные. Бумага находится в хорошем состоянии, за исключением последнего листа. Бумага плотная, с водяными знаками. В тексте присутствуют кустоды.

Также мы рассмотрели сочинение аз-Замахшари под названием *Kitaab l-mufaSSal fii n-nahw li-Zamakhsharii* («Разъяснение по синтаксису») — рукопись № 344 (рис. 14).

Рис. 13. Фрагмент списка рукописи № 320

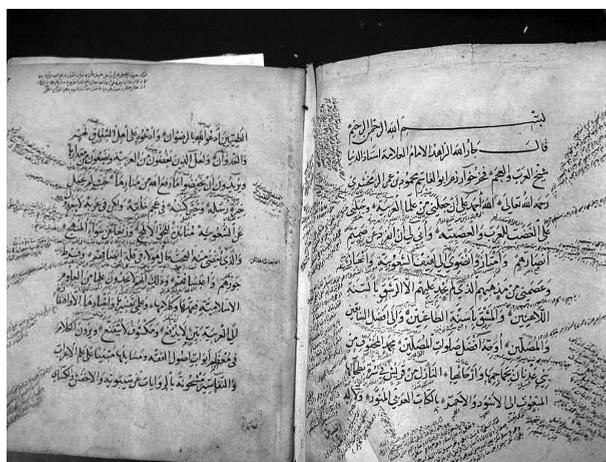

Рис. 14. Фрагмент списка рукописи № 344

Книга небольшого формата. Размеры: 15,5×12,5 см. Обложка твердая, кожаная, с орнаментом. Бумага в не очень хорошем состоянии. Почерк различается: с первого листа по оборот листа 21 почерк один, начиная с листа 22 по оборот 258 почерк меняется, также почерк меняется с 259 по 263 лист. Далее следует оглавление (с 266 по 275 лист), написанное четвертым переписчиком. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — СХХII [3, с. 215]. На полях и в тексте присутствуют примечания на арабском языке. Текст написан черными чернилами, Слово *faSl* (глава), подчеркивания, и отдельные слова выделены красными чернилами. Бумага восточная, без водяных знаков, присутствуют кустоды. В колофоне указано: *tammāt hathīhi n-nuskha* (закончен этот список).

Мы изучили также списки рукописи «Комментарий ат-Тафтазани на грамматику аз-Занджани» под номерами 332 (65 листов), 333 (111 листов), 334 (листы 1–85). Данное сочинение является комментарием ат-Тафтазани на грамматику аз-Занджани, однако в каталоге указано, что данные списки представляют собой саму грамматику аз-Занджани [2, с. 50].

Ат-Тафтазани, полное имя которого Масуд бин Фахр ад-Дин Умар бин Абдалла ат-Тафтазани, родился в 722/1322 г. в деревне Тафтазан недалеко от города Ниса (Хорасан), а умер в 792/1389 г. в Самарканде. Ат-Тафтазани был известен как ученый, знаток арабского языка и замечательный оратор. Ат-Тафтазани происходил из древнего и уважаемого рода, его прадед, дед и отец также были известными учеными. Образование он получил в городе Ниса, после чего переехал в Самарканд, где Ат-Тафтазани, которому на тот момент исполнилось всего шестнадцать лет, написал свое первое сочинение под названием «Комментарий ат-Тафтазани на грамматику аз-Занджани». Данное произведение получило широкую известность, и переписчики неоднократно делали списки с сочинения. Ат-Тафтазани известен как автор большого количества работ.

Список рукописи под номером № 332 содержит 65 листов (рис. 15).

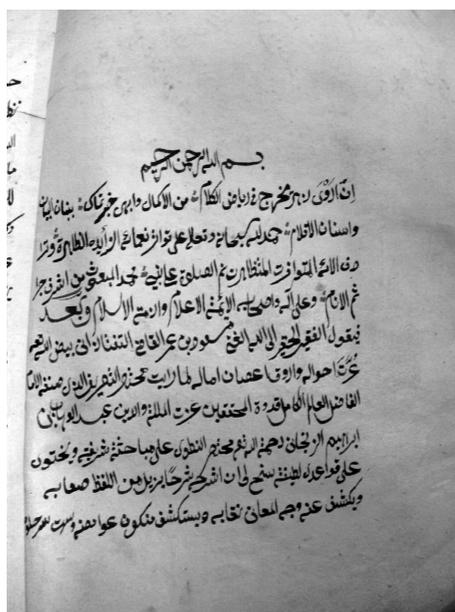

Рис. 15. Фрагмент списка рукописи 332

Размеры: 21×16,5 см. Обложка твердая, кожаная. В тексте присутствуют комментарии на полях, сделанные на арабском языке. На титульном листе имеются надписи на арабском и на одном из диалектов персидского языка. Текст рукописи написан почерком таалик. Основной текст написан черными чернилами, названия глав и подчеркивания в тексте выделены красными чернилами. В тексте присутствуют кустоды. В рукописи отсутствует указание на год написания, однако, согласно каталогу, рукопись датируется XIX в. [2, с. 50]. Бумага, на которой написана рукопись, была произведена в Российской Империи, на что указывают водяные знаки. На листе 65 в колофоне указано имя переписчика — Халиль бин Сулейман. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CXLIII [3, с. 225–226].

Список рукописи № 333 содержит 111 листов (рис. 16).

В каталоге указано, что рукопись представляет собой грамматику аз-Занджани [2, с. 50], на самом же деле она, как и сочинение № 332, является комментарием ат-

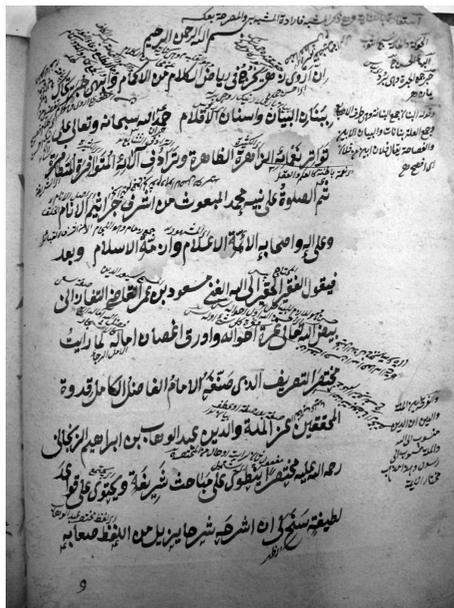

Рис. 16. Фрагмент списка рукописи 333

Тафтазани на грамматику аз-Занджани. Размеры: 22×16,5 см. Обложка твердая. Бумага в хорошем состоянии. В тексте присутствуют кустоды. Текст написан черными чернилами, также присутствуют подчеркивания, сделанные красными чернилами. Почерк таалик. На полях и между строк присутствуют комментарии на арабском языке. Бумага также была произведена в Российской Империи, содержит много водяных знаков. Год производства бумаги — 1893 — указан в виде водяного знака, что позволяет примерно датировать сам список рукописи, год написания которого не указан. Также на бумаге присутствуют водяные знаки: ЯМСЯ, благодаря чему можно заключить, что бумага была выпущена Ярославской мануфактурой Саввы Яковлева. Кроме того, на бумаге имеется изображение медведя с секирой и короной — символа города Ярославля [4]. На титульном листе стоит печать библиотеки императорского Казанского университета. Имя переписчика в тексте отсутствует. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CXLIV [3, с. 226].

Нами был рассмотрен список рукописи № 334 (л. 1–85) (рис. 17) [1, с. 25–26].

Размеры рукописи: 20,5×16 см. Обложка твердая. Бумага в хорошем состоянии. Текст написан черными чернилами, также присутствуют подчеркивания, сделанные красными чернилами. На полях и между строк присутствуют комментарии на арабском языке. В тексте встречаются кустоды. На титульном листе есть отдельные буквы, как будто кто-то тренировался в их написании. Сочинение является первой частью конволюта, в котором объединены три произведения — комментарии ат-Тафтазани на грамматику аз-Занджани (л. 1–85), грамматика аз-Занджани (л. 86–103), сочинение о правилах словообразования неизвестного автора (л. 105–108). На первом листе стоит печать библиотеки императорского Казанского университета, текст на этом листе выполнен на тюркском языке. Непосредственно сам текст списка рукописи начинается с оборота первого листа и написан почерком таалик. На полях

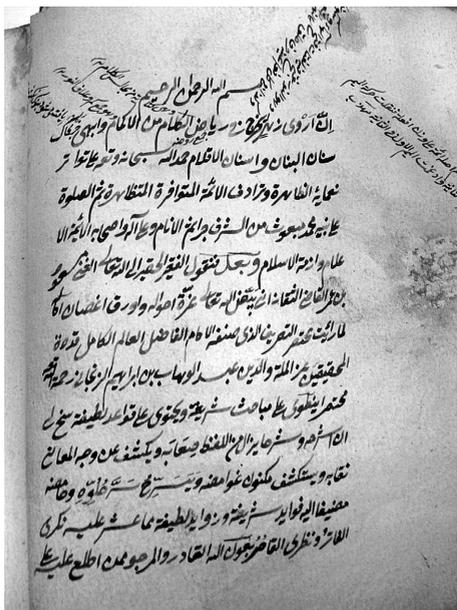

Рис. 17. Первый лист списка рукописи 334

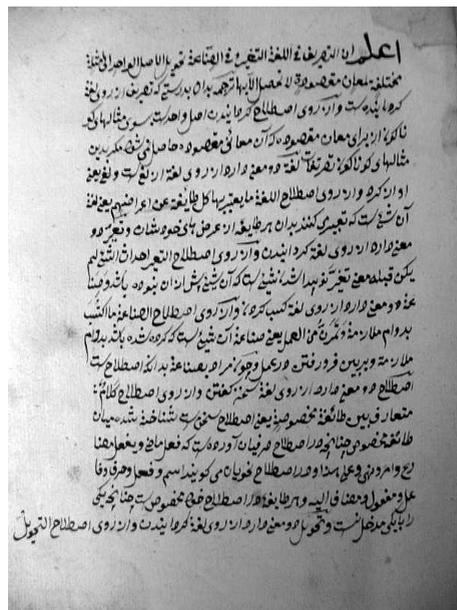

Рис. 18. Первый лист списка рукописи 557

рукописи до 10 листа присутствуют комментарии. Далее комментарии встречаются только в виде отдельных слов на некоторых листах. На бумаге рукописи присутствует большое количество водяных знаков, а на отдельных листах указан год — 1789, благодаря чему можно утверждать, что список был написан не ранее конца XVIII в. Сам список рукописи не датирован, имя переписчика также отсутствует. Бумага произведена в Российской Империи. На бумаге имеются дефекты и повреждения. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CXLV [3, с. 225–226].

Также мы рассмотрели список рукописи № 557 (61 л.) (рис. 18) — «Грамматика арабского языка аз-Занджани и пояснения на персидском языке».

Размеры: 21×17 см. Обложка сочинения твердая. На полях и в тексте присутствуют комментарии на персидском языке. Основной текст написан черными чернилами. Бумага находится в хорошем состоянии, произведена в Российской Империи.

Нами был рассмотрен список рукописи № 555 (37 л.) (рис. 19) *Sarh l-'Ujrumiya fi 'uSuul l-'ilm l-'arabiya* («Комментарий на грамматическое сочинение Ибн Аджуррума») [1, с. 25]. Автор сочинения — Халид бин Абд Аллах бин Аби Бакр аль-Азхари — известный лингвист, египтянин по происхождению. Родился в Верхнем Египте, жил в Каире, умер на пути из хаджа. Годы жизни ученого: 838/1434–905/1499. Аль-Азхари написал комментарий на самый короткий очерк, посвященный грамматике.

Ибн Аджуррум родился в г. Фес (Марокко). Годы жизни: 672/1273–723/1323. Считается, что после изучения Корана следующим шагом должно стать изучение грамматики аль-Уджрумийа.

Размеры рукописи: 20,5×13 см. Обложка сочинения твердая. Почерк насх. Основной текст вписан в рамку, сделанную черными, красными и золотыми чернилами. Отсутствует окончание. В тексте встречаются комментарии на арабском языке. Также в тексте присутствуют кустоды. Бумага восточная.

Рис. 19. Фрагмент списка рукописи № 555

Были рассмотрены два списка рукописи — № 315 и № 316. Название сочинения *Sharh maarah l-arwaah li'Alii bin Mas'uud (ar-Rumii)*. «Отдохновение душ» согласно каталогу И. Ф. Готвальда.

Список № 315 (л. 3–266) состоит в конволюте (рис. 20). С листа 1 по лист 3 следует Введение, после которого представлена глава об искусстве чтения Корана нараспев, далее следует основное сочинение, затем — сочинение *'al-MiSbaah fin-nahw* (л. 227–241). Автор — Мутареззи. Автор этого комментария — Шамс ад-Дин Ахмад бин Динкуз (умер в конце 900 г. по хиджре).

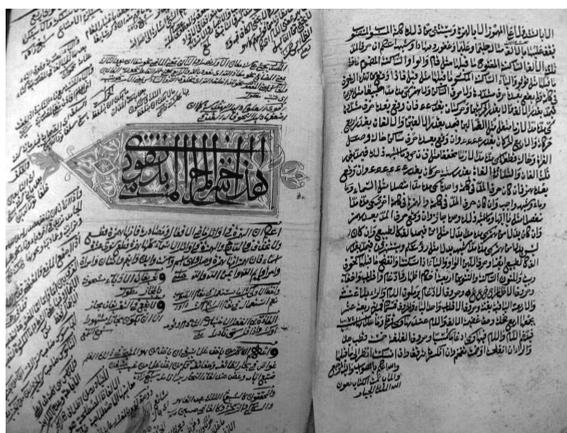

Рис. 20. Фрагмент списка рукописи 315

Размеры рукописи: 24,5×16,5 см. Обложка сочинения твердая, кожаная с орнаментом. Почерк насх. Присутствуют выделения, сделанные красными чернилами. На обороте листа 226 в колофоне, украшенном орнаментом, указано имя переписчика — Али Мухаммад бин Нир Мухаммад аль-Анхали. В тексте большое количество комментариев. Бумага содержит водяные знаки. И. Ф. Готвальд отмечает сходство почерков в данном сочинении и в сочинении, состоящем с ним в конволюте. Од-

нако, по нашему мнению, сходство между данными почерками отсутствует. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — СХХVI [3, с. 216].

Список № 316 содержит 104 листа (рис. 21).

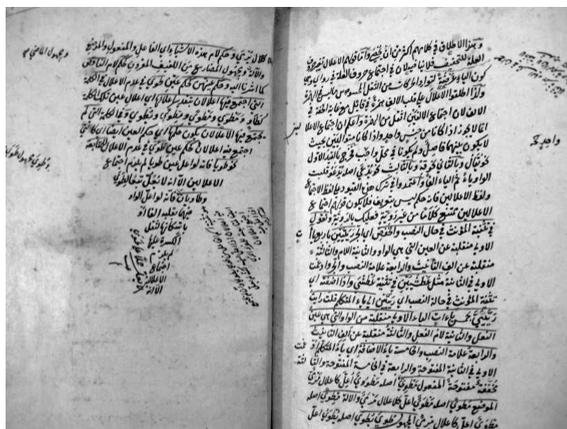

Рис. 21. Последний лист списка рукописи 316

Размеры рукописи: 17,5×12,2 см. Обложка сочинения твердая, кожаная с орнаментом. На первом листе рукописи указаны сведения о жизни Шамс ад-Дина Дикнузи из сочинения Ташкипризаде, также сообщается, что он был подданным султана.

Почерк сочинения — настаалик. Присутствует большое количество примечаний на полях и в тексте сочинения. На втором листе сочинения — печати владельцев данного списка и их имена — Ахмад бин Иса и Мухаммад бин Нураллах. Основной текст написан черными чернилами. Красными чернилами выделены названия глав, глагол *qaala* и его производные, а также глагол *alata*. Бумага плотная. На последней странице в колофоне указано: «рукопись закончена». Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — СХХVIII [3, с. 218].

Также были рассмотрены три списка сочинения *'al-Qaamius l-muhiiT* («Океан. Арабский словарь с толкованием»): № 373, № 374, № 564. Сочинение принадлежит Маджду ад-Дину Мухаммаду бин Якубу аль-Файрузабади (729/1415–817/1329). Ученый получил образование в Ширазе, затем в Сирии, побывал в Индии и Риме. Автор более 60 сочинений. Умер аль-Файрузабади в городе Зубайд в Йемене.

Список № 373 содержит 517 листов (рис. 22) [1, с. 26].

Обложка твердая. Почерк — хороший насх. Для написания основного текста использованы черные чернила, основное слово в словарной статье выделено красными чернилами. Небольшое количество комментариев в тексте. Бумага плотная, пожелтевшая, восточная, без филиграней. В колофоне на обороте листа 517 указан год окончания работы над списком — 987 г. по хиджре. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — СХVIII [3, с. 202–206].

Список рукописи № 374 (496 л.) (рис. 23, 24) в твердой обложке и футляре из узбекского шелка XVII в.

Рис. 22. Первый лист списка рукописи 373

Рис. 23. Фрагмент списка рукописи 374

На обложке присутствует орнамент. Размеры книги: 21,5×12 см. Данная рукопись содержит три словаря: огласованный текст словаря *al-MuhiiT* окружен текстами двух других словарей — *Miftaah al-ma'aanii* («Ключ к значениям») и *aS-Siraah min aS-Sihaah* («Извлечения из ас-Сихах»). Тексты словарей *al-MuhiiT* и *aS-Siraah min aS-Sihaah* написаны почерком насх. Текст *Miftaah al-ma'aanii* написан почерком настаалик. В тексте присутствуют кустоды, бумага восточная, без филигранных. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CXIX [3, с. 206–213].

Список рукописи № 564 (315 л.) (рис. 25) также носит название *'al-Qaamuus l-muhiiT*.

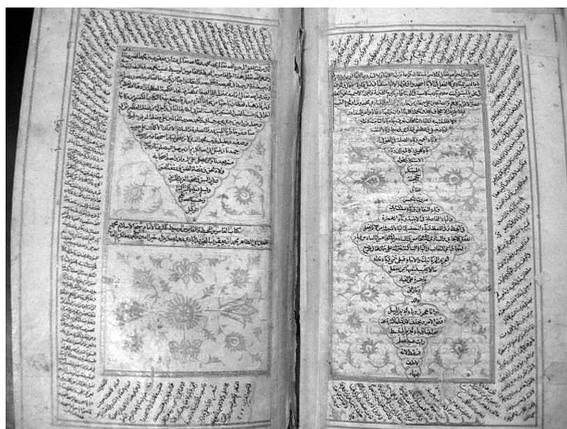

Рис. 24. Последний лист списка рукописи 374

Рис. 25. Фрагмент списка рукописи 564

Обложка сочинения твердая, в хорошем состоянии, с орнаментом. Размеры: 31,5×21 см. Почерк — насх. Рукопись сильно повреждена. Текст сочинения написан черными чернилами, названия выделены красным. В тексте присутствуют кустоды. На полях сочинения комментарии, в конце книги — колофон с указанием на год окончания написания работы — 945 г. по хиджре. Бумага с филигранями. На сочинении стоит печать А. К. Казем-бека.

Рукопись № 562 (588 л.) (рис. 26) *Kitaab aS-Sihaah fil-luga* аль-Джаухари.

Исмаил ал-Джаухари, тюрк по происхождению, являлся известным лингвистом своего времени, составителем толкового словаря и поэтом. Считается, что он был выходцем из города Фараб. Известно, что ал-Джаухари великолепно владел искусством каллиграфии. Основным его трудом был толковый словарь *TaaJ l-luga waS-Sihaah l-'arabiya* или — *aS-Sihaah*.

Список в хорошо сохранившейся кожаной обложке с орнаментом. Размеры книги: 29×18 см. Бумага плотная, не содержит филиграней. В тексте сочинения от-

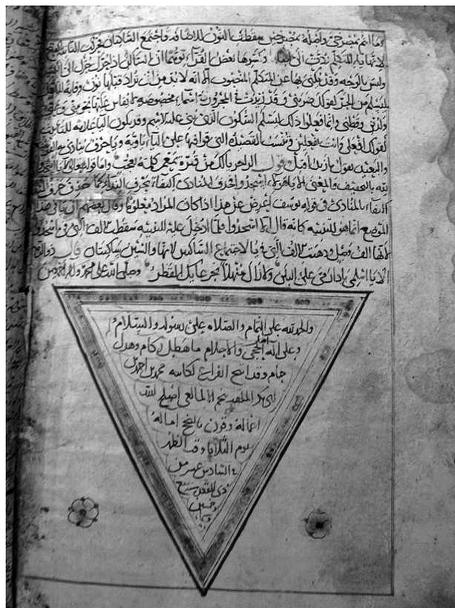

Рис. 26. Последний лист списка рукописи № 562

сутствует указание на дату написания рукописи. До первого листа указано имя владельца и год, когда сочинение у него находилось, — 1466. В колофоне на обороте листа 588 указано имя переписчика — Ахмад Мухаммад бин Аби Бакр Наджм аль-Альмалаи, год окончания работы — 657 по хиджре. Почерк — насх. Заглавия написаны золотыми и красными чернилами. Красными чернилами также выделены глагол *qaala*, слово *faSl* и основные слова словаря, а также буквы, с которых начинаются слова. Бумага плотная без филигранных.

Были рассмотрены два списка одного сочинения № 82 (260 л.) и 181 (118 л.) под названием *Mukhtaar aS-Sihaah* («Избранное из словаря аль-Джаухари»).

Автор сочинения — Мухаммад бин Аби Бакр бин Абд аль-Кадир ар-Рази (Зайн ад-Дин). Родился в городе Рее близ Тегерана. Точные годы жизни ученого неизвестны, обычно исследователи указывают годом рождения ар-Рази — 865, а годом смерти — 930. Известно, что ученый некоторое время провел в Египте и Сирии, затем жил в Турции. Среди самых известных сочинений ар-Рази выделяется *Kitaab mukhtaar aS-Sihaah fii l-luga*.

Рукопись № 82 (260 л.) (рис. 27) в твердой кожаной обложке с орнаментом, в хорошем состоянии. Размеры: 28×17,5 см.

На первом листе сочинения указано имя владельца сочинения и время, когда список попал к нему — Салих бин Мухаммад аш-Шахир, 997 г., месяц зуль-када (*thuu l-qu'da*). На некоторых листах сочинения присутствуют комментарии, в тексте есть кустоды, филигранные отсутствуют. Сочинение имеет аналогичное количество глав и подглав, как и труд аль-Джаухари (28 глав и 28 подглав). Согласно каталогу — почерк насх. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CXV [3, с. 195–196].

Также был рассмотрен список рукописи под номером 181 (118 л.). Обложка сочинения мягкая, кожаная. Размеры сочинения 20×15,5 см. Бумага плотная, без фи-

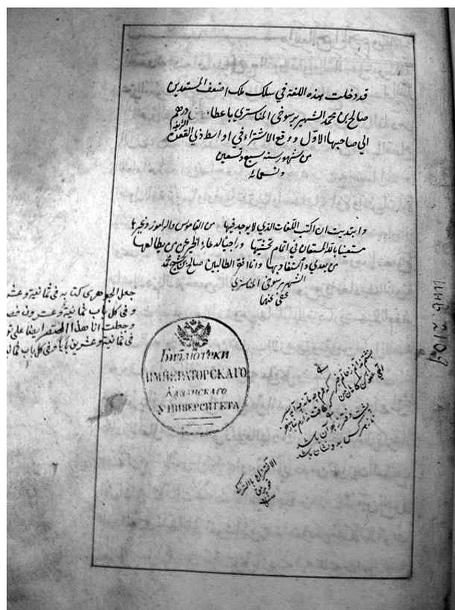

Рис. 27. Первая страница списка рукописи 82

лиграней, присутствуют кустоды. Основной текст сочинения, а также комментарии на полях написаны черными чернилами, красными чернилами выделены названия глав и слова, к которым дается толкование. Список неполный. Почерк насх. Номер рукописи в каталоге И. Ф. Готвальда — CXVI [3, с. 196–199].

Литература

1. Беляев В. И., Булгаков П. Г. Арабские рукописи собрания Ленинградского государственного университета // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 21–35.
2. Фролова О. Б., Дерягина Т. П. Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. 268 с.
3. Готвальд И. Ф. Описание арабских рукописей, принадлежащих библиотеке Императорского Казанского университета. Казань: Университетская типография, 1854. 303 с.
4. Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Wmark/index.html> (дата обращения: 12.11.2012).

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Яфия Юсиф Джамиль — кандидат филологических наук, доцент; yhana@mail.ru

Yafia Jousif Jamil — PhD, Associate Professor; yhana@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821

А. В. Ляхович

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ «ШЕЙХ УМАР» АБУБАКАРА ТАФАВА БАЛЕВА
В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ХАУСА**

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена одному из первых художественных произведений в литературе на языке хауса. «Шейх Умар» был написан в 30-е годы XX в., знаменуя своим появлением переход от литературы средневекового типа к современной художественной литературе. Основное внимание уделено анализу данного произведения с точки зрения сохранения преемственности по отношению к традиционной словесности религиозного характера, кроме того, рассматриваются новаторские приемы Абубакара Тафава Балева, заимствованные из арабского фольклора. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: хауса, религиозная литература, художественная литература, Абубакар Тафава Балева.

**“SHEIKH UMAR” BY ABUBAKAR TAFAWA BALEWA WITHIN THE CONTEXT OF HAUSA
RELIGIOUS LITERATURE**

A. V. Lyakhovich

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article reads “Sheikh Umar” by Abubakar Tafawa Balewa as one of important monuments which marks the transition from medieval literature to the modern fiction. The main focus is given to specific features of “Sheikh Umar” such as religious didactics, concepts (mutumin kirki, ‘good man’) etc. which are deeply rooted in Hausa religious literature. One of the primary ideas states that destiny determines the life of human being. So the heroes of “Sheikh Umar” do not have any freedom to choose. The structure of “Sheikh Umar” also bears similarities to homiletic literature. Innovative idea of Abubakar Tafawa Balewa allows possibility of integration between fiction and religious work. Fictional framing of “Sheikh Umar” is based presumably on the stories of the Arabian “One thousand and one nights”. Refs 8.

Keywords: Hausa, religious literature, modern fiction, Abubakar Tafawa Balewa.

Исламская литература появилась в странах хауса благодаря распространению ислама, а вместе с ним арабского языка и письменности. Религиозная литература была важнейшим средством обращения хауса в ислам [1]. Позже она получила широкое распространение и пользовалась большим авторитетом. Сильное воздействие она оказывала на многие стороны жизни хауса, в частности на традиционные формы словесного искусства.

В XIX в. в городах хауса появляется оригинальная письменная традиция и литература на языке хауса, до того времени только зарождавшаяся. С началом джихада

(начало XIX в.), или даже ранее, стал проявляться разрыв между письменной литературой, которая основывалась на канонах религиозной литературы, и фольклором, который, по преимуществу, имел внерелигиозный характер: «Сторонники джихада и их последователи стремились установить доминирующую культуру, которая была, главным образом, исламской, серьезной, городской и мужской. Кричащая пышность, безнравственность и 'пустая болтовня' предположительно относились к жизни в сельской местности и к словам 'женщины', 'дети' и 'язычники'. Культ бори был для проституток и аморальных мужчин, традиционные сказки были для старых женщин и детей, песни несерьезного содержания были для земледельцев, охотников и тому подобных, только хвалебные песни оставались частью массовой культуры, но только те, которые заимствовали исламские идеалы и формы» [1, р. 204].

Классификация исламской литературы хауса, предложенная М. Хискеттом и дополненная Г. Ферниссом, выглядит следующим образом: *wa'azi* — наставления, проповеди; *madahu* — панегирики пророку (а также шейхам тарикатов и правителям); *tafsir* или *tafsiri* — экзегетика Корана; *farilla* — религиозные заповеди; *fik'ihu* — правовые трактаты; *tauhidi* — теологические трактаты; *nijumi* — сочинения по астрономии; *hisabi* — сочинения по нумерологии; *hadis* или *hadisi*; *sira* — описание жизни первоначально пророка Мухаммада, затем и Усмана дан Фодио, рассказы о шейхе Усмани и других выдающихся исторических деятелях. Кроме того, к разряду серьезной литературы относятся исторические произведения и сочинения на политические темы.

Основные составляющие исламской литературы заключаются в следующем. Одна из важнейших черт, о которой пишет английский исследователь, — «серьезность». Это широкое понятие, подразумевающее установку этой литературы на правду, а не на вымысел, т. е. религиозная литература создает иллюзию полного правдоподобия воссоздаваемых событий. Основные ее функции — обучающая, разъясняющая и полемическая [1]. Доминирующую форму изложения можно назвать назидательно-разъяснительной: «Если кто-нибудь оскорбляет или ругает тебя, не волнуйся об этом, оставь Всемогущему. Ибо ты тоже друг Всемогущего. Он смотрит на тебя, тот, кто имеет власть над всем. Если ты слушаешь мои увещания, раскайся, пожалуйста, перестань попрошайничать. Если ты хочешь спросить, спроси Господа Всемогущего, который раздает все. Ибо он даст тебе, не рассердившись. Ибо он велик, никто не отрицает» [2, с. 182]¹. В данном случае можно вспомнить средневековую арабскую литературу и литературу европейских стран. В основе рассматриваемой литературной традиции лежат канонические тексты по философии и нравственным доктринам религии (Библия, Коран и т. д.). На базе канонической литературы создается словесность, которая представляет собой беллетристическую иллюстрацию религиозно-канонических формул, содержащихся в церковной литературе.

Большая часть религиозной литературы хауса вплоть до настоящего времени имеет стихотворную форму и исполняется вслух. Очевидно, частично из-за формы исполнения (устной, всегда предусматривающей исполнителя и аудиторию), частично из-за формы произведений (назидательно-разъяснительной) подобная литература имеет ярко выраженное диалогическое начало. Последняя характеристика, впрочем, справедлива по отношению ко многим жанрам словесной культуры хауса, по-видимому, вследствие актуальности устного характера исполнения. К примеру,

¹ Поэма «Возблагодарим Аллаха!». Перевод выполнен Ю. В. Пригорицкой.

большая часть цитированной уже нами поэмы «Возблагодарим Аллаха!» начинается с различных обращений к аудитории: «Знайте», «бойтесь», «расскайся», «оставь», «не бери», «воздержись» и т. д. «История хауса»² также обнаруживает диалогичность по форме: «Знай, люди хауса говорят, был один человек, внук царей Борну, по имени Далалами» [2, с. 205]; «Если тебя спросят, откуда произошел народ хауса, ответь, что его настоящие предки — канури и северные народы»³ [2, с. 220].

С началом XX в., благодаря деятельности британской администрации, в обществе меняется отношение к той области словесности, которая раньше признавалась «несерьезной», «пустой болтовней». На сегодняшний день произведения фольклорных жанров уже не считаются недостойными мусульманина. Тем не менее всякое апеллирование к канонам религиозной поэзии воспринимается как признак учености и весьма почитается на современном этапе (с начала XX в. создается нерелигиозная литература, которая, однако, активно наследует принципы исламской поэзии: ее формы, содержание и функции).

Произведение «Шейх Умар» было создано в 30-х годах XX в. Абубакаром Тафава Балева, одним из первых представителей современной литературы на языке хауса.

Рассматриваемое сочинение представляет собой жизнеописание. В «Шейхе Умаре» есть вводная часть, где автор представляет главного героя и где присутствует аудитория, которая просит героя рассказать его историю. В основной части последовательно излагаются события, связанные с рождением, взрослением, приключениями героя и возвращением на родину. Во вводной части изложение ведется от третьего лица, основное содержание написано от первого лица.

Композиция произведения обращает на себя внимание в первую очередь наличием традиционных для хаусанской религиозной литературы зачина и концовки.

Зачин: «Бог — это царь, величайший из всех царей, Он — самое священное из всего сущего, Он — царь, нет никого, подобного ему» [5, р. 18].

Концовка: «Хвала Богу. О, Господи, Ты Единственный, кого мы благодарим. Я молю Бога простить нас за то, что мы сделали, и за то, что мы сделаем в будущем. Господь, отведи от нас беду и зависть врагов, и избавь нас от зла этого мира и мира иного, аминь» [5, р. 79].

В данном случае очевидно заимствование автором жанровых принципов, характерных для гомилетической литературы хауса. Г. Фернисс указывает на тот факт, что гомилетические поэмы традиционно начинаются с религиозного славословия, предвещающего основную тему. Кроме того, типично также завершающее славословие. Ю. В. Пригорицкая дала следующее описание структуры подобного рода сочинений: «Зачин гомилетических поэм характеризуется обращениями к Аллаху и пророку Мухаммаду, и это обращение носит молитвенный, смиренный характер... Переход от воззвания, обращения к повествованию совершается плавно, в зачине (весьма стандартизированном) обнаруживаются логические предпосылки для того, чтобы в дальнейшем разговор пошел об одной из конкретных тем» [2, с. 54, 57]. Ю. В. Пригорицкая выделяет также третью обязательную составляющую — «диалогичный характер внедрения текста в воспринимающую его аудиторию».

² «История хауса» («Labarin mutanen Hausa») — историческая хроника на языке хауса, известна в двух опубликованных вариантах, восходящих к одному источнику [3; 4, р. 2–35].

³ Перевод выполнен Ю. В. Пригорицкой.

Рассмотрев все основные принципы структурирования религиозных сочинений, возможно сравнить их с композиционными особенностями произведения «Шейх Умар». Во-первых, в этом сочинении также присутствуют религиозные славословия в начале и в конце текста. Особое внимание стоит обратить на вводную часть «Шейха Умара». Здесь, как уже упоминалось выше, автор дает герою характеристику. Шейх Умар является образцом праведности, люди считают его святым. Однажды один из его учеников задает вопрос о том, откуда он родом, и просит рассказать о его родине. По просьбе ученика герой соглашается поведать о своей жизни.

Итак, в вводной части обнаруживается переход к теме всего произведения — теме жизненного пути благочестивого человека. Однако, как уже отмечалось ранее, благочестие и биография героя являются лишь частично темой произведения. Не менее важны здесь религиозные идеи, которые рассматривает автор. Религиозные отступления, составляющие зачин и концовку «Шейха Умара», имеют очевидную связь. Слова в зачине становятся эпиграфом произведения: содержание основной части подтверждает и иллюстрирует идеи превосходства Бога над всем сущим. Концовка формулирует идею судьбы в произведении: Бог — единственный, кому подвластно изменять что-либо в жизни человека; что бы ни происходило с людьми, лишь Бог может избавить от бед, зла, зависти врагов; человеку остается лишь молиться о милости, благодарить за милость и просить прощения за свои поступки.

В зачине «Шейха Умара» присутствует принцип, выделенный Ю. В. Пригорицкой, — «диалогичный характер внедрения текста в воспринимающую его аудиторию»: автор приводит разговор между героем и учеником, и в дальнейшем герой выступает в роли рассказчика. В словесной культуре хауса часто рассказчик ассоциируется с понятием «отвечающий», а аудитория — с понятием «спрашивающий». Примером может послужить следующий зачин одного из исторических преданий хауса: «Если спрашивающий спросит тебя и скажет тебе, почему восстали кабава, скажи ему, что...»⁴ (Рассказ о саркин мусулми и саркин Каби [6, с. 90]).

В основной части «Шейха Умара» можно обнаружить сочетание трех способов организации текста: повествование, рассуждение и описание. Бóльшая часть текста — это событийное изложение ряда происшествий в жизни героя. Нужно отметить, что существенный объем занимает рассказ о его близких — матери и отчине. Исторический фон, очевидно, призван подчеркнуть правдивость рассказа героя, внушить веру в его слова и идеалы.

В ходе анализа композиционных особенностей «Шейха Умара» обнаруживается сходство произведения с сочинениями арабской словесности. Тем не менее мы не можем с большой степенью уверенности утверждать факт заимствования автором конкретных сюжетов арабских сказок.

В данном произведении можно выделить двух главных героев — Умара и его мать. В детстве мальчика похищают, он становится рабом, его покупает богатый купец из Египта, который растит героя как сына. На протяжении многих лет Умар разлучен с родными и живет на чужбине. Другая сюжетная линия разворачивается параллельно вокруг матери героя, которая не оставляет попыток найти сына.

Необходимо отметить, что изложенные сюжетные особенности построены во многом на материале арабского фольклора. В первую очередь, привлекают внимание

⁴ Перевод выполнен Н. А. Добронравиным.

такие характерные для арабских сказок мотивы и элементы: разлука героя с родными, его жизнь вдали от родины, воспитание в приемной семье, возвращение героя на родину и к семье в конце странствий. В произведении можно обнаружить также элементы, присущие конкретным арабским сказкам. Это, прежде всего, «Сказка о Хасане басрийском» [6] и «Повесть о царе Омани ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-ал-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах» [7]. В «Сказке о Хасане басрийском», как и в «Шейхе Умаре», героя *похищают и увозят в дальние страны*. В сказке также особо подчеркивается мотив разлуки с матерью: «И она плакала и рыдала до утра, и вошли к ней соседи и спросили ее про сына, и она рассказала им о том, что случилось у него с персиянином, и решила, что она никогда не увидит его после этого. И она стала ходить по дому и плакать... И соседи оставили ее, *пожелав ей быть стойкой* и вскоре соединиться с сыном, и ушли, а мать Хасана не переставая плакала в часы ночи и часы дня». Похожее описание есть и в «Шейхе Умаре»: «Она *разлилась плачем*, и они все [соседи] стояли вокруг нее, призывая / прося ее быть *терпеливой*, ибо на то была Божья воля» [5, р. 43]. В ходе своих странствий герой арабской сказки находит любимую женщину и живет с ней счастливо, не вспоминая о матери. Герой «Шейха Умара» долгие годы проводит в семье приемного отца, ведя счастливую жизнь, забыв о своих родных и родине. Далее автор рассматриваемого произведения использует мотив вещего сна, распространенный в арабском фольклоре. Как и в «Сказке о Хасане басрийском», именно благодаря сну, в котором герой видит страдающую мать, Умар вспоминает ее и решает отправиться на родину, чтобы встретиться с ней.

В произведении «Шейх Умар» присутствуют мотивы «Сказки о Хасане басрийском», поэтому мы склонны считать ее одним из основных источников для сюжета «Шейха Умара».

Более сложной для установления источника является часть сюжета произведения, которая описывает события, выпавшие на долю матери героя в ходе ее поисков сына. Не характерен для арабского фольклора сам мотив: мать, разлученная с сыном, отправляется на его поиски. Традиционно героини (мать, сестра, возлюбленная) арабской сказки являются пассивными персонажами, которые страдают в разлуке, заболевают от горя, но сами не пытаются ничего изменить. Специфика «Шейха Умара» состоит именно в том, что мать героя становится активно действующим персонажем. И эта особенность, на наш взгляд, свидетельствует о влиянии на творчество автора произведения европейских сказок. Так, например, у Андерсена есть сказка под названием «История одной матери», героиня которой — мать, разыскивающая своего ребенка. В структуре сказки важнейшую роль играет мотив поиска — большая часть текста описывает испытания, которые мать выдерживает в ходе странствий. В «Шейхе Умаре», как и в сказке Андерсена, делается акцент на идее преданности матери сыну. Женщина решается на смелый поступок — бросить все (дом, семью) и отправиться в Египет, даже не зная точно, где ее сын, и не думая об опасностях, которые таит в себе путешествие в одиночку. Мотив поиска также связан с испытаниями, которые предстоит пройти героине, и проникнут идеей страдания.

Большая часть рассказа о матери героя и ее поисках сына восходит к арабской «Повести о царе Омани ибн ан-Нумане и его сыне Шарр-Кане, и другом сыне Дау-ал-Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах». Один из фрагментов повести посвящен приключениям Дау-ал-Макана и его сестры Нузхат-аз-Заман. Герои убегают из дома, задумав совершить паломничество, однако затем брат заболевает, у его

сестры кончаются деньги. Однажды девушка выходит из дома и пропадает. Дальнейшая часть сюжета арабского текста во многом совпадает с сюжетом «Шейха Умара».

Героиня произведения «Шейх Умар», как и героиня арабской повести, оказывается без денег. Она хочет пересечь пустыню вместе с одним из караванов, который направляется в город, где предположительно живет ее сын. Один из караванщиков решает обмануть женщину. Он говорит, что ей нужен именно их караван, и она может довериться ему и жить с его женами. Таким образом он выдает ее, в конце концов, за свою рабыню. В дальнейшем героиню продают другому человеку, который очень плохо обращается с ней. И причина такого отношения заключается в том, что он не верит в ее историю с сыном. Слезы и жалобы женщины приводят к тому, что он все хуже с ней обращается. В арабском тексте героиня также встречает человека, который хочет хитростью сделать ее рабыней. Он обещает ей помощь и работу, и девушка верит ему. Из-за своей доверчивости героиня попадает в рабство к жестокому человеку, который, в конце концов, продает ее. Очевидное сходство, на наш взгляд, также присутствует в описании страданий героини:

Повесть о царе Омане ибн ан-Нумане... [7]

И он подошел с бичом и стал бить ее, восклицая: «Если ты не замолчишь, я убью тебя!» И Нузхат-аз-Заман на время умолкла, а затем она вспомнила брата... и тайком заплакала.

А на другой день она обратилась к бедуину... И когда бедуин услышал ее слова, его сердце ожесточилось, и, взяв бич, опустил его на ее спину и бил ее, пока она не обеспамятела... И старик отбросил бич и принялся ее ругать, говоря: «...Если я увижу или услышу, что ты плачешь, я отрежу тебе язык...»

А у Нузхат-аз-Заман изменился цвет лица от печали и утомления с дороги, и она заплакала из-за этого.

Шейх Умар [5, р. 69–70]

...Он надел на нее цепи. Ей пришлось выполнять самую тяжелую работу... Что же до нее, из-за несчастья, которое ее постигло, она совсем обессилела и потеряла свою красоту. Когда она заканчивала работу, она могла только сидеть и плакать...

Снова и снова он бил ее, но, несмотря на это, она не изменила своего поведения.

Некоторые элементы описания страданий героини произведения «Шейх Умар» имеют сходство с описанием мучений жены героя из уже упоминавшейся «Сказки о Хасане басрийском». В данной сказке жена Хасана также разлучена с ним. Ее сестра держит героиню в заключении, подвергая ее избиениям: «А потом она поднялась и стала бить Манар-ас-Сана, и ее покрыло беспамьятство. И ей брызгали в лицо водой, пока она не очнулась, и изменились прелести ее от жестоких побоев и крепких уз и от постигшего ее великого унижения».

Одной из важнейших составляющих произведения являются описания. Описания как нельзя лучше подходят для выражения идей гомилетической литературы. Часто приводятся описания чувств героя. Одно из самых ярких описаний чувств персонажей появляется в эпизоде, когда приемной матери героя сообщают о том, что мальчик похищен, и его поиски оказались бесполезны: «Она разразилась плачем, и они все стояли вокруг нее, призывая / прося ее быть терпеливой, ибо на то была Божья воля. Она вытерла слезы и вошла в хижину. Но когда она увидела деревянную миску с туво⁵, которое она поставила для меня, и место, где я обычно спал, весь

⁵ Туво — традиционное блюдо, которое готовится из муки.

мир стал черным для нее от горя, и она упала на постель, и начала плакать...» [5, р. 43]. Описания чувств в тексте произведения преобладают, вместе с тем встречаются описания характера благочестивых людей: шейха Умара (в начале произведения) и его приемного отца. Полностью отсутствуют описания внешности, если только они не связаны с характеристикой чувств персонажей. Так, например, одним из проявлений страданий матери героя является тот факт, что она потеряла свою красоту.

В последующей части произведения, когда герой уезжает в Египет, в тексте появляются некоторые элементы этнографического описания (берберской деревни). Рассказ о путешествии по пустыне также содержит описания, которые, возможно, почерпнуты автором произведения из путевых заметок европейцев: «С того момента, как мы вошли в пустыню, я не видел ни одного большого дерева. Куда бы ты ни посмотрел, как бы далеко ни простирался взгляд, ты не увидел бы ничего, кроме песка. В этом месте не было дождя... Там был ветер, но не такой, как в этой стране. Там ветер не приносит с собой ничего, кроме песка» [5, р. 59]. В арабской традиции используются несколько иные описания пустыни: отсутствует описание ветра, пустыня представляется, прежде всего, безводным местом.

Другим важным компонентом в структуре рассматриваемого произведения являются религиозно-дидактические отступления. Такие отступления появляются в завершение каких-либо ситуаций и имеют характер комментария к ним. Например, когда приемный отец героя рассказывает охотнику о своих несчастьях, тот говорит в ответ: «Воистину, как Бог решил, так оно и будет. Честный человек никогда не будет лишен надежд» [5, р. 31]. Матери героя сообщают о том, что ее ребенок похищен, в форме следующего наставления: «И теперь ты должна терпеливо перенести то, что судил Бог, и помни, что терпение — это лучшее из всего» [5, р. 51]. На что женщина отвечает: «Ты прав, любой в этом мире, если не будет терпеливым, непременно познает тысячи бед. Бог облегчит все наши горести» [5, р. 51]. Рассматриваемые религиозные сентенции, как видно из приведенных примеров, имеют различную форму. Это чаще всего назидания, иногда рассуждения. Нужно отметить, что часто в тексте появляются сходные ситуации, и некоторые назидательные формулировки неоднократно повторяются.

Иногда религиозные отступления произносятся кем-то из героев в форме *wa'āzī* — наставления, проповеди. Когда приемного отца героя лишают всего и высылают из города, его жена плачет, и он обращается к ней с таким наставлением: «...Поскольку ты мусульманка, тебе следует помнить, что все, что выпадает на долю человека, исходит от Бога. Так что для нас будет лучше всего довериться Богу, который упорядочивает все по собственному усмотрению. <...> Несомненно, на твою долю выпало много горя, однако, несмотря на это, Бог облегчит все наши несчастья. Вытри слезы, ведь все это — ничто в замыслах Божьих» [5, р. 28–29].

Вся религиозно-дидактическая литература построена на противопоставлении нравственности и аморальности. Наряду с описанием правильного и неправильного поведения обычно присутствует описание последствий, которые оно за собой влечет.

Случаи наказания неблагочестивого поведения в произведении рассматриваются реже. Так, предательство влечет за собой наказание: «Мы хорошо знаем, [если] тот, кому было оказано доверие, *предает* его — Бог *накажет* его» [5, р. 24].

В «Шейхе Умаре» большинство значимых персонажей являются образцами правильного социального поведения — благочестия. Они строго следуют нормам, пред-

писываемым Кораном, и в результате воздаяние носит положительный характер. Мать героя, жившая в течение долгих лет в рабстве, в разлуке с сыном, становится свободной и соединяется с ним. Герой находит свою мать, освобождается из рабства и возвращается на родину.

Итак, «Шейх Умар» Абубакара Тафава Балева — это отдельное явление в хаусанской словесности. Это художественное литературное произведение, в рамках которого использованы идеи и некоторые особенности религиозной литературы хауса. Прежде всего, сам герой — это яркое проявление распространенного среди хауса понятия «*mutumin kirki*», хорошего человека⁶. Религиозные отступления в «Шейхе Умаре» выражают мысль о том, что все случается по воле Аллаха, поэтому даже несчастья должны восприниматься со смирением и покорностью; характерна также идея о том, что все предрешиено Аллахом, и нельзя изменить то, что ждет человека.

Тема судьбы — одна из основных в произведении (каддара — «судьба, рок» — слово, заимствованное из арабского языка), это можно назвать одной из его отличительных особенностей. Здесь судьба довлеет над героями, они не имеют права на выбор, на поступок. Судьба же — это воля Бога. Автор особо акцентирует тот факт, что герои делают лишь то, что предписано Богом, и с ними случается то, что уже предрешиено.

Литература

1. *Furniss G.* Poetry, prose and popular culture in Hausa. Edinburgh: Edinburgh University Press for the International African Institute, 1996. 338 p.
2. *Пригорицкая Ю. В.* «Песнь о Багауде» и жанр рифмованной хроники в литературе хауса: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 260 с.
3. *Mischlich A., Lippert J.* Beiträge zur Geschichte der Haussa-Staaten // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen. 1903. Bd 6. S. 137–242.
4. *Ratray R. S.* Hausa Folk-Lore, Customs, Proverbs, etc.: collected and translated with English translation and notes. Vol. I–II. Oxford: Clarendon Press, 1913. URL: www.najaco.com/books/folklore/hausa.htm
5. *Abubakar Tafawa Balewa.* Shehu Umar / transl. by A. N. Skinner. London: Longmans, 1967. 80 p.
6. *Добронравин Н. А.* Исторические рассказы Северо-Западной Нигерии. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 154 с.
7. Тысяча и одна ночь: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1959.
8. *Kirk-Greene A. H. M.* Mutumin Kirki: The Concept of the Good Man in Hausa. Indiana, 1974. 41 p.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Ляхович Анастасия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент;
anastasia_07007@mail.ru

Lyakhovich Anastasia V. — PhD, Associate Professor; anastasia_07007@mail.ru

⁶ О концепции «*mutumin kirki*» см. подробнее: [8].

С. О. Цветкова

ПЕСЕННАЯ ТЕХНИКА ПРОПОВЕДИ МИРЫ БАИ: ПОДСТУПЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья рассматривает вопросы исследования песенных текстов-проповедей индийского средневекового бхакти на примере одного стихотворения Миры Баи (1499–1547). В отличие от подавляющего большинства исследований, уделяющих основное внимание идейной стороне поэтической проповеди бхакти, в статье сделана попытка литературоведческими методами подвергнуть анализу, главным образом, стилистику отдельного текста, подобрать подходы, отвечающие специфике рассматриваемого материала. В качестве основной ритмической единицы квантитативного («матричного») стихотворного размера был принят «такт» (*гана*, длиной в 4 ± 2 *матра*); учитывались ритмически «сильные» позиции, соответствующие музыкальным акцентам при песенном исполнении стихотворения. Анализ показал, что синтаксические, семантические и иные акценты текста в основном совпадают с этими ритмически сильными позициями (в определенных «тактах»). Был выявлен также конкретный набор средств разного уровня, формирующих интонацию стиха. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: поэтическая проповедь бхакти, поэзия Миры Баи, стилистика поэтического текста, фонетический параллелизм, синтаксический параллелизм, лексический параллелизм, повторы, ритмико-синтаксическая модель, средства интонационного усиления.

TECHNICAL ASPECTS OF THE SONGS-SERMONS OF MĪRĀ BĀĪ: AN APPROACH TO THE STUDY

S. O. Tsvetkova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article deals with the problems arising from the analysis of poetical texts-sermons (bhajan) of Mīrā Bāī (1499–1547), one of the most prominent exponents of the Krishna bhakti cult in Northern India. The task was to find appropriate methods of the literary critical analysis of such texts, which are in many respects similar to Indian folklore songs. The main contemporary practices of the stylistic studies of poetical texts are based on comparison of the stylistic structure of a text with its metrical organization. For Indian medieval quantitative meters of the song poetry we can profit by the ancient Indian approach determining the *gaṇa* (a measure of four *mātrās*) as a primary metrical unit which may correlate with the normal metrical foot. This approach helps to reveal rhythmical positions in the line of the text, corresponding to the musical accents of the melody. In this paper we tried to apply this method to the study of one of the bhajans of Mīrā Bāī. The research work revealed that the main syntactical and semantic accents in the poetical line and varied kinds of reiteration, producing intonation dynamics in the line, coincide in the most part with these accented rhythmical positions of the melody (*raga Hamīr*). In this text syntactical structures of the same type were established along with a set of other syntactical means, of reiterations in varied levels, with the help of which the intonation of the expressions (the lines) and of the text as a whole is formed. Refs 8.

Keywords: poetical sermon of bhakti cult, poetry of Mīrā Bāī, stylistics of poetical text, phonetic parallelism, syntactical parallelism, lexical parallelism, reiteration, rhythmic-syntactical pattern, intonational accent.

Песенная поэзия Миры Баи (1499–1547), известной последовательницы и проповедницы бхакти кришнаитского толка, создана для исполнения под различные раги и впитала в себя многие фольклорные элементы. Существующие собрания пад Миры Баи составляют стихи, записанные бхактами и полевыми исследователями

значительно позднее их создания, после того, как они долгое время бытовали в устной форме — песенном исполнении, до сих пор популярном в различных частях Северной Индии. Аутентичность этих стихов, зафиксированных на разных языках (средневековых и современных раджастхани, гуджарати, брадже, панджаби, смешанных диалектах), служит предметом неразрешимых споров среди индийских ученых, особенно в отсутствие сколько-нибудь ясного материала для текстологической работы (см. подробнее: [1, р. 4–23]). Все это, разумеется, не способствует полноценному исследованию поэзии Миры Баи в историко-литературном и языковом аспектах, однако позволяет ставить задачу анализа ее пад в качестве образцов средневековой проповеди бхакти.

Более или менее достоверной частью наследия творчества Миры Баи признается около 200 пад, которые в большинстве представляют собой религиозные лирические стансы и эмоциональную исповедь поэтессы, повествующие о ее самоотреченной преданной любви к божественному Возлюбленному и тяжелом жизненном пути. Вероятно, сама Мира и была первой исполнительницей своих стихов под различные раги, и многие из пад были созданы ею в импровизационной манере. Среди этих текстов встречается несколько стихотворений, представляющих собой непосредственную проповедь бхакти, в целом не характерную для творчества Миры Баи, но важную для изучения. На первых подступах к исследованию текстов такого рода мы ограничили свою задачу анализом самой техники построения поэтической проповеди, ее структуры, в меру возможностей учитывая и ее песенный характер. Для непосредственного разбора было выбрано одно из интересных во многих отношениях стихотворений-проповедей на средневековом раджастхани под номером 26 из критического издания д-ра Кришнадевы Шарма [2], приведенное ниже:

1₃ ālo saḥelyā raḷī karā̃ he para ghara gavaṇa nivāri |
 2 jhūṭhā māṇika motiyā rī, jhūṭhī jagamaga joti |
 3 jhūṭhā ābhūṣaṇā rī, sācī piyājī rī poti |
 4 jhūṭhā pāṭa paṭabarā re, jhūṭhā dikhaṇī cīra |
 5 sācī piyājī rī gūdaṭī jāme niramala rahe sarīra |
 6 chappana bhoga buhāi de he, ina bhogani mē dāga |
 7 lūṇa alūṇō hī bhalo he, apañe piyājī ko sāga |
 8 dekhi virāṇaj nivāṇa kū he, kyū upajāvai khīja |
 9 kālara abaṇō hī bhalo he, jāme nipajai cīja |
 10 chāila virāṇo lākha ko he, apane kāja na hoi |
 11 tāke saṅga sīdhāratā he, bhalo na kahasī koi |
 12 vara hīṇō apañō bhalī he, koṛhī kuṣṭī koi |
 13 jāke saṅga sīdhāratā he, bhalā kahe saba loi |
 14 avināsī sū bālavā he, jinasū sācī prīta |
 15_K mīrā̃ kū prabhu milyā he, ehī bhagati kī rīta ||26||

- 1₃ Пойдем, подруги, [вместе] играть, эй, не станем входить в дом чужой.
 2 Обман — рубины и жемчуга, эй, обман — сияющий блеск.
 3 Обман — [все] украшения, эй, истина — веночек Любимого.
 4 Обман — одеяния и шелка, эй, обман — ткани южных [стран].
 5 Истина — ветхое платье Любимого, тело в котором — нечистота.
 6 Отбросьте [все] пятьдесят шесть яств, эй, в тех яствах — нечистота.
 7 С солью, без соли ли — лучше, эй, своего Милого овощи [простые].
 8 При виде чужих плодородных нив, эй, отчего источаете злобу?

⁹ Своя земля неплодная — лучше, эй, где [подлинные] вещи рождаются.

¹⁰ Красавцев чужих — [хоть] сто тысяч, эй, нет нам [до этого] дела.

¹¹ С таким [если] вместе ходишь, эй, — никто [это] благим не назовет.

¹² Свой суженый, убогий, — лучше, эй, прокаженный-больной, [хоть] какой,

¹³ С ним [если] вместе ходишь, эй, — все люди [то] благим назовут.

¹⁴ Нетленный — вот Возлюбленный, эй, к которому истинна любовь.

^{15к} Мире Господь повстречался, эй, — в том и обычай бхакти.

Проповедь в стихотворении 26 Мира обращает к «подругам» — возможно, к женщинам, посещающим кришнаитскую общину, или к женщинам в целом. На это указывает вся тематика стихотворения, затрагивающего аспекты жизни, представляющие интерес, главным образом, для женщин (драгоценности, украшения, одежды и дорогие (южные) ткани, кушанья, красивые мужчины). Язык проповеди нарочито прост: она в основном состоит из кратких самостоятельных высказываний, объединяющихся в сложносочиненные или сложноподчиненные предложения, равные одному стиху; в синтаксическом плане предложения часто (более, чем в 40% от всего числа высказываний) соблюдают нормативный (нейтральный) порядок слов¹. В паде употреблена бытовая народная лексика, и тематика ее связана с рассмотрением обычных житейских устремлений.

Как указано в изданиях, стихотворение создано для песенного исполнения под рагу «хамир» (hamīr). Стихи имеют парную рифмовку (в одном случае рифма охватывает 4 строки — с 10 по 13), исключая зачин (1з), который не рифмуется ни с чем. С первого взгляда обращает на себя внимание особое строение стихотворения, каждый стих в котором разделен на две части обращением (gī (re), he)², что создает определенную ритмическую структуру. Эту структуру поддерживает и синтаксическое деление фразы-стиха: полустиги совпадают с синтаксически связанной частью предложения (частью сложносочиненного, сложноподчиненного предложения, депричастным оборотом; исключением является строка 7, где во второе полустиги вынесена группа подлежащего, образующая цельную синтагму).

Наряду с этим в полустигиях различается ряд синтаксически параллельных «блоков», которые имеют единообразное специфическое (за счет инверсий) строение и занимают одинаковое положение в стихе. Первый блок (А) составляют семь полустигий в строках 2–5, образованные самостоятельными предложениями (частями сложносочиненных предложений, в строке 5 — главным предложением при подчиненном), согласующимися либо противопоставленными друг другу по смыслу и связанными, кроме того, лексическим параллелизмом. Именная часть сказуемого (*ложный, истинный*)³ вынесена в начальную позицию предложения за счет инверсии с группой подлежащего, глагол-связка опущен.

¹ За «нормативный» мы принимаем порядок слов, соответствующий синтаксису современного разговорного/прозаического браджа и хинди.

² «gī (re)» — междометие, обращение к подруге, наперснице, возлюбленной, обычное в поэзии; «he» — междометие, общее обращение «о!», «эй!». В единственном случае, когда обращение отсутствует (строка 5), первое полустиги заканчивается словом «gūdaḡī», последний слог которого (созвучный с «gī») выполняет, видимо, ту же разделительную функцию.

³ Здесь и далее при разборе мы даем дословный перевод компонентов стихотворения с сохранением порядка слов оригинала, который может отчасти не совпадать с переводом, представленным ранее.

В строке 5 во втором полустишии блок А сменяет придаточное определительное (*[ветошь]... в которой чистым остается тело*), представляющее новый блок (Б): неполные синтаксические параллели к этому полустишию прослеживаются в строках 9 (*[земля]... в которой родятся вещи*) и 14 (...*[Возлюбленный]*, к которому истинна любовь). Во всех трех случаях также присутствует инверсия подлежащих и сказуемых, хотя эти последние не вполне однородны (прилагательное + глагол связочного типа; глагол; прилагательное с опущенным глаголом-связкой). В семантическом плане все эти придаточные поддерживают свое главное предложение и несут на себе «позитивную» содержательную нагрузку, раскрывая и поясняя противопоставление «истинных» вещей «ложным».

Следующий блок (В) синтаксически и лексически параллельных главных предложений (с придаточными определительным и уступительным) составляют первые полустишия строк 9 (*землица своя ведь — лучше, эй ...*) и 12 (*суженый убогий свой — лучше, эй ...*). К этому блоку близко примыкает первое полустишие строки 7 (*соленые, несоленые даже — лучше, эй ... [овоци]*), в котором подлежащее замещено определениями к нему, но при этом семантически более важное определение (*несоленые*) так же, как и в предложении 9 блока В (*своя ведь*), выделено эмфатической частицей (*hī*) и занимает интонационно сильную позицию. В строках 9 и 12 положение определения «свой» усиливается, кроме того, синтаксически, благодаря инверсии определения и определяемого. Высказывания блока В также имеют «положительную» окраску и противопоставлены по смыслу ближайшим предшествующим стихам.

Наконец, отдельный блок (Г) составляют целиком строки 11 и 13, связанные синтаксическим и лексическим параллелизмом: первые полустишия у них почти совпадают (с *таким/с которым [если] вместе ходите, эй*), а помимо лексических совпадений, наблюдается одинаковая инверсия подлежащего и сказуемого (*[это] благим не называет никто / благим называют все люди*). Эти строки прямо противопоставлены друг другу по смыслу.

Таким образом в стихотворении 26, помимо его синтаксически подчеркнутой общей структуры, выявляется частично нерегулярное чередование «блоков» (2–4: А + А; 5: А + Б; 7: (В) + 0; 9: В + Б; 11: Г; 12: В + 0; 13: Г; 14: 0 + Б), связанных синтаксическим и лексическим параллелизмом, однородных по функции, выполняемой в предложении, и по положению в стихе. Частотность употребления «блоков» в падах достаточно высока («блоки» составляют около 55% от всего числа полустиший), ряд стихов (строки 2–5, 9, 11, 13) составлены из «блоков» целиком. Все это позволяет полагать, что образующие параллели полустишия выполняют определенную опорную функцию в построении данного стихотворного текста. В отношении того, что это за функция и какова ее организующая роль в песенно-поэтическом произведении, также можно сделать ряд наблюдений. Мы постараемся показать, что входящие в блоки полустишия, связанные параллелизмом по горизонтали и по вертикали, образуют ритмико-синтаксические клише, т. е. задают ритмическую инерцию для построения синтаксиса других стихов и их частей.

Сложность при постановке такой задачи представляет то, что мы вынуждены ограничить на материале индийской песенной поэзии применение тех методов, которые были выработаны за последнее время отечественными и зарубежными стиховедами для исследования поэзии (в том числе народной) на европейских языках, — причем ограничить в наиболее разработанной их части, связанной с исследованием

стиховой просодии. Для организации русского стиха (в основном, литературного) уровень метрики признается наиболее «сильным», в отличие от других ритмообразующих уровней (собственно ритмики, стилистики, семантики) (см., например: [3, с. 250 и др.]); исследования народного стиха основаны, прежде всего, на рассмотрении его слогового состава, акцентовки и увязывают расположение сильных и слабых иктов с различаемой в стихе стопной организацией (см., например: [4]). Вместе с тем проблема соотношения между словесным и музыкальным ритмом песни и даже подходы к ее изучению остаются в мировом стиховедении слабо разработанными.

При рассмотрении североиндийской песенной поэзии XVI в. мы не можем руководствоваться многими из означенных методов уже в силу того, что эта поэзия не подчинена стихотворному размеру в европейском его понимании, не имеет стопной структуры и, более того, ее мерность не основана на счете слогов. Индийская система метрического описания в качестве единицы («пада»)⁴ средневекового «матрического» размера рассматривает целый стих, обычно разделенный цезурой на отрезки, изометричные по долготе звучания (долгота звучания краткого слога принимается за 1 матра, долгота долгого слога — за 2 матра), но не упорядоченные по числу и сочетанию долгих и кратких слогов⁵ и по расстановке ударений⁶. Песенная поэзия, составляющая основу творчества Миры Баи, не подлежит даже такому общему описанию: в частности, рассматриваемые пады 26, при всей ясности структуры деления стихов, не содержат полустиший, явно соизмеримых по количеству матра (по вертикали и по горизонтали)⁷.

В этом случае остается полагаться только на то, что данные стихи сложены для исполнения под определенную рагу и, следовательно, должны соотноситься с тактовым ритмом музыкальной темы. В частности, для раги хамир традиционно применяется наиболее простой и распространенный ритмический цикл (tāl) Тинтал (Тритал), содержащий 16 матра с комбинацией их группировок 4/4/4/4 матра, сопоставимых с четырехдольными тактами [6, с. 34–35, 408]. Задачу деления стиха на такты (исходя из указанной структуры тала, за «такты» мы принимаем здесь соизмеримые отрезки долготой звучания в 4 ± 2 матра) облегчает концентрированное присутствие в падах синтаксически и лексически однородных полустиший, которые, очевидно, выполняют также роль ритмических клише. Выявленная таким образом, с опорой на параллельные полустишия, мерность и ритмовка стихов складываются в достаточно упорядоченную структуру. Первое полустишие ясно раскладывается на 4 «такта» (включая концовку-обращение rī (re), he, которая рассматривается нами как отдельный такт, содержащий паузу, об этом см. ниже); второе полустишие насчитывает три такта, включая концовку (рифму)⁸, — песенное исполнение этой

⁴ Следуя принятой индийской традиции, мы употребляем термин «пада» (pada) также во множественном числе («пады», т. е. «стихи») для обозначения целых стихотворений.

⁵ В таких размерах регламентируются только концовки стихов в 2–3 слога.

⁶ Словесное ударение в хинди вообще выражено слабо и играет подчиненную роль в сравнении с долготой гласного (которая, в частности, выполняет смысловоразличительную функцию).

⁷ Исследователь творчества Миры Баи и издатель собрания ее пад Парашурам Чатурведи различает в стихотворениях поэтессы до 15 матрических размеров, однако отмечает, что их структура предстает измененной («переправленной»), ввиду переложения их для исполнения под ту или иную рагу. Для пад 26 (в его собрании это пады 15) этот автор не указывает соответствующего стихотворного размера [5, р. 58–63].

⁸ Долгота последнего слога в паде рассматривается как произвольная, длина его звучания при исполнении определяется необходимостью заполнения такта (см., например, указания для санскрит-

части, возможно, подразумевает также паузу длиной в 1 недостающий такт. Ниже приведены примеры строк, демонстрирующие наиболее ясный и характерный тактовый ритм (в скобках показаны внесхемные краткие (◡) слоги, все внесхемные долгие слоги приходятся на служебные части речи (послелого, частицы) и могут иметь двойственный характер, поэтому рассматриваются нами как краткие; конечный слог с произвольной долготой обозначен как «x»; пауза (2 матра, возможно, заполненная звуком) обозначена значком «ø»; указаны также словесные ударения):

2 jhūṭhā | māṇika | motiyā | rī, | jhūṭhī | jagamaga | joti |
 — | ◡ ◡ ◡ | — (◡) — | — ø | — | ◡ ◡ ◡ ◡ | — x |
 2 Ложны — рубины-жемчуга, эй, ложен — сияющий блеск.

3 jhūṭhā | ā|bhūṣaṇā | rī, | s̄ācī | piyājī rī | poti |
 — | ø | — (◡) — | — ø | — | (◡) — (◡) — | — x |
 3 Ложны — украшения, эй, истинен — Любимого венки.

8 dekhi vi|rāṇai ni|vāṇa kū | he, | kyū upa|jāvai | khīja |
 ◡ ◡ ◡ | — (◡) | — (◡) — | — ø | — ◡ ◡ | — | — x |
 8 Видя чужие богатые нивы, эй, отчего порождаете злобу?

9 kālara | abaṇo | hī bhalo | he, | jāme | nīpajai | cīja |
 ◡ ◡ ◡ | ◡ ◡ — | — (◡) — | — ø | — | ◡ ◡ — | — x |
 9 Землица своя ведь — лучше, эй, в которой рождаются вещи.

12 vara hī|ṇō aṇa|ṇō bhalī | he, | koṛhī | kuṣṭī | koi |
 ◡ ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — (◡) — | — ø | — | — | — x |
 12 Жених убогий свой — лучше, эй, прокаженный-больной, какой-нибудь,

13 jāke | saṅga sī|dhāratā | he, | bhalā ka|he saba | loi |
 — | — (◡) — | — (◡) — | — ø | ◡ — ◡ | — ◡ ◡ | — x |
 13 с которым вместе [если] ходите, эй, — благим назовут все люди.

Основанием для выделения в качестве самостоятельного 4-го такта, здесь содержащего лишь междометие и паузу, служат для нас два других текста, относимые к творчеству Миры Баи⁹, для которых помечено, что они исполняются под рагу хамир [2, п. 3, 195]. Хотя оба они не показывают столь же четкой структуры деления стиха на полустушия, и параллелизм в них иной, тем не менее, позиция цезуры в их стихе выявляется, и первое полустушия содержит 4 такта, второе — 3 такта, например [2, п. 3]:

3 mohana | mūrata | s̄āvarā | sūrata || naina | banyā | viśāla |
 ◡ ◡ ◡ | — ◡ ◡ | — (◡) — | — ◡ ◡ || — ◡ | — | — (◡) — x |
 3 Чарующий облик, смуглый лик, глаза созданы огромными.

Помимо того, что количество слогов в стихе не является ритмообразующим фактором, долгота звучания (число матра) полустушиий во всем стихотворении 26 в целом также переменна: если отвлечься от «тактовой» схемы, то в первом полустушии насчитывается от 13 до 17 матра (не учитывая пауз), во втором — от 11 до

ских и пракритских песенных квантитативных размеров «гана-чхандас», в частности для размера арья): [7, с. 14–15; 8, р. 6]).

⁹ Аутентичность этих двух текстов, однако, остается под вопросом, поскольку два близко совпадающие с ними стихотворения приписываются авторству Сурдаса (1483–1563) [2, р. 84–85; 260–261], поэта-бхакта, которого можно считать предшественником Миры Баи.

15 матра. Вместе с тем при разложении стиха на такты выявляются интересные ритмические тенденции.

Прежде всего, становится возможным заметить, что для организации ритма стиха имеют значение словесные ударения. Так, в 95% случаев на 1 такт приходится 1 ударный слог¹⁰. Границы слов только в 65% случаев совпадают с границами «тактов», что говорит о достаточно свободном распределении слов по тактам¹¹. Однако и при совпадении словоразделов с границами тактов, и при их несовпадении проявляется единая тенденция в распределении словесных ударений: примерно в 85% случаев ударение в такте падает на первый слог, независимо от его долготы¹². По существу, эта тенденция вполне предсказуема и означает лишь то, что, во-первых, этот песенный текст действительно возможно разложить по тактам и, во-вторых, что мы сделали это более или менее правильно.

Наиболее ритмически четко выстроенными, помимо однородных 4-го и 7-го (рифмы) тактов, оказываются начальные такты обоих полустиший, 1-й и 5-й, в которых внесхемные слоги отсутствуют; помимо этого, явно выделяется 3-й такт, благодаря его ритмической однородности: из всего числа (15) таких тактов в строках 11 укладываются в ритмическую схему $\acute{ } (\acute{ })$ — или — $(\acute{ })$ —. Внутренние 2-й и 6-й такты оказываются ритмически наиболее расшатанными.

Интересную общую картину показывает также фразовое ударение. Параллелизм стихов здесь не исчерпывается макроуровнем предложений и их частей, но поддержан более частным синтаксическим, семантическим и фонетическим параллелизмом, выстраивающимся по горизонтали и по вертикали в рамках фразового деления по полустишиям. Так, в первом полустишии обращают на себя внимание парные сочетания близких по значению слов (блок А) *māñika motiyā* (строка 2, *рубины-жемчуга*) и *raṭa raṭabarā* (строка 4, *одеяния-шелка*), в которых позиция первого слова семантически усилена; помимо того, однородная инверсия подлежащего (группы подлежащего) и сказуемого в блоке А эмфатически подчеркивает позицию подлежащего. Далее, очевиден контрастный параллелизм слов *virāñai/virāṇo* (строки 8, 10, *чужой*) и *araṇ/abaṇo* в блоке В (строки 9, 12, *свой*), позиция которых в фразе синтаксически выделяется за счет инверсии (в строках 9, 10, 12 — инверсия определения и определяемого, в строке 8 — группы подлежащего и группы сказуемого, а также с помощью эмфатической частицы *hi* (в строке 9)). Наконец, можно отметить случаи фонетического параллелизма в строке 7 — *lūṇa alūṇo hi* (*соленые, несоленые даже...*), где семантически более важное слово подчеркнуто эмфатической частицей, и в строке 14, в которой местоимение *sū* (*этот*) фонетически поддержано послелогом-омофоном [jina]sū (*к [которому]*). Примечательно то, что все эти выделенные параллелизмом разного уровня (или сразу на нескольких уровнях) слова занимают положение во втором такте.

¹⁰ Мы исключаем из всех подсчетов 4-й такт, ввиду его особого характера и однородности.

¹¹ Ср. сходное наблюдение о совпадении/несовпадении границ такта и просодического слова для стихов в размере арья: [8, р. 18].

¹² Обследование пад 3 дает те же 85% ударений на первом слоге такта, пады 195 — очень приблизительно 73%, ввиду затруднений с их правильным прочтением по тактам. Вопрос о переакцентуации слов [4, с. 36–44 и далее], обусловленной ритмически либо особенностями диалектного произношения, а также вопрос о возможном изменении долготы слогов [5, р. 63] мы вынуждены здесь оставить в стороне.

К этому можно добавить, что интонационное и фразовое ударение в предложениях первого полустушия с большой долей вероятности падает на слова, оказывающиеся во втором такте: в зачине (строка 1з) интонационно выделяется обращение *sahelyā* (*подруги*); в строке 6 логическое ударение может нести только дополнение *bhoga* (*пятьдесят шесть яств — отбросьте, эй...*), поддержанное, кроме того, повтором во втором полустушии и противопоставлением в следующем стихе; в строке 14 ударение приходится на уже отмеченное нами слово *ñ* (*Нетленный — это Возлюбленный, эй...*). Отклонение дает только строка 3, где второй «такт» содержит один безударный долгий слог с паузой ($|\emptyset -|$), из-за чего «сильная» позиция, видимо, смещается на третий такт.

Преобладающую в первом полустушии тенденцию поддерживает еще один фактор — распределение акцентов в музыкальной теме (*rage*). Структура Тинтала, задающего ритмическую организацию раги хамир, предполагает акценты (помимо обязательного для всех раг первого) на 2-м и 4-м «тактах» [6, с. 35]¹³. Таким образом, можно полагать, что интонационная организация фраз в первом полустушии, обусловленная параллелизмом разного уровня, и прежде всего — на уровне синтаксиса, согласуется с ритмической организацией стиха, и второй такт полустушия следует считать «сильной» его позицией.

Аналогичное обследование интонационно-синтаксической структуры второго полустушия показывает, что сильной позицией здесь следует признать последний, в данном случае третий такт полустушия, содержащий рифму. Помимо того, что рифмующиеся созвучные слова сами по себе несут интонационную нагрузку, ударение на последнем такте обусловлено инверсиями подлежащего и сказуемого, сказуемого и дополнения во всех строках блоков А, Б и Г, а также в строках 7, 8 и 11.

Лексический прямой и контрастный параллелизм многих начальных слов второго полустушия (*ложно/истинно; чужой/свой* и др.), поддержанный повторами в первом полустушии, позволяет полагать, что первый такт здесь тоже несет на себе семантический и интонационный акцент, «уравновешивающий» ритм в этой части стиха. Если это так, то в сильной позиции оказывается ряд служебных слов — относительных и указательных местоимений, которые в ином положении были бы во фразе «безударными»: (*ветошь*), в **которой** чистым остается тело (строка 5); ... в **тех** яствах — нечистота (строка 6); (*землица*), в **которой** рождаются вещи (строка 9); (*Возлюбленный*), к **которому** истинна любовь (строка 14); ... **это** ведь обычай *бхакти* (строка 15к). Возможно, такой прием, опирающийся на заданную ранее ритмическую инерцию и отраженный в синтаксической структуре параллельных предложений блока Б (строки 5, 9, 14), позволяет придать указанным местоимениям своего рода дополнительный семантический оттенок усиления (*в которой/к которому [только и]... и т. п.*).

Как такие сильные позиции текста соотносятся с музыкальными акцентами раги, в данном случае можно лишь предположить: «длина» текста второго полустушия составляет всего 3 «такта», поэтому оно должно исполняться с паузой или более распевно, нежели первое, чтобы компенсировать недостающий четвертый такт.

¹³ Вместе с тем, данная схема устанавливает ритм аккомпанемента ударных инструментов, а не вокального исполнения текста. Помимо того, при разном темпе исполнения музыкальные акценты могут меняться [6, с. 34]. Мы здесь исходим из того, что для проповеди более уместен средний темп, нежели слишком протяжный, либо убыстренный.

Важным остается то, что и здесь прослеживается четкая ритмико-синтаксическая модель (наиболее ясно видимая в параллельных полустишиях), задающая семантические акценты, определяющая интонационное движение во фразе.

При всей видимой простоте содержания этого стихотворения, его семантика получает усиление и особую выразительность, которым способствуют не только параллелизм и повторы на всех уровнях текста, но и, в значительной степени, — выдержанный ритм его частей и подчеркнутая интонация. Все эти особенности позволяют говорить о разработанной системе выстраивания поэтической проповеди, видимо, почерпнутой Мирой Баи из сложившейся традиции песенной поэзии бхакти.

Литература

1. *Mīrā-bṛhat-pada-saṅgraha* / *Padmāvati Śabanam*. Banāras: Lok Sevak Prakāśan, 2009 (1954). 317 p.
2. *Mīrābāī-padāvalī* / *Sampādak evaṃ ṭīkākār Kṛṣṇadev Śarmā*. Dillī: Rīgal Buk Dīpo, 2008. 287 p.
3. *Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 288 с.
4. *Бейли Дж.* Избранные статьи по русскому народному стиху / пер. с англ. под общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Языки русской культуры, 2001. 416 с.
5. *Mīrābāī kī padāvalī* / *Sampādak Parañurām Caturvedī*. Prayāg: Hindi Sāhitya Sammelan, 1998 (1943). 262 p.
6. *Морозова Т. Е.* Рага в музыке хиндустани. Современный период. М.: ИКАР, 2003. 444 с.
7. *Тавастшерна С. С.* Введение в классическую санскритскую метрику: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 76 с.
8. *Ollett A.* Moraic feet in Prakrit metrics: a constraint-based approach // *Transactions of the Philological Society, Columbia University*. Vol. 110, N 1. 2012. P. 1–42.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Цветкова Светлана Олеговна — кандидат филологических наук, доцент; swati@mail.ru

Tsvetkova Svetlana O. — PhD, Associate Professor; swati@mail.ru

Д. В. Цолин

СИНТАКСИС ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКИ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НА АРАМЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ IV–VIII ВЕКОВ

Национальный университет «Острожская академия»,
Украина, 35800, Острог, ул. Семинарская, 2

Статья посвящена анализу синтаксических основ стихосложения в еврейской литургической поэзии на арамейском языке доклассического и классического периодов. Анализируемый материал составляют тридцать *пшютов*, добавленных к тексту арамейского перевода Торы в Таргумах Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума. Основная гипотеза статьи: структура стиха в обеих поэтических традициях не была строго привязана к определенным синтаксическим моделям, а более ориентирована на ритмическую организацию и фонетические средства. Именно поэтому основная синтаксическая единица в литургической поэзии как доклассического, так и классического периодов — *синтагма-колон*. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: литургическая поэзия, арамейский язык, поэтический синтаксис, таргумы.

LINE SYNTAX IN 4th–8th CENTURIES JEWISH LITURGICAL POETRY IN ARAMAIC

D. V. Tsolin

National University of Ostroh Academy, 2, ul. Seminarskaya, Ostroh, 35800, Ukraine

This article is concerned with analysis of the syntactic foundations for versification in the Jewish liturgical poetry written in Aramaic in the pre-classical and classical periods. This research embraces thirty poems which were added to the text of Aramaic translation of the Pentateuch in the Cairo Genizah Targum and Fragmentary Targum. The main hypothesis is: the verse structure in both poetical traditions is not strictly connected with certain syntactic models, but rather orientated to the rhythmic structure and phonetic means (acrostic and rhyme). Just for this reason the main syntactic unit of the verse structure in both pre-classical and classical poetry is a syntagma-colon.

Analysis of the correlation between poetical lines does not display any specific type of syntactic relationships: the lines may be independent clauses, parts of coordinate or subordinate composite sentences, or parts of clauses (nominal phrases, predicative expressions or adverbial phrases). This characteristic of syntax is inherent in both the pre-classical linear and the classical strophic verse structures, what confirms our hypothesis that the main principles of versification in the Jewish liturgical poetry were not strongly orientated to the syntactic standards. The main difference in the verse structure at the level of a poetical line in these two types of poetry is a more regular rhythm and rhyme in the classical poems. Refs 17.

Keywords: liturgical poetry, Aramaic, poetical syntax, targums.

Разнообразие жанров еврейской литургической поэзии, написанной на арамейском языке в эпоху поздней античности и раннего средневековья, предоставляет богатый материал для исследования поэтического синтаксиса. Тип стихосложения здесь принципиально отличается от библейского параллельного стиха (он сохраняется лишь в парафразах древнееврейской поэзии в таргумах), в основе которого лежит *бессоюзная связь* двух предложений-строк. В литургической поэзии доклассического периода (IV–VI вв.) преобладает акrostих, в основе которого — *строка*, разделенная цезурой; в классической же поэзии (VI–VIII вв.) доминирующей базовой структурой акrostиха становится *строфа*.

Синтаксические основы как доклассического, так и классического стихосложения не всегда поддаются точному определению: в основе поэтической строки здесь может

быть предложение, словосочетание-дополнение, обстоятельственный оборот, группа подлежащего или сказуемого. Ориентированность на *ритмическую структуру* стиха предоставляла поэтам больше свободы в синтаксисе. С другой стороны, к «вольностям» синтаксиса авторов подталкивали и некоторые фонетические стандарты стихосложения, из-за которых порядок слов в предложении порой неестественно изменялся — *акростих* в начале строки в доклассической поэзии и *рифма* в конце строки в поэзии классической (акростих при этом стоял лишь в начале куплета).

Истории еврейской литургической поэзии в целом, включая классификацию ее основных жанров, описание основных моделей стихосложения, посвящены работы Л.Цунца [1], И.Эльбогена [2], Й.Ягаломы [3], Э.Фляйшера [5], Й.Кирнера [6], Л.Вайнбергера [7], М.Валленштайна [8]. Следует также отметить единственный труд Й.Ягаломы, посвященный *синтаксису литургической поэзии* [9]. Однако все упомянутые выше работы рассматривают поэзию на иврите. Наиболее выдающиеся исследования арамеоязычной иудейской поэзии — книга А.Розенталя [10] о поэмах к празднику Шавуот, и работа Й. Ягаломы и М. Соколова, посвященная литургической поэзии византийского периода [4]. Синтаксический аспект затронут лишь частично.

В данной статье мы рассматриваем синтаксические основы стихосложения в арамеоязычной еврейской поэзии, введенной в тексты таргумов — арамейских переводов Ветхого Завета. Анализируемые нами поэтические произведения *не являются переводами* с древнееврейского языка, а представляют собой самостоятельные поэтические произведения, добавленные к переведенному библейскому тексту. Такие дополнения встречаются в таргумах Каирской Генизы (CGTg) и Фрагментарном Таргуме (FragTg). Их чтение было приурочено к двум праздникам еврейского религиозного календаря — *Песах* (в память об Исходе евреев из Египта) и *Шавуот* (празднование дарования Торы), и потому они расположены после соответствующих библейских текстов — 12-й, 14-й и 20-й глав Книги Исхода. Вероятно, они предназначались для декламации *тцетцамитургеманами* после прочтения арамейского перевода упомянутых выше библейских текстов [11, 12]. В общей сложности в CGTg насчитывается 19 *пютов*, а в FragTg — 11.

Мы используем особое обозначение *пютов* в рукописях: сокращенное название библейской книги и номера главы, к которой был добавлен поэтический отрывок в таргумах (например, Ex 12) и латинской буквы (a, b, c...), указывающей на конкретную рукопись (см. список ниже); далее, после запятой следует еврейская буква, обозначающая строку акростиха, а цифра через дефис — номер строки. Например, Ex 12a, ג-2 означает: номер рукописи (Ex 12a Exodus 12:1 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174), куплет ג, строка вторая. Арамейский текст приводится по изданиям Таргумов Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума М.Кляйна [13, 14].

Список рукописей

Ex 12a Exodus 12:1 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174.

Ex 12b Exod. 12:1 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21v; MS GG, Plate 164.

Ex 12c Exod. 12:1 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21v; MS GG, Plate 164 (upside down).

Ex 12d Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21r; MS GG, Plate 163.

- Ex 12e Exodus 12:2 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174 (down).
 Ex 12f Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 166, 167.
 Ex 12g Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 169, folio 4r — 169 5v.
 Ex 12h Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 169 folio 5v — 171 folio 6v.
 Ex 12j Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H; MS MM, Plate 176; folio 1.
 Ex 12i Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H 12.11; MS JJ, Plate 172, folio 6v.
 Ex 12k Exod 12:2 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73; MS KK, Plate 173, folio 29r.
 Ex 14a Exodus 14:29 Jerusalem Jewish National & University Library MS 4⁰577.4⁹; MS PP, Plate 178, folio 3 (2r).
 Ex 14b Exod. 14:29–31 Jerusalem Jewish National & University Library MS 4⁰577.4⁹; MS PP, Plate 180–181, folio 5 (3r).
 Ex 14c Exod. 14:30 Oxford Bodleian Ms. Heb. e25; MS T Plates 113, 114, folio 64v.
 Ex 14d Exod. 14:30 Oxford Bodleian MS Heb. folio c74v, c75r, MS X, Plates 119, 120.
 Ex 14e Exod. 14:29 Fragmentary Targum, Paris — Bibliothèque nationale Hébr. 110, folios 1–16.
 Ex 14f Exod. 14 Cambridge University Library MS T-S H 10.78; MS MM Plate 176, folio 2v.
 Ex 15a Exod. 15:6 Oxford Bodleian Ms Heb. f33; MS G Plate 96, folio 25.
 Ex 20a Exod. 20:2 Leningrad, Saltykov-Schedrin MS Antonin Ebr. III B 67; MS G, Plate 98, folio 2 — Oxford Bodleian Ms Heb. f33; MS G, Plate 99, folio 26
 Ex 20b Exodus 20:1 Leningrad, Saltykov-Schedrin MS Antonin Ebr. III B 67; MS G, Plate 98, folio 2.

Рукопись Ex 20c Fragmentary Targum, Paris Hébr. 110 folio 13a (ошибочно размещена после Втор. 7:10) содержит десять поэм, посвященных семи из Десяти Заповедей Декалога, для обозначения которых к Ex 20c добавлена еще буква еврейского алфавита, например: Ex 20c и א ת. д.

Вот список поэм: Ex 20c א רשות לעשר הדברות; Ex 20c ב רשות אחר; Ex 20c ג רשות אחר; Ex 20c ד לא יהיה לך ד; Ex 20c ה לא תשא ה; Ex 20c ו זכור; Ex 20c ז כבר ז; Ex 20c ח לא תרצח ח; Ex 20c ט לא תנאף ט; Ex 20c י אחר י.

Все поэтические произведения располагаются в 11 манускриптах, причем 10 из них относятся к CGTg (19 поэм)¹ и только 1 — к FragTg (11 поэм)². Подавляющее большинство пияутов (27 из 30) относится к доклассической поэзии (все, кроме Ex 20a, Ex 20c ה и Ex 20c י).

¹ Ex 12a, Ex 12b, Ex 12c, Ex 12d, Ex 12e, Ex 12f, Ex 12g, Ex 12h, Ex 12j, Ex 12i, Ex 12k, Ex 14a, Ex 14b, Ex 14c, Ex 14d, Ex 14f, Ex 15a, Ex 20a, Ex 20b.

² Ex 14e, Ex 20c י-א (10 поэм к празднику Шавуот из рукописи Paris Hébr. 110).

1. Структура стиха в доклассической и классической поэзии

1.1. ДОКЛАССИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Наиболее исчерпывающее описание доклассической поэзии, обычно ассоциирующейся с именем поэта Йосе бен-Йосе (IV–V вв.), представлено Э.Фляйшером [5, с. 81–91]. Среди наиболее характерных особенностей структуры стиха этот исследователь называет следующие:

- отсутствие рифмы [1, с. 11–12];
- в основе стихосложения — *строка*, а не куплет; две разделенные цезурой синтагмы составляют строку;
- использование акростиха;
- в некоторых случаях возможна имитация библейского параллелизма с эллипсисом глагола во второй строке.

Что касается отсутствия *рифмы*, традиционно считающейся границей между доклассической и классической поэтическими традициями, следует отметить, что эту черту вряд ли можно считать определяющей³. Л. Вайнбергер среди инноваций Йосе бен-Йосе называет «более распространенное экспериментирование с рифмованными формами, чем с рифмой-повтором (т.е. квазирифмой в виде повторения в конце строки одного и того же слова. — *Д. Ц.*)» [7, р. 23]. Подобным образом и А. Розенталь в своем издании арамеоязычных поэм к празднику Шавуот отмечает более-менее стабильное использование рифмы в поэзии этого типа [10, с. 28–116]. Доклассическую поэзию отличает также и наличие заимствованных из других языков слов (прежде всего, из греческого)⁴; в морфологии нередко обнаруживается восточно-арамейское влияние [10, с. 7–27].

Проблематичным является определение *границ поэтической строки* в доклассической поэзии. Во многих случаях строка может быть определена с помощью внешних маркеров: а) *акростиха*, обозначающего начало строки; б) примитивной *рифмы*, указывающей на конец строки, хотя она не всегда регулярна; в) в некоторых поэмах используется *знак реви'а* ׀ над последним слогом строки, поставленный, вероятно, самим поэтом либо переписчиком. Достаточно многочисленные примеры маркирования границ строки позволяют нам определить ее типичную модель. Приведем примеры.

³ Достаточно частое использование рифмы в доклассической поэзии подтверждается и нашими наблюдениями: значительная часть поэтических текстов из Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума имеют *почти регулярную рифму*. Здесь используется как монорифма (одинаковая рифма во всем поэтическом произведении, например, ך- или ך-), так и чередующиеся регулярно различные виды рифмы (например, ך-, ך-, ך-); другие употребляют рифму и ассонанс в конце строки (например, ך- [ā] и ך- [lān]). Иначе говоря, «экспериментирование с рифмой» было настолько стабильным, что ее присутствие или отсутствие нельзя считать водоразделом между доклассической и классической еврейской литургической поэзией. Основное различие в стихосложении, на наш взгляд, — в *линейной* (доклассический период) и *строфической* (классический период) структурах стиха.

⁴ Одним из показательных фактов является употребление греческого слова *κυριος* («господин», «владыка») в арамейской транслитерации (קירי) для обозначения Бога. Так, например, в 60 поэмах на арамейском языке из Каирской Генизы, посвященных празднику Шавуот, слово קירי встречается 20 раз [4, с. 42–44]. Такое наименование Бога употреблялось грекоязычными иудеями еще в дохристианский период [15, р. 29–33; 16, р. 71; 17, р. 367–368].

אזל משה מן שמי / חות לגב בנייה
 ביידך אנה עתיד פרק / כל אוכל [וסיה]
 גלה אנה לך / כל נסייה
 דאיגונין דסבך / חקיקה בכורסייה

Пойди, Моисей, во имя Мое, спустись к [Моим] детям!
 Рукой твоей Я избавлю все множество [народа],
 Открою Я тебе все чудеса,

Поскольку образ предка твоего выгравирован на престоле (Ex 12k, 7-8).

В данном случае начало строки легко определить по следующим маркерам: а) акrostих; б) примитивная рифма ויָ-; в) знак *revi'a* ◌ в конце первой строки. В основе всех четырех строк лежит предложение, состоящее из двух синтагм-колонов; количество ударных слогов в каждом синтагме — от двух до четырех. Наиболее типичная модель строки: /- -/ /- -/ или /- — -/ /- -/⁵.

В другом случае маркированная акrostихом, квази-рифмой и знаком *revi'a* строка по размерам совпадает с колоном, т. е. содержит лишь два или три ударных слога:

אפילו כל נימי
 בפומי מחלפי
 גיילי דמתיחי
 דיו ימי זלפי

Если бы даже все звуки
 В устах моих изменились,
 [Все] свитки развернулись,
 Моря чернил разбрызгались... (Ex 20c 8, 7-8).

Синтаксические основы строк здесь разные: первая (א) представляет собой лишь группу подлежащего *protasis* условного периода с союзом אפילו «если бы», вторая строка (ב) — группу сказуемого, третья и четвертая — два коротких предложения. Приведенный выше пример представляет собой редкий для доклассической поэзии образец стиха, в котором колон и строка совпадают (структура /- -/ или /- — -/), а цезура между короткими строками создает такой же ритмический эффект, как и в упомянутой выше строке из двух колонов.

Маркированные подобным образом строки могут содержать и три колона:

זעית ודחילית / ואיתהפיכו אפיי / מגוון לגוון
 חרצי משתריין / ומטרפא רוח / לעילוי אצטלוון

Я дрожал и боялся, и менялся цвет моего лица,
 Тряслись мои бедра, и дух мой трепетал, поднять покрывало [не смея] (Ex 20c 6, 7-8).

⁵ Мы используем знак [-] для обозначения ударного слога, а [/] указывает на границы синтагмы-колона; знак || обозначает границу между строками.

В этом случае ритмическая структура обеих строк выглядит одинаково: /- -/ /- -/ /- -/ || /- -/ /- -/ /- -/, или 2:2:2 || 2:2:2; общее количество ударных слогов в строке — шесть.

Таким образом, мы можем выделить ритмическую основу поэтической строки в доклассической поэзии — цепь колонов-синтагм, разделенных ритмической паузой (цезурой); количество ударных слогов в колонне может варьироваться от двух до четырех. Применение же дополнительных фонетических (акrostих и рифма/ассонанс) или графических (знак *revi'a*) маркеров зависело от видения строки самим автором: сделать ли строку одно-, дву- или трехсоставной было делом его эстетического вкуса.

1.2. КЛАССИЧЕСКИЙ СТИХ

Поэзия классического периода связывается с творчеством поэтов Янная, Элиезера Киллира, Йехошуа и Пинхаса, а также других анонимных авторов VI–VIII вв. По Фляйшеру [5, с. 120–130], наиболее важными отличительными чертами классического стихосложения являются:

- регулярная рифма; хотя рифма была известна уже в доклассической поэзии, теперь она выходит за рамки поэтического эксперимента и становится неотъемлемой частью стиха;
- основой стиха является *строфа* (куплет), а не строка, как в доклассический период; ритм более четкий, но не квантитативный;
- особое использование акrostиха: не только в начале, но и в середине строки или строфы, или даже в начале каждого слова; встречаются так называемые реверсные акrostихи, строящиеся по принципу שׁב"חא;
- иногда можно встретить имитацию библейского семантического параллелизма, особенно в произведениях Киллира [7, р. 43–44].

Что касается поэтического языка классического периода, мы располагаем лишь исследованием текстов на еврейском языке, но не на арамейском [9]. Характерной его чертой является *искусственность*: в синтаксисе присутствует имитация библейских поэтических конструкций; для поддержания рифмы авторы иногда игнорируют грамматические правила, часто не согласовывая подлежащее и сказуемое; сочетания существительного и прилагательного тоже не всегда согласуются по правилам [9, с. 37, 44–45, 118–137]. Слова повседневной лексики не употребляются; в поэзии на еврейском языке часто используются двухсложные глаголы (как в библейской поэзии); абстрактные глаголы употребляются с местоименными суффиксами для придания им более «высокого» звучания [5, с. 41, 47, 57, 67, 97]. Примечательно то, что в поэзии на арамейском языке этого периода, как и в поэзии на еврейском, заимствованные из других языков слова тоже употребляются крайне редко, что свидетельствует об общем процессе «очищения» поэтического языка — и еврейского, и арамейского.

Из тридцати рассматриваемых нами литургических поэм к классическим относятся лишь три, в общей сложности составляющие 244 строки⁶, тогда как имеющийся

⁶ Ex 20a — 88 строк, Ex 20c ■ — 69, Ex 20c ♣ — 85.

в нашем распоряжении доклассический материал — 964 строки⁷; таким образом, процентное соотношение составляет 20,3% к 79,7% соответственно. Однако объема материала классической поэзии вполне достаточно для того, чтобы сделать выводы о синтаксических основах стихосложения в этот период.

Границы строки в структуре *куплета* здесь выделить гораздо проще, поскольку рифма регулярна и, в отличие от доклассической поэзии, более выразительна: созвучны не только конечные гласные, но закрытый конечный слог (по меньшей мере, два одинаковых согласных), и даже два или три одинаковых слога в конце строки; в некоторых случаях используются еще и изысканные рифмы-омофоны⁸. Акrostих появляется лишь в начале куплета:

אנא בְּרָא כֹל בְּמֵאֲמַר
וּמִשְׁלֵם יְתוּוֹן לְגֵמַר
וּמְכַל עֵין מְטַמֵּר
לִית דְּכַנְתִּי לְמִימַר

Я сотворил все Словом,
И [Я же] воздам им в конце;
И от всякого глаза сокрыт —
Ни о ком не скажешь, что он подобен Мне (Ex 20a, ב-1–4).

Все четыре строки в составе куплета основаны на коротких предложениях-синтагмах, количество ударных слогов в которых одинаковое: /- — - -/ || /- — -/ || /- — -/ || /- — -/, или 3 || 3 || 3 || 3. В большинстве случаев в классической поэзии строка в куплете состоит из *одной синтагмы*, что делает ритм более четким, а поэтическую строку — более короткой (она не превышает четырех ударных слогов). Что касается синтаксических основ, то они принципиально не отличаются от строки в доклассической поэзии (см. раздел 2).

חמית בריוא בענוניה
דיתיב על טועניה
וכלתא ליה בימיניה
ודחילית מיניה

Я видел Создателя на Его облаке,
Который восседал на Своем [троне] суда,
А Его невеста — одесную Его;
И я устранился Его (Ex 20c ה, ב-1–4).

Все четыре строки куплета состоят из предложений-строк, ритмическая структура выглядит довольно четкой: /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ || /- -/, то есть 3 || 3 || 3 || 2.

⁷ Ex 12a — 15; Ex 12b — 17; Ex 12c — 15; Ex 12d — 53; Ex 12e — 21; Ex 12f — 84; Ex 12g — 68; Ex 12h — 45; Ex 12j — 21; Ex 12i — 6; Ex 12k — 22; Ex 14a — 39; Ex 14b — 41; Ex 14c — 43; Ex 14d — 42; Ex 14e — 53; Ex 14f — 10; Ex 15a — 8; Ex 20b — 16; Ex 20c א — 22; Ex 20c ב — 22; Ex 20c ג — 45; Ex 20c ד — 104; Ex 20c ו — 34; Ex 20c ז — 46; Ex 20c ח — 48; Ex 20c ט — 45.

⁸ Например: טלת || טלת - ברין, טלא || טלא - ברין; рифмы из слов-омофонов: איתכל || אסתכל || מצייда, איתכל || מרצדא, צייда || מרצדא.

Гораздо реже встречается строка, состоящая из двух синтагм, например: אמר משה/ כד — Сказал Моисей, когда взошел на высоту (Ex 20c ה, א-1). В общей сложности таких строк насчитывается 31, что составляет 13% из общего числа (244) строк в рассматриваемых нами классических пиятах⁹. В большинстве же случаев в классическом стихе строка совпадает с одной синтагмой. Засвидетельствован также случай вставки в классический стих прозаического отрывка и нескольких строк доклассического образца: интерпретации этого явления могут быть различными¹⁰.

Как видим, в обеих поэтических традициях в основании поэтической строки лежит *синтагма-колон*, различие заключается лишь в более четко структурированном ритме классической поэзии (одна, реже две синтагмы), который обусловлен строфической структурой стиха. Доклассическая же поэзия, в основе которой лежит *строка*, допускает более длинную цепь синтагм-колонов (од одной до трех, иногда до четырех). Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, во всех ли случаях строка совпадает с предложением или же она может охватывать лишь его отдельные части (синтагмы-словосочетания)? Какие синтаксические отношения существуют между строками?

2. Синтаксис поэтической строки

В основе поэтической строки может лежать как целое предложение, так и его отдельные части (например, группа подлежащего, сказуемого или дополнения). Этот принцип распространяется на все виды поэтического дискурса — повествование, диалог, гимн, пояснение, аллегория.

В большинстве случаев в доклассических *пиятах* в основе поэтической строки лежит *предложение*. Так, из 964 строк (общее число строк в 27 пиятах) с предложением совпадает 873 строки, что составляет 90,7%; тогда как строк-словосочетаний только 90, т. е. 9,3%¹¹. При этом предложение-строка состоит преимущественно

⁹ См. אמר חמדיית יתכון/ מכול (Ex 20a, ה-4) וכל אומיא/ כלא חשיבין (Ex 20a, ד-3) ואנהרית בהון/ כוכבין במילא אומה צייר בקבלא/ ומפיק לנהורא (Ex 20a, ס-2) ולא אַקלין/ ולא מְריתין (Ex 20a, מ-2) אף לא ענין/ ולא חשין (Ex 20a, ה-1) אומה חמית (Ex 20c ה, מ-1) חמית מלאכין/ דקודין ובורכין (Ex 20c ה, י-3) ודלרע מין/ כוליה כליל דמין (Ex 20c ה, ח-3) חמית (Ex 20c ה, ש-2) ותרין מלאכי חבלה/ קיימין לקובלי || בקוסטיגרי וגוזלי/ דעדק ממללי (Ex 20c ה, פ-1) פתחין/ מצליין ומתעניין ווי מן דאיתתא/ דכולה בהיתתא || ווי דטרדת אדם/ מן גינתא || (Ex 20c ה, ת-3) ואלהי כסי ית/ וליה אנא יהיב שבחא (Ex 20c י, א-1) אודהר (Ex 20c י, ה-3) ווי במולדה/ תלת אפא לרומא (Ex 20c י, ג-1) גרשת לגיברין/ דמשריין בקיברין (Ex 20c י, א-1) סקרא בך/ דמא רבא (Ex 20c י, ג-3-4) ווי לכל/ דארה לימינה || ווי לכל/ דארה לשמאלהא (Ex 20c י, מ-4) ברי/ לא תשתי ווי דמצדין/ כד א || על אינש/ לא חייסא (Ex 20c י, ע-3-4) ווי במוהבא/ איך יהבון || כל דאתי לה/ לא יתובון (Ex 20c י, ס-1) (Ex 20c י, ר-4) ותכחש שרה/ מסהיד עליהון (Ex 20c י, ז-1-3) צדיקיא רמסא/ וגיברין תפנא || היא פרס (Ex 20c י, א-1) לאינתתא דגבר/ נסיבא כמזדהר (Ex 20c י, ש-3) ווי לשופריהון/ לא תסתחר (Ex 20c י, ש-1) שמע ברי ולא תסתהר (Ex 20c י, ת-4) וקיימי עמכון/ לא שנא (Ex 20c י, י-4).

¹⁰ См. поэму Ex 20a, 4-ую строку в куплете ט: וכאשתא נַסְקָא וברקין/ וכאשתא נַסְקָא; а также прозаическую вставку в куплет כ, представляющую собой цитату из targuma (совпадает с TgPsJ Исх. 20:2): ארום אנא כ: וי אלהכון דאפיקית וקא־פְכְרִית יתכון פְרִיָקִין מארעא דמצרים מבית שעבוד עבדיא כיוון צלמניא/ דלא חון || באודניא/ למה להון תסגדון; יד אַתְקִינַת/ שְמֵנָא ואַרְעָא/ עֲלֵמָא וטוּרין || שוּותי סכיא/ הלא לי תסגדון בעיניא.

¹¹ Распределение строк-предложений и строк, состоящих их одного члена предложения (в виде словосочетания или оборота), выглядят так (первая цифра — строка-предложение, вторая — часть предложения): Ex 12a — 15/0; Ex 12b — 17/0; Ex 12c — 11/4; Ex 12d — 47/6; Ex 12e — 18/3; Ex 12f — 77/7; Ex 12g — 65/3; Ex 12h — 44/1; Ex 12j — 21/0; Ex 12i — 6/0; Ex 12k — 22/0; Ex 14a — 28/11; Ex

венно из одного простого предложения (799 строк или 89%), гораздо реже — из сложного (81 строка, т.е. 11%). Структуры сложных предложений-строк могут быть различными: 19 строк — бессоюзные, 30 — сложносочиненные, 31 — сложноподчиненные, смешанного типа — 1 предложение.

В классической поэзии соотношение предложений-строк и словосочетаний-строк почти такое же: 220 против 26, т.е. в процентном соотношении 90,2% к 9,8% соответственно¹². Процент предложений-строк, в основе которых простое предложение, в классической поэзии еще выше, чем в доклассической — 96,2% (212 строк), тогда как сложные составляют лишь 3,8% (8 строк): сложносочиненных предложений — 2 строки, сложноподчиненных — 4, бессоюзных — 2.

Что касается синтаксических отношений между поэтическими строками-предложениями в структуре стиха, то они также различны: бессоюзная связь, координация, субординация и синтаксически изолированные предложения. Соотношение частоты использования различных типов связи между предложениями-строками в доклассической поэзии: бессоюзная связь — 32%, координация — 29%, субординация — 24%, независимые предложения — 15%¹³. В классических пиятах: бессоюзная связь — 21%, координация — 49%, субординация — 18%, независимые предложения — 12%¹⁴. Таким образом, выделить некий характерный тип синтаксической корреляции между поэтическими строками в доклассической и в классической модели стихосложения невозможно. При этом распределение разных видов синтаксических отношений между строками не обнаруживает признаков какой-либо системности, связанных с особенностями жанра или специфики поэтического дискурса — их выбор был сугубо делом вкуса автора, его замысла и, вероятно, способностей к поэтическому творчеству.

Все эти наблюдения наводят на мысль, что, в отличие от древнееврейского стихосложения, базирующегося на аппозиции двух (трех) предложений с параллельной синтаксической структурой, доклассический тип стиха как таковой менее привязан

14b — 35/6; Ex 14c — 43/0; Ex 14d — 40/2; Ex 14e — 52/1; Ex 14f — 9/1; Ex 15a — 8/0; Ex 20b — 15/1; Ex 20c к — 7/15; Ex 20c м — 20/2; Ex 20c з — 41/4; Ex 20c т — 103/1; Ex 20c ч — 18/16; Ex 20c ц — 45/1; Ex 20c п — 46/2; Ex 20с в — 43/2.

¹² Ex 20a — 82/4; Ex 20с п — 54/14; Ex 20с ч — 79/8.

¹³ В общей сложности в рассматриваемых нами поэмах насчитывается 175 случаев сочетания предложений-строк бессоюзной связью: Ex 12a — 2; Ex 12b — 1; Ex 12c — 4; Ex 12d — 18; Ex 12e — 4; Ex 12f — 5; Ex 12g — 17; Ex 12h — 3; Ex 12k — 6; Ex 14a — 3; Ex 14b — 10; Ex 14c — 7; Ex 14d — 8; Ex 14e — 8; Ex 14f — 2; Ex 15a — 4; Ex 20b — 4; Ex 20c к — 5; Ex 20с м — 5; Ex 20с з — 7; Ex 20с т — 8; Ex 20с ч — 7; Ex 20с ц — 6; Ex 20с п — 6; Ex 20с в — 9. Сочиненная связь — 155 случаев: Ex 12a — 2; Ex 12b — 3; Ex 12c — 1; Ex 12d — 6; Ex 12e — 5; Ex 12f — 17; Ex 12g — 6; Ex 12h — 9; Ex 12j — 2; Ex 12i — 2; Ex 12k — 6; Ex 14a — 3; Ex 14b — 10; Ex 14c — 7; Ex 14d — 9; Ex 14e — 16; Ex 14f — 2; Ex 20b — 1; Ex 20c к — 1; Ex 20с м — 1; Ex 20с з — 6; Ex 20с ч — 2; Ex 20с ц — 9; Ex 20с п — 10; Ex 20с в — 19. А также 126 случаев сочетания строк-предложений подчиненной связью: Ex 12a — 5; Ex 12b — 1; Ex 12c — 3; Ex 12d — 15; Ex 12e — 1; Ex 12f — 21; Ex 12g — 6; Ex 12h — 9; Ex 12j — 8; Ex 12i — 1; Ex 12k — 3; Ex 14a — 5; Ex 14b — 1; Ex 14c — 3; Ex 14d — 3; Ex 14e — 7; Ex 14f — 1; Ex 20b — 1; Ex 20с з — 4; Ex 20с т — 1; Ex 20с ч — 1; Ex 20с ц — 5; Ex 20с п — 9; Ex 20с в — 4. В общей сложности — 84 изолированных строки: Ex 12a — 2; Ex 12b — 8; Ex 12d — 1; Ex 12f — 3; Ex 12g — 2; Ex 12h — 1; Ex 12k — 1; Ex 14a — 8; Ex 14b — 3; Ex 14c — 4; Ex 14d — 2; Ex 20b — 4; Ex 20с м — 7; Ex 20с т — 25; Ex 20с ч — 2; Ex 20с ц — 5; Ex 20с п — 3.

¹⁴ Бессоюзная связь появляется всего в 23 случаях: Ex 20a — 13; Ex 20с к — 3; Ex 20с м — 7; сочиненная — в 54: Ex 20a — 12; Ex 20с к — 21; Ex 20с м — 21; подчиненная — в 20: Ex 20a — 4; Ex 20с к — 9; Ex 20с м — 7; независимые предложения — 13 раз: Ex 20a — 7; Ex 20с к — 1; Ex 20с м — 5.

к определенным синтаксическим моделям. Единственной стабильной ритмико-синтаксической единицей здесь является *синтагма-колон*, причем она может совпадать как с предложением, так и со словосочетанием. В таком случае, можем ли мы утверждать, что принцип построения доклассического стиха ориентирован не столько на синтаксические структуры, сколько на ритмическую организацию и фонетические средства?

Анализируя образцы доклассической еврейской литургической поэзии на арамейском языке, мы можем отметить, что синтаксис играет здесь *второстепенную роль*. Этот тезис подтверждается, помимо приведенных выше наблюдений, и фактом *неестественного порядка слов* в предложении, который нередко встречается в доклассических *псиятах* в угоду акростику или ради поддержания квази-рифмы¹⁵. Продолжением отхода от синтаксически-ориентированного стихосложения, присущего древнееврейской поэзии, к ритмико-фонетическому принципу построения стиха стала *классическая поэзия*. В ней доминирует строфический тип стиха, подразумевающий более четкий ритм, акростих только в начале куплета и изысканную рифму, которая из поэтического эксперимента превращается в неотъемлемую характеристику стихосложения.

Далее мы приводим обзор основных типов синтаксической структуры стиха в обеих поэтических традициях и результаты анализа частоты их употребления в исследуемых нами поэтических произведениях.

2.1. ПРЕДЛОЖЕНИЕ-СТРОКА

Как было упомянуто выше, в большинстве случаев в основе поэтической строки лежит предложение — глагольное или именное, простое самостоятельное, часть сложного или сложное. Предложения-строки связаны друг с другом в структуре стиха различными типами связи — бессоюзной связью, координацией, субординацией, или же они являются независимыми, вплетаясь в общую ткань поэтической структуры ритмически и по смыслу. В качестве примеров мы избрали преимущественно отрывки с маркированными границами строк.

2.1.1. Бессоюзная связь

מתה כתמרא / כאתכולין תדיה
ריחא דנחירה / כריחא דחיזורא

Ее стан — как пальма, ее грудь — как кисти винограда,
Запах ее ноздрей — как яблони аромат (Ex 20c 3, ק).

¹⁵ Одним из наиболее заметных примеров того рода отклонений является расположение подлежащего *перед подчинительным союзом* ради поддержки акростиха: מלכא דעלמין / כד מלל מלתא נהירא — *Царь миров когда говорил слово света...* (Ex 20b, מ). См. также: זקוף לצפינה / זקרה אין תמוה (Ex 12f, 1-1); רוח / נוהרין אין תנוה כאדם שפיד לגו ירקה שבט (Ex 12f, 1-2); רוח / נוהרין אין תנוה כאדם שפיד לגו ירקה שבט (Ex 12f, 1-1-2). Или же сказуемого *перед подчинительным союзом*: קאיים אין הויה \ [זק] יף ולקאי / — *Стоит если [серп луны] прямо...* (Ex 12f, ק-1). См.: также: שפע אין תנוה כתלגדה / לגו ירקה אליל (Ex 12f, 1ש-1-2); עכיר אין תנוה / קתגן בטבת (Ex 12f, 2ש-1).

Первая строка включает в себя два коротких именных предложения; вторая — также именное, в котором и подлежащее и сказуемое выражены словосочетаниями. Таким образом, ритмическая структура обеих строк симметрична: /- -/ /- -/ || /- -/ /- -/; помимо квазирифмы ה-/א- [-ā], границы строк обозначены знаком *revi'a*.

יִמּוּם וְלַיְלִי / נוֹרָא בְּלִבִּי יִקְדָּא
הַיָּד דִּיקוּד / שְׁלֵהוּבִית נוֹרָא

Днем и ночью огонь в моем сердце пылает —
Как пламя жгучее горит! (Ex 20с ט, י'-1–2).

Два глагольных предложения соединены бессоюзной связью, структура напоминает библейский параллельный стих. Каждая строка завершается квазирифмой א- [-ā], ритмическая структура: /- -/ /- — -/ || /- -/ /- -/, или 2:3 || 2:2.

Подобным образом и в классическом стихе:

פְּלִטְיָאֵל פִּלַּט מִיָּנָה
בְּעֵז דְּחִיל מִיָּנָה
יוֹסֵף עֵרַק מִיָּנָה
וְשִׁלְמָה לֹא מֵהִמְנָה

Палтиэль спасся от нее;
Боаз боялся ее;
Иосиф убежал от нее,
Но Соломон верным не остался! (Ex 20с י, פ-1–4).

Первые три предложения связаны бессоюзной связью, третье и четвертое — союзом ו в разделительной функции. Ритмическая структура симметрична во всех четырех предложениях-строках: /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ || /- — -/, т. е. 3 || 3 || 3 || 3.

2.1.2. Координация

Строки соотносятся как два простых предложения в составе сложного, соединенных сочинительным союзом.

גְּלִי קִדְמָהּ וְהִי / יְחִיהָ וְרַחֲמֶיהָ
וְאִדְכָרָהּ [ל]הּ וְיָת קִימֶיהָ

Пред Ним открыты Его [...] и Его милость,
И вспомнил Он для них завет Свой (Ex 12b, ג-א).

Два простых глагольных предложения-строки, соединенных союзом ו. Расположение косвенного дополнения לְהוֹן перед прямым יָת קִימֶיהָ во втором предложении, очевидно, ради поддержки примитивной рифмы — местоименного суффикса הִ- [-ēh] («его»). Ритм: /- -/ /- -/ || /- -/ /- -/, или 2:2 || 2:2.

Пример из классической поэзии:

חמית כביש הימתא
ומקדים רחימתא
ולממהחוק חובין בינתא
ולמכתב זכוון דעתא

Я видел стезю гнева,
Но предшествовала ей милость.
И [все это] — для определения грехов понимания,
И для записи заслуг познания (Ex 20с 7, 5-1-4).

Первая и вторая строки-предложения соединены сочинительной связью, третья и четвертая строки также соединены союзом 1. Ритмическая структура симметрична: /- — -/ || /- -/ || /- — -/ || /- — -/, т. е. 3 || 2 || 3 || 3.

2.1.3. Субординация

Одна строка — главное предложение (*apodosic*), вторая — подчиненное (*protasisc*); порядок может быть и обратным: на первом месте *protasisc*, на втором — *apodosic*.

כד הוא לקו/ בפלגיה דניסן
אנש רב נפק/ מן סינהידר[ין]

Когда она [луна] затмевается в середине месяца Нисана,
Великий муж уйдет из синедриона (Ex 12f, 5-1-2).

Первая строка — *protasisc* условия, вторая — *apodosic* следствия; условный период описывает закономерность, оба предиката выражены причастием. Рифмоидных окончаний в конце строк нет. Ритм: /- — -/ /- -/ || /- — -/ /- -/, или 3:2 || 3:2.

Классический стих:

חמית הדורא
פריס כי נשרין בשופרא
דלא תחמי עינא דסיקרא
מה דהוה עביד בטומרא

Я видел славу¹⁶,
Парившую подобно орлам величественно,
Которую пристальный взгляд не увидит.
Из чего она сделана — тайна (Ex 20с 7, 7).

Вторая строка состоит из причастного оборота (бессоюзное придаточное предложение), объясняющего значение дополнение הודרא «слава»; третья — из придаточного с частицей 7 в функции подчиненного союза. Ритмическая структура: /- — / || /- — -/ || /- — -/ || /- — -/, т. е. 2 || 3 || 4 || 4.

¹⁶ Другой возможный перевод слова הודרא — украшение, золотое кольцо (הודרנא), см. В. Талмуд, Бава Батра 36; Песахим 76а; Шаббат 776.

2.1.4. Независимые предложения

Ниже мы приводим отрывок, в котором есть два независимых предложения-строки, объединенных общим контекстом.

אלהא ד'חיא' וקיימא' / ש'מיה
במצ'רים \\ / עולב' עמיה

Бог Живой и Сущий — имя Его.

В Египте Он [призрел] на унижение народа Своего (Ex. 12b, ב-א).

Строка א — именное предложение, ב — глагольное простое, в котором обстоятельство במצ'רים вынесено в начало предложения, однако эмфатический смысл здесь вряд ли усматривается: скорее, автор искусственно изменил порядок слов для поддержки акrostиха. Границы строк маркированы акrostихом (א и ב) и примитивной рифмой — местоименным суффиксом יה-. Ритмическая схема: /- — -/ /- / || /- -/ /- -/, или 3:1 || 2:2.

В классической поэзии:

מן מיא דשתי
ומגומריה דגיהנם שתי
ווי לכל מאן דשתי
אודהר ברי לא תשתי

Кто пьет ее воду,

Тот от пылающих угольев Геенны пьет!

Горе каждому, кто пьет!

Будь осторожен, сын мой, не пей! (Ex 20c ʿ, מ-1-4).

Третье и четвертое предложения-строки связаны друг с другом только общим контекстом повествования и расположением рядом. Ритмическая структура стиха: /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ /- -/ /- — -/, или 3 || 3 || 4 || 2 || 4.

2.2. СТРОКА — СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В рассматриваемых нами поэмах встречается немало случаев (особенно в доклассической поэзии), когда в основе строки — *сложное предложение* (некоторые из них были рассмотрены выше). Как правило, это короткие предложения, которые могут быть бессоюзными, сложносочиненными или сложноподчиненными.

2.2.1. Бессоюзная связь

Два (реже три) простых предложения могут сочетаться бессоюзной связью. Предложения при этом короткие, и строка, как правило, по количеству слов не превосходит обычную, состоящую из одного предложения. В доклассических пиятах:

2.2.2. Сложносочиненные предложения в основе строки

וַאֲמַר לְיָהּ מִשָּׁה / וְאָתִיב הָאָנָּה

И сказал ему: «Моисей!» И он ответил: «Вот я!» (Ex 14f, 1-1).

Конец строки обозначен квазирифмой κ -[ā], встречающейся также в предыдущих шести строках и последующей строке. Ритмическая структура строки: /- — -/ /- -, т. е. 3:2.

В классической поэзии такая строка встречается только один раз, и то в том случае, когда автор почему-то применил необычно длинную для классического стиха строку:

טעם דבירא קדמאה

כד הות נפקא

מפום משקלל שמיא וארקא

דמניא לזיקין וברקין/ וכאשתא נסקא

Мудрость первой заповеди,

Когда выходила

Из уст Совершителя небес и земли,

Была подобна метеорам и молнии, и как поднимающееся пламя (Ex 20a, 1-4).

Последняя строка состоит из двух именных предложений, образуя ритмическую структуру из двух колонов: /- — -/ /- -. Общая же ритмическая схема стиха выглядит так: /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ /- -, или 3 || 3 || 4 || 2.

Сложносочиненные предложения встречаются еще в 35 случаях в доклассической поэзии¹⁸, и только один раз в классической — в случае отступления от норм классического стихосложения (см. сноску 8): דְּמָנְיָא לְזִיקִין וּבִרְקִין / וְכַאֲשֶׁתָּא נִסְקָא (Ex 20a, 1-4).

¹⁸ См.: [מ]ותנה (Ex 12f, -2מ2); וגובה יפוק/ וכלום דלא ב\ (Ex 12f, 3-ק); קטלה הנוה בגיבטוס/ וקפן בדרומה (Ex 12f, 2-ג); טפש אב/ ולא ידע (Ex 12g, 1-1); געה ניסן ככל לביה / והקדין אמר להון (Ex 12g, 2-2); הוה/ ועכברה יסגי (Ex 14d, 1-2); האת לקבלי/ ואנא לקבלך (Ex 14b, 1-2); פורקנהון/ וזקפו ע[י]ניהון גה (Ex 12g, 1-1); ענה ניסן/ ואמר לטבת חרצי משתריין/ ומטרפא (Ex 20c 2, 1); זעית ודחילית/ ואיתהפכו אפיי/ מגוון לגוון (Ex 14d, 1-1); עני משה/ ואמר לימא (Ex 20c 2, 2); עניקין לצוארין/ ולרישא חינא (Ex 20c 2, 2); עגילין באזונהא/ וקדשיא טבע אנחירין (Ex 20c 2, 2); רוחי/ לעילוי אצטלוון (Ex 20c 2, 2); כל סנקליטין דידי/ קודין ורעין/ ואנש לא מרד (Ex 20c 2, 2); ביה אנו יקדין/ וביה לא כפרין (Ex 20c 2, 2); פריסנא (Ex 20c 2, 3); טלקית רישי ינקוכון/ ולא פריק יתכון (Ex 20c 2, 3); ועימיה שרי נהורא/ וחשוכא ליה גליא (Ex 20c 2, 2); קרא דירמיה/ לבטולי (Ex 20c 2, 2); צווחינהו פרוס כל אנמי/ וקומי כל חיל (Ex 20c 2, 2); לכון/ וילון פיטקון/ שקולו וכתובו שגר מלבד/ וא[י]ן (Ex 20c 2, 2); רמיו לגו אתון נורא כפיתין/ ולא אינזקו בהבלא (Ex 20c 2, 2); רישייה שריתון בפריע (Ex 20c 2, 2); תמהוי ואתוי אישתעו/ כמה רברבין/ נצחוני בקרוי פלכין (Ex 20c 2, 2); מלגיו/ ועבד ניסי בגו ניסי (Ex 20c 2, 2); אבא לא חס על בריה/ ובריה לא עכב (Ex 20c 2, 2); גלי אדרעך/ ואסור חרצך (Ex 20c 2, 2); פשוט ידך/ וסב סכינך (Ex 20c 2, 2); ואנא אשמע/ ואימר אמן (Ex 20c 2, 2); וכנוס קיטמי/ ואוביליה לאמי (Ex 20c 2, 2); היך תפרוש מינו/ ותיזיל לביחא (Ex 20c 2, 2); ותקיה הוא אלהנא/ ותקיפין עובדוי (Ex 20c 2, 2); דאנא הוא פריקא/ ואפרוקינך (Ex 20c 2, 2); ולית (Ex 20c 2, 2); גיבר הוינא ולית דכותי (Ex 20c 2, 2); דכוותיה/ ולית דדמי ליה (Ex 20c 2, 2).

2.2.3. Сложноподчиненные предложения-строки

ארי דא/ גבורתא דיוי/ דעבד להון קרבין

Ведь это — могущество Господа, который ведет их сражения (Ex 14b, v-3).

Границы строки также обозначены рифмой ין- , одинаковой с двумя предыдущими строками ($\text{|| רברבין || חביבין}$), а также началом следующей строки со следующей буквы алфавита (ק). Ритмическая структура строки выглядит как $\text{- / - / - / - / - / - /}$, т. е. 2:2:3. Главное предложение — именное, придаточное — глагольное предложение определения.

אמר משה/ כד סליקית למרומא
איתפחחו לי תרעי שמיא
וחמית מה בעיליא:

Сказал Моисей: «Когда я взошел на высоту,
Отворились для меня врата небес,
И я увидел то, что на высотах (Ex 20c ה, א-1-3).

Первая строка состоит из глагольного предложения אמר משה «Сказал Моисей» и протасиса сложноподчиненного предложения כד סליקית למרומא «Когда я взошел на высоту...». Ритмическая структура: $\text{- / - / - / - / || - / - / - / - /}$, или 2:3 || 3 || 3.

В 33 случаях сложноподчиненное предложение-строка встречается в доклассических *пютах*¹⁹.

Еще один пример в классической поэзии: $\text{חמית מלאכין/ דקודין ובורכין}$ (Ex 20c ה, מ-1); в другом случае сложноподчиненное предложение используется в отрывке, где автор по какой-то причине отступил от строфического стихосложения в пользу доклассического линейного стиха (см. сноску 8): $\text{כיוון צלמינא/ דלא חזן בעיניא || באודניא/ למה להון תסגדון}$ (Ex 20c ה, כ-1-2).

Засвидетельствован также один случай сложного предложения смешанного типа: $\text{תוה ננסא/ וקם באתבהלא/ כד חמא ארבע שריין/ מהלכין בגו נורא}$ (Ex 20c ד, ת-1). Сложносочиненное предложение комбинируется здесь с подчиненным и причастным оборотом.

¹⁹ См.: $\text{אָל פֿגשׁ לי || וּמָן אֶשׁוּבָה/ דְּתַפְרַק שׁוֹשׁ(ו)נָה}$ (Ex 12d, ג-3); $\text{בי יתגלי נהורא/ דבי יתעדון תחות טורא}$ (Ex 12f, ג-1); $\text{גליין קדמוהי/ דהוא גלי רזיא}$ (Ex 12f, ת-2); $\text{ואין לקה/ סימן קשה}$ (Ex 12f, ו-2); ענה/ דאשלים קיצן (Ex 14a, ג-1); $\text{צביאו ועיבידו/ כפקיד אוחא תלת סאוון}$ (Ex 14e, ו-1); $\text{נתהפך ימא/ כד שמע למילתיה}$ (Ex 14a, -21); $\text{זמן ינתן לה/ דחלם חלמא}$ (Ex 20c ד, א-2); $\text{איתבוננו מא/ דעבדית לכוון/ עד דאתון בציון}$ (Ex 20c א, ז); $\text{צהירין ענני יקר/ דלא לינוק טילפין}$ (Ex 20c ב, ז); $\text{זעירף אנא עליכון/ דאתון מרדין עלי}$ (Ex 20c ד, ה-3); $\text{האית לכוון למידע/ דאתון כרעין/ דלא בטיבותכון}$ (Ex 20c ד, ח-2); $\text{חבל על בנין/ דכפרין באבוהון}$ (Ex 20c ד, ו-3); $\text{זמן/ דתשמעון קל קרנא משרוקינא/ כרועו קדם צלמי}$ (Ex 20c ד, י-2); $\text{יחיד הוא אלהנא/ דתיאורן יתך}$ (Ex 20c ד, י-2); $\text{יליף לך מן פרעה רשיעא/ דקדמוי מינד}$ (Ex 20c ד, ח-3); $\text{דנכפור בנעבד ונקביל}$ (Ex 20c ד, ט-3); $\text{לית אנן חששין לאלההא/ דבר נש}$ (Ex 20c ד, כ-3); $\text{לזה אלי/ דזמרינן בימא אנהנא דייליה/ אמר עזריה}$ (Ex 20c ד, ל-2); שפכיה/ אמר מישאל (Ex 20c ד, ס-3); $\text{סבריתון/ הכא למעבד/ צלמי הצדאי}$ (Ex 20c ד, ס-1); $\text{דפוס/ דמשתמודעי מיהודאי}$ (Ex 20c ד, ש-3); $\text{שיתא איתעבידו בה ביומא/ דאיתסיוא הוגניסי}$ (Ex 20c ד, ש-1); $\text{גבריאל/ דטאים עלמא בתרין טיסי}$ (Ex 20c ד, ז-2); דעביד שירוי למריה (Ex 20c ז, א-1); $\text{מה נאה מדבחה/ דבנית לי אבא}$ (Ex 20c ז, ו-2); $\text{פרע / בסופיינא לאתקוני}$ (Ex 20c ז, ח-2); $\text{ומודה אנא ליה/ דהכדין חחר בי}$ (Ex 20c ז, ד-1); $\text{דין הוא יומא/ דיהוון אמרין}$ (Ex 20c ז, א-2); $\text{ותיכוס ית/ דלא תסאבני}$ (Ex 20c ז, י-2); $\text{ותהוי כגבר/ דלא חייס על בריה}$ (Ex 20c ז, ט-1); אבא/ דיהוון אמרין (Ex 20c ז, מ-2); $\text{טובי/ דחבר בי קיריס/ מכל קוזמוס}$ (Ex 20c ז, ל-1); $\text{לא תשהא דידי/ דלא איעכבך}$ (Ex 20c ז, כ-2); בבעו מינד/ דלא (Ex 20c ז, ס-2); תסאבני (Ex 20c ז, ס-2).

Проанализировав различные формы структур предложений-строк, частоту их употребления, а также распределение различных типов синтаксических связей между строками в доклассическом стихе, мы не можем выделить ни одной синтаксической модели, которую можно было бы считать наиболее характерной. Это наводит нас на мысль о том, что тип стихосложения в доклассической поэзии может быть охарактеризован не как синтаксически-ориентированный, а как основанный *на ритме*. Основной единицей здесь является *колон-синтагма*, который может совпадать с простым самостоятельным предложением, либо с предложением — частью сложносочиненного или сложноподчиненного комплекса; не принципиальны для стихосложения и соотношения между строками — бессоюзная связь, координация, субординация. Вторичными являются фонетические характеристики строки — акростих и квазирифма. Эти выводы подтверждаются и анализом менее многочисленных случаев, когда в основе строки — словосочетание.

2.3. СТРОКА-СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Довольно часто поэты отступали от принципа строка-предложение, образовывая строку из одного словосочетания — группы подлежащего или сказуемого, адвербиального выражения, расширенного дополнения, однородных дополнений.

2.3.1. Строка — группа подлежащего

כלא אומי חשיבין
ללמא סוף שלפן

Все народы многочисленные
В ничто в конце превратятся (Ex 20с 8, ל-כ).

Первую строку составляет подлежащее «все народы многочисленные», выраженное фразой (существительное с прилагательным), вторую — дополнение, обстоятельство и сказуемое. Таким образом, предложение разделено на две строки-колонна, по три ударных слога в каждом: /- — -/ || /- — -/, или 3 || 3.

В классической поэзии встречается крайне редко (известно лишь два случая):

חמית זה אלי ענוון
וגאות עימיה יהיבן
מחי ומסי מתכוון
אלף אלפין ורבוа רבבן

Я увидел: Вот Бог мой — смиримся пред Ним;
И славу величественную Он дал нам.
Он поражает и исцеляет; уповают [на Него]
Тысячи тысяч и тьмы тем (Ex 20с 7, 1-4).

Последняя строка состоит из группы подлежащего *רבבן ורבוа אלפין* «тысячи тысяч и тьмы тем», предыдущая строка содержит сказуемое *מתכוון* «уповают». Ритмическая схема: 4 || 3 || 3 || 4.

Другие случаи формирования поэтической строки на основе адвербиального выражения в доклассической поэзии встречаются еще в 16-и случаях²⁴, в классической — еще в 9²⁵.

Иногда адвербиальное выражение предыдущего предложения выносится в начало следующей строки, нарушая ее *синтаксическую целостность*:

אודע[ז] ע עלמה/ ורעש תהומה
בירתת ואימא/ כד מלל רמה

Тряслась вселенная и гремела бездна

В трепете и ужасе, когда говорил Превознесенный (Ex 12a, б-в).

Маркировка границ строк не оставляет места сомнениям: акrostих (б-в) и рифма (מ-ה) указывают на начало и конец. Адвербиальное выражение בירתת ואימא вынесено в начало следующей строки, примыкая к подчиненному предложению כד מלל רמה. Ритмическая структура: /- /- /- /- || /- /- /- — /-, или 2:2 || 2:3.

Обстоятельство, вынесенное в начало следующей строки, встречается еще в 8 случаях в доклассической поэзии²⁶.

2.3.4. Строка-дополнение

אֶתְבַּחַרְךָ יְהוָה/ לְקִדְוֹ שׁ יְרַחֵן
לְעֵידָנִין וְלַזְמַנִּין/ וְלַרִּיחַ נִיחֻחִין

Луна была избрана для освящения месяцев,

Для праздников и времен, и для благоухания ароматов (Ex 12f, в).

Вторая строка состоит из однородных *косвенных дополнений* (введенных предлогом ל) первого предложения, связанных между собой двумя союзами ו «и». Ритмическая структура: /- /- /- /-, или 2:2. Маркировка строк — рифма חֵן-חֵן.

В доклассической поэзии встречается еще 20 строк, в основании которых — группа дополнения²⁷, в классической — 10²⁸.

²⁴ См.: מן מוי (Ex 12d, ד-2); דבי תרי עשר גברין מרישי נושעה; (Ex 12c, ל-4, 5; Ex 12d, ל-5); ומאיבלא ליומא טבא (Ex 12e, א-5); דמבולה מן טבניה ומן איילה; (Ex 12f, ל-1-2); לג'ו ירחא אדר; (Ex 12g, ת-1-2); בן יש'ראל וכן מלכותה; (Ex 12h, ק-4); ביממא ובליליא; (Ex 14a, כ-1-2); כבכירא שלמא || כאילנ'א קדמא; (Ex 14a, ד-2); בפולחנא קשיא; (Ex 14b, ל-2); הדור; (Ex 14b, ח-3); כמלקדמין; (Ex 14b, ש-1-2); שליטא תדירא בכלהון עממיא; (Ex 14b, פ-2); לתרין עשרי' שבילין; (Ex 20c א, ב); בקיימי לתרגומי/ עשרה פתגמין בסיפון; (Ex 20c א, מ); מטולא תרין אלפין; (Ex 20c א, ה); אגמי לקולמוס

²⁵ См.: אף לא בעובד ידי; (Ex 20a, כ-5); דמצרים מבית שעבוד עבדיא; (Ex 20a, ט-3); מפום משכילל שמיא וארקא; (Ex 20a, ל-2); בחיון ארבע || ובצורן ארבע; (Ex 20c ה, ח-4); בלא בוצין ולא מנרא; (Ex 20c ה, ו-3); מרומם וממין; (Ex 20c ה, ל-3-4); מן קדם מרי דרתא; (Ex 20c ה, ע-4); מן שית ושית גדפין; (Ex 20c ה, מ-2); חמש מאה שנין אריכין; (Ex 20c ז, ה-4); למימחי עריית כינומא

²⁶ См.: במצרים באתין ומפתין; (Ex 14d, ק); קודם יו' (Ex 14a, כ-1); כמלקדמין; (Ex 12g, א-2); מן בנגד גיסן; (Ex 14e, ב); קבל טוורא דסיני/ קריבין בהר ליפן; (Ex 20b, ל-1); לעידן דייחי מכנש מבדרא; (Ex 20c א, ק); ערב לית ליה חולפן; (Ex 20c א, ע); קדם ריבוני

²⁷ См.: על מלכותיה דיןן רשיעתא; (Ex 12d, ט-4); על חמרניה ועל חיות ברה; (Ex 12f, ע-1); לעידן דייחי ורחיה נ'יחוחין; (Ex 12f, ח-4); מרומם וממין; (Ex 12g, ח-4); אדרגוריא דתבריא גברייא; (Ex 12f, כ2); לכל סימ'ני רחתי שתה; (Ex 12f, ח-4); לסנאיהון דהוקני; מילת צבע; (Ex 20c א, ס); סדר עלמא בדילן; (Ex 14e, ר-2); בידוי דפרעה רשיעא; (Ex 14a, ו-2); דאמר לנבוך בגליא בעיר ורחיש/וציפר וכל נשמי; (Ex 20c ו, א-1); ארקא ורקיעא/ ודי בהון ושבימי; (Ex 20c א, מ); זהורין/וצבעונין וארגון

В одном случае строка образуется из двух второстепенных членов предложения — *обстоятельства и дополнения*: וָאִרְיָא אֹלְפָן / תִּלְתָּ לְכָל תְּלִיתָיִן (Ex 20c א, ה).

Представленный выше анализ фактов формирования поэтической строки на основе словосочетания или оборота подтверждает наш предварительный тезис: как доклассический, так и классический тип стихосложения не был привязан к определенным синтаксическим структурам. Более того, факты «разрыва» предложения (когда один его член переносится в начало следующей строки-предложения, не будучи связанным с ним синтаксически) ради поддержки акростиха свидетельствуют о том, что для этого типа стихосложения *синтаксическая целостность строки* не играла важной роли.

С другой стороны, мы все же можем с уверенностью сказать, что структура *предложение-строка* является наиболее часто употребляемой в обеих поэтических традициях — более 90% поэтических строк. Однако сам факт столь частого использования предложения в качестве основания поэтической строки скорее обусловлен его функцией как завершенной по смыслу и интонационно синтаксической единицы, без строгой привязки к некоему *структурному стандарту*. Этим и объясняются факты использования как целого предложения, так и отдельных его частей в качестве основания поэтической строки.

К тому же строка как структурная единица стиха *вторична* по отношению к *синтагме-колону*. По этой причине мы наблюдаем предложение-строку или строку — часть предложения, состоящие из одной, двух, трех синтагм — по усмотрению автора. Не имеют принципиального значения синтаксические отношения между строками — или это части простого предложения, или же компоненты сложного. Строка может сочетать в себе и синтаксически не оправданные комбинации фрагмента предыдущего предложения (например, обстоятельство, вынесенное в начало следующей строки ради поддержки акростиха) и начала нового.

Основное различие между поэзией доклассической и классической не в разных синтаксических моделях стихосложения, а в *ритмической организации и фонетическом оформлении стиха*. В первом случае, это *строка* из нескольких синтагм-колонов (редко встречается строка из одного колона); во втором — *строфа* из четырех (реже трех) строк, большинство которых совпадает с одной синтагмой-колоном. При этом границы строки в доклассической поэзии обозначены акростихом и примитивной рифмой (не во всех случаях); в классической поэзии — это регулярная искусная рифма (акростих появляется, как правило, только в первой строке куплета). Для классической поэзии характерен более четкий и регулярный ритм.

Литература

1. Zunz L. Literaturgeschichte der synagogalen Poesie. Berlin, 1865. 666 S.
2. Elbogen I. Jewish Liturgy: a Comprehensive History / transl. by Raymond Scheidlin. New York; Jerusalem: The Jewish Theological Seminary of America, 1993. 500 p.
3. יהלום יוסף. שפת השיר הפיוט הארץ-ישראלי הקדום. ירושלים: הוצאת ספרים ע"ש י"ל מאגנס, האוניברסיטה העברית 1985. [Yahalom Y. Language of the ancient poetry written in the land of Israel. Jerusalem, 1985].
4. יהלום יוסף ומיכאל סוקולוף. שירת בני מערבא. שירים אראמיים של יהודי ארץ-ישראל בתקופה הביזנט. ירושלים: 1994. [Yahalom Y., Sokoloff M. Poetry of the Sons of the West. The Jewish poems in Aramaic written in the land of Israel at the Byzantine period. Jerusalem, 1999].
5. 1975. פליישר עזרא. שירת-הקודש העברית בימי-הביניים. ירושלים: בית הוצאת כתר, 1975. [Fleisher E. The Medieval sacred poetry in Hebrew. Jerusalem, 1975].

6. *Rabbi Yitzchok Kirner with Lisa Aiken*. The Art of Jewish Prayer. Northvale, New Jersey; London, 1991.
7. *Weinberger L. J.* Jewish Hymnography. A Literary History. London; Portland, Oregon, 1998. 516 p.
8. Some unpublished Piyutim from the Cairo Genizah / Meir Wallenstein. Manchester: Manchester University Press, 1956. 123 p.
9. יהלום יוסף. תחביר הפיוט הקדום (כולל יניי) כיסוד לסיגנונו. חיבור לשם קבלת תואר דוקטור לפילוסופיה הוגש לסינט 1974, [Yahalom Y. Syntax of the ancient poetry (including Yannai) as a foundation for its style: PhD thesis. Hebrew University of Jerusalem, 1974].
10. רוזנטל אברהם בן אליעזר שמשון. הפיוטים הארמיים לשבועות: בחינתם הדיאלקטית ותרומתם למילון הארמי. ירושלים 1966, [Rozental A. The Aramaic Piyutim to the Shavu'oth Festival: Dialectal aspects and contribution to the Aramaic vocabulary. Jerusalem, 1966].
11. *Smelik W.* Orality, the Targums, and Manuscript Reproduction // Paratext and Megatext in Jewish and Christian Traditions. Leiden, 2003. P. 49–81.
12. *Tsolin D.* Elements of rhetoric in the Targums. Appeals to audience // Aramaic Studies. Leiden, 2012. P. 249–270.
13. *Klein M. L.* The Fragment-Targums of the Pentateuch according to their extant sources. Vols I–II. Rome, 1980.
14. *Klein M. L.* Genizah Manuscripts of Palestinian Targum to the Pentateuch: in 2 vol. Vol. 1. Cincinnati, 1986. 131 p.
15. *Roberts C. H.* Manuscript, society and belief in early christian Egypt. London: Oxford University Press, 1976.
16. *Rosén H. B.* Palestinian κοινή in Rabbinic Illustration // JSS. 1963. № VII. P. 56–72.
17. *Heinemann J.* Remnants of Ancient Piyuṭim in the Palestinian Targum Tradition // Hasifrut. 1973. N 4. P. 362–375.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Цолин Дмитрий Васильевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
dmytro-73@mail.ru

Tsolin Dmytro — PhD, senior staff researcher; dmytro-73@mail.ru

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94

Л. С. Веселова

РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ГУАНЬСИ) В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КНР ПОСЛЕ 1949 года: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена историографии изучения феномена неформальных отношений (*гуаньси*) в китайском обществе. *Гуаньси* — это некий неформальный институт власти, который связывает людей на разных уровнях. Подобно «неписаным законам» *гуаньси* регулируют взаимоотношения между людьми в обществе и помогают решить различные виды вопросов во всех сферах жизни.

Данный вид связей играет большую роль в китайском обществе и регулирует разные отношения. На основании литературы на русском, английском и китайском языках автор постарался проследить историю и развитие взглядов на данный социальный феномен. Библиогр. 37 назв.

Ключевые слова: гуаньси, неформальные отношения, Китай, связи, культура.

THE ROLE OF INFORMAL RELATIONS (GUANXI) IN THE SOCIAL LIFE OF MAINLAND CHINA AFTER 1949: HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

L. S. Veselova

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is concerned with the historiography of study the phenomena of the informal relations (*guanxi*) in Chinese society. *Guanxi* is a kind of an informal institution of power that connects people at different levels, like the “unwritten laws” it regulates relations between people in society and helps to solve different kinds of problems in all spheres of life.

This kind of relations plays a very important role in the Chinese society and regulates different kinds of relationships. Based on literature on Russian, English and Chinese languages, the author proceeds to trace the history and development of views on these social phenomena. Refs 37.

Keywords: guanxi, informal relations, China, ties, culture.

На протяжении длительного периода истории социальные сети являлись универсальной характеристикой человеческого общества. В Китае существует пословица: «Важнее то, кого ты знаешь, а не то, что ты знаешь» (知人重于知物). Она полностью отражает концепцию неформальных отношений (*гуаньси*).

На русский язык термин *гуаньси* обычно переводится как «связи, взаимоотношения», в английском языке его считают синонимом «relations, connections», однако дан-

ные определения недостаточно отражают смысл этого слова. Термин *гуаньси* (关系) состоит из двух иероглифов: первый «гуань» (关) изначально означал «дверь», а второй «си» (系) — «связь, семья, происхождение». Если мыслить образно, то согласно этим определениям получается, что, пройдя дверь, вы можете быть «одним из нас». В Китае издавна наблюдается тенденция разделять людей на две категории: на тех, кому доверяют и на кого можно положиться, и на чужаков, которых стоит избегать.

Гуаньси — это некий неформальный институт власти, который связывает людей на разных уровнях. Подобно «неписаным законам» *гуаньси* регулируют взаимоотношения между людьми в обществе и помогают решить различные виды вопросов во всех сферах жизни.

Обычно выделяют 6 основ для создания данных неформальных связей:

- 1) локальность и диалект;
- 2) фиктивное родство;
- 3) родство;
- 4) место работы;
- 5) торговые ассоциации или общественные клубы;
- 6) дружба.

При наличии данных основ и правильного поведения для их развития, индивидуум может завести прочные неформальные связи, которые помогут ему в различных сферах жизни.

Понимая основы и принципы работы *гуаньси*, возможно по-новому рассмотреть различные исторические события, понять их скрытый смысл. Традиции, которые складываются в основы моделей ведения дел в Китае, отличны от моделей ведения бизнеса западными предпринимателями. Не проследив истоки основных традиций и обычаев, нельзя в полной мере понять образ мышления китайцев и выстроить благоприятные деловые отношения и успешный бизнес с ними.

Поскольку большинство работ по теме неформальных отношений носят прикладной характер и в них не рассматривается сам термин *гуаньси* и эволюция его значения, автор проанализировал различные англо-китайские словари с целью выявить разницу в значениях данного понятия в различные периоды истории Китая.

Несмотря на то что слово «гуаньси» стали употреблять еще столетие назад, оно не упоминается ни в одном из классических китайских словарей: ни в «Цы Юань» («Источник слов», изданный в 1915 г.), ни в «Цы Хай» («Море слов», опубликованный в 1936 г.) [1, р. 2]. Также данный термин отсутствует в словаре «Mandarin Chinese Dictionary» [2] и словаре «A dictionary of Early Zhou Chinese» [3].

Большинство словарей, таких как «Mathews' Chinese-English dictionary» [4], «Chinese-English Dictionary of Modern Communist Chinese Usage» [5], «Dictionary of Spoken Chinese» [6], «A Modern Chinese-English Dictionary for Students» [7], «Lin Yutang's Chinese-English Dictionary of modern usage» [8], «Times Chinese-English Dictionary» [9], «A concise Chinese-English dictionary» [10], «An everyday Chinese-English Dictionary» [11], дают определение *гуаньси* как «отношение, связи, значение, участие, влияние». В некоторых из них имеются дополнительные значения, такие как «членство, организационная принадлежность, эффект, доверие».

В более поздних словарях, например в словаре «Zhongda Chinese-English dictionary» [12], не только дано определение термина *гуаньси*, но также имеются различные производные от него. Например, *гуаньсиху* (关系户) — связанные между собой

индивидуумы или группы, которые получают выгоду друг от друга. *Гуаньсиван* (关系网) — сеть социальных связей, систем взаимодействия индивидуумов или групп. Появление данных производных свидетельствует об увеличении роли неформальных отношений в китайском обществе.

Информация, приведенная выше, свидетельствует о том, что неформальные отношения всегда существовали в Китае и с течением времени претерпели незначительные изменения.

Автор в первую очередь постарался проанализировать литературу на китайском языке, поскольку предполагается, что, будучи включенными в данную культуру, китайские авторы имеют возможность наиболее полно и глубоко исследовать и анализировать данный феномен, однако столкнулся с проблемой: большинство китайских исследований дублируют ранее изданные работы на английском языке. Дело в том, что сама по себе социальная наука, в рамках которой в основном изучаются *гуаньси*, сформировалась в Китае сравнительно недавно.

Социология не существовала в КНР вплоть до конца Второй мировой войны. В начале XX в. в Китае наблюдался кризис правящей династии Цин, а также интенсивное вмешательство западных цивилизаций. Именно в это время для решения сложных социальных и политических проблем в Китае начали обращаться к новым источникам знания, к европейским доктринам. Возрос интерес к западным идеям и ценностям, начала зарождаться наука социология. «Прогрессивно настроенные деятели, видные китайские теоретики (Чжан Бинлин, Кан Ювэй, Лян Цичао, Янь Фу и др.) начали выступать за распространение социологии, экономики, педагогики и других знаний в стране, так как считали, что общественные знания станут теоретической основой реформы. Таким образом, социология в Китае возникла в результате заимствований западных социологических теорий на рубеже XIX–XX вв.» [13, с. 192–193].

Именно этим фактом объясняется то, что за 30 лет по теме *гуаньси* в китайской научной и публицистической литературе было сделано небольшое количество исследований. Более того, появление исследований по этой теме автоматически подтверждало бы наличие «связей» в Китае, а это старательно отрицается. К тому же это не самая «достойная» тема для исследования в КНР, поскольку затрагивает такие вопросы, как институт семьи и его разрушение в коммунистический период, религию и т. д.

Лишь в 1980 г. ведущий китайский антрополог, социолог и политический деятель Фэй Сяотун (1910–2005) основал Институт социологии при Китайской академии социальных наук (中国社会科学院社会学研究所). Фэй Сяотун стоит у истоков социологии и антропологии в Китае, он является автором большого количества трудов («Peasant Life in China: A Field Study of Country Life in the Yangtze Valley», «Earthbound China; a study of rural economy in Yunnan», «China's gentry: essays in rural-urban relations with six life-histories of Chinese gentry families» и др.). Одна из его книг под названием «Китайская деревня глазами этнографа» [14] была переведена на русский язык. В этой книге помимо системы потребления, производства и распределения в китайской деревне, автор описывает различные системы и степени родства, затрагивая таким образом тему *гуаньси* и давая возможное объяснение появлению данного феномена в социальной жизни Китая.

Данная работа интересна тем, что сам автор — этнический китаец, и все сведения, которые он приводит, взяты не из книг, а являются результатом «полевых ра-

бот». Автор посещал деревню трижды и в книге показал, какие изменения произошли в укладе ее жителей за 50-летний промежуток времени. Стоит отметить, что на китайском языке книга была опубликована только через 50 лет после ее написания.

Также большой вклад в изучение данного феномена внесла работа китайского автора Фу Ши «Гуаньси по-китайски» [15]. Книга Фу Ши была включена в список бестселлеров «New York Times», это первый китайский роман, удостоившийся такой чести. Фу Ши считает, что китайцы очень искусны в налаживании бизнес-связей, но не только китайцы пользуются связями. Они существуют и на западе, просто в Китае практика *гуаньси* глубже уходит корнями в историю. Приемы *гуаньси*, описанные в книге, призваны помочь неопытным людям разобраться в сложной и запутанной паутине связей, а также получить доступные экспертам знания.

По мнению Фу Ши, десять лет назад успех на 30% зависел от связей и на 70% — от таланта. Теперь же, если вы хотите добиться успеха, это соотношение нужно поменять местами: 70% зависит от связей и только 30% — от таланта [15].

Большая часть описанного в книге «Гуаньси по-китайски» основывается на жизненном опыте, а некоторые случаи, вероятно, произошли с самим автором. Автор считает, что в эпоху процветания материализма пока что не существует абсолютно правильного решения проблемы *гуаньси*. Только понимание того, как управлять отношениями, и использование для этого особых «навыков *гуаньси*» могут отнять у «мастеров социальных контактов» их преимущество перед людьми менее осведомленными и ввести новые порядки, сделав общественные связи более открытыми и прозрачными и таким образом добившись большей свободы, равенства и справедливости [15].

Более подробные сведения об этнопсихологии китайцев и основных составляющих *гуаньси* содержатся в книге Н. А. Спешнева «Китайцы. Особенности национальной психологии» [16]. Автор подробно описывает особенности психологии и менталитета китайцев, подробно рассказывает о таких понятиях, как *жэньцин*, *мяньцзы* и *гуаньси*. Книга наполнена различными примерами из жизни автора, что делает ее доступной для широкого круга читателей. Автор считает *гуаньси* неотъемлемой частью китайской культуры, которую необходимо изучать и понимать для плодотворного взаимодействия с китайцами.

Примечательна также статья Н. А. Спешнева «Южане и Северяне (к вопросу об этнопсихологии китайцев)» [17], в которой автор рассказывает, какое влияние оказывает географическая среда на формирование менталитета. Автор упоминает про разницу в диалектах и чертах характера, нравах, обычаях и привычках. Особое внимание автор уделяет разнице в характере женщин, проживающих на севере и юге Китая. Подводя итог автор пишет, что «при всей важности и значимости социально-исторических и культурологических факторов, особенностей этнического сознания при рассмотрении национальных отличий этнопсихологии китайцев никак нельзя обойти крупные ареалы и микрзоны» [17, с. 76–77].

Книга В. В. Бочарова «Неписанный закон: антропология права» [18] содержит обширную информацию по «правовому нигилизму». Автор объясняет, почему в повседневной жизни люди отказываются от государственного законодательства и начинают действовать согласно «неписанным законам». Книга представляет интерес для исследования феномена *гуаньси*, поскольку в ней дается объяснение того, как культ предков, существующий во многих странах Востока, влияет на самосознание людей. Ведь именно благодаря ему родственные объединения до сих пор играют ак-

тивную роль в социальной, а главное — в экономической жизни общества. Автор отдельно рассматривает традиционное право в конфуцианской Азии, подчеркивая, что «раннее конфуцианство негативно относится к писаным законам» [18, с. 338]. Автор также рассматривает трайбализм и непотизм, которые стали основой для неформальной экономики. Несмотря на то что о них даются лишь общие сведения, эти явления весьма показательны для современной китайской реальности.

Большой интерес представляет книга А. А. Маслова «Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения» [19], ориентированная на широкий круг читателей, а не только на специалистов и ученых. Несмотря на отсутствие теоретической части, данная работа содержит информацию для практического применения. Рекомендации и советы автора актуальны для использования при общении с китайцами.

Книга известного российского синолога В. В. Малявина «Китай управляемый. Старый добрый менеджмент» [20] посвящена исследованию стратегий управления в китайском обществе, а также изучению культуры и традиций Китая, которые, несомненно, повлияли на формирование китайского менеджмента. Основой для книги послужили лекции, которые автор читал студентам Центра корпоративного предпринимательства при Высшей школе экономики. Автор показывает, что китайский менеджмент формировался на протяжении всей истории Китая, а его стиль самобытен и не имеет повторений в других странах Дальнего Востока. Это подтверждает высокую релевантность исследований в области истории и культуры Китая и их высокую практическую значимость для различных групп: бизнесменов, политиков и т. д.

Также интересна статья российского востоковеда Н. М. Катковой [21], в которой автор рассказывает про характерные особенности китайской цивилизации, проявляющиеся в стратагемности мышления и поведения китайцев. Несмотря на то что понятие стратагемности зародилось еще в древние времена и стратагемы применялись во время военных действий или в дипломатии, современные китайцы используют их в повседневной жизни. В конце статьи автор приводит полный список из 36 стратагем на китайском языке, а также дает их перевод на русский.

Более прикладной характер носит книга специалиста В. А. Марченко «Как стать сунди» [22], которая посвящена китайской психологии и затрагивает различные аспекты *гуаньси*: «лицо», дарение подарков, соблюдение формальностей и т. д. Книга интересна в качестве практического пособия людям, имеющим экономические и деловые связи с Китаем. В доступной форме, иногда переходя на «сленг», автор объясняет, кто такой *сунди* (брат), как стать своим для китайцев и чего не стоит делать, работая и общаясь с китайцами. Книга наполнена примерами из жизни автора, который долгое время живет и работает в Китае и, не будучи востоковедом, тем не менее придает огромное значение китайской культуре и *гуаньси*.

В настоящее время большинство европейских авторов изучают то, как правильно использовать *гуаньси* для получения выгоды в бизнесе. Уже в 1970–1980-е годы ученые понимали важность *гуаньси* для установления успешных контактов с представителями восточной культуры. Открытость КНР, а также интерес к китайскому рынку вызвали появление большого количества публикаций, связанных с неформальными отношениями, при этом зачастую авторы данных работ не имели никакого отношения к востоковедению.

Статьи про *гуаньси* стали появляться в таких авторитетных изданиях, как «Current Anthropology», «The American Economic Review», «International Business

review», «International Journal of Research in Marketing», «Administrative Science Quarterly», «Organization Science», «American Journal of Sociology» и т. д. Как видно из названий, это журналы исторической, антропологической, социально-экономической и психологической направленности. Все это свидетельствует о междисциплинарной особенности изучения данного феномена: *гуаньси* можно рассматривать с разных сторон и с точки зрения разных наук, и каждая перспектива показывает различные аспекты этого сложного многосоставного феномена.

С точки зрения политических наук, *гуаньси* рассматривают в контексте коррупции, составной частью которой они являются в Китае. Психология изучает составные элементы феномена, такие как *мяньцзы* («лицо»), *синьжэнь* («доверие») и т. д. История определяет исторические корни данного явления, его трансформацию на протяжении длительного исторического периода. Этнография дает детальное описание особенностей этикета *гуаньси*. Обмен подарками, которые являются неотъемлемой частью неформальных связей, рассматривается антропологией как «культурная конструкция личности» (cultural construction of the personhood): индивидууму необходимо изучить правила взаимодействия с различными категориями людей посредством практик дарения подарков.

В западной литературе существует большое количество исследований, проведенных так называемыми *хуацяо*, этническими китайцами, уехавшими жить и работать за рубеж. С одной стороны, эти исследователи понимают значение изучения данного понятия, с другой — у них была возможность публиковать исследования по данной теме ввиду отсутствия цензуры со стороны государства и наличия интереса со стороны академического и бизнес сообщества.

Комплексное и многостороннее исследование вопроса *гуаньси* было проведено антропологом Ян Мэйхуэй в работе «Подарки, услуги и банкеты: искусство социальных отношений в китайском обществе» [23]. Автор дал подробное и полное описание феномена *гуаньси* и отдельных его аспектов. Особое внимание автор уделил процессу дарения подарков и правильному общению с китайскими бизнес-партнерами.

В книге «Объясняя гуаньси. Китайская бизнес-сеть» [24] китайский исследователь Со Инлунь и профессор Гонконгского университета Энтони Уолкер сделали попытку объяснить, что такое *гуаньси*. Они считают, что объяснение феномена *гуаньси* лежит в экономике, праве и культуре и необходимо разработать академический подход, который бы объединял различные части данных дисциплин в один анализ. В своей работе они постарались объяснить, почему и как *гуаньси* вышли на первое место и стали решающим фактором для ведения бизнеса в Китае и с китайцами.

В своей статье «Понимание гуаньси (связей) с точки зрения перспектив бизнес-лидеров» [25, р. 385–389] Чжу Юнься и Чжан Элли Мэнцзы отразили результаты опроса более чем 20 директоров китайских компаний из разных городов Китая. Вопросы были посвящены определению термина *гуаньси* и мнению опрашиваемых о том, как нужно строить партнерские отношения. В дополнении директоров попросили привести пример истории успеха, в которой решающую роль сыграли связи.

В статье «Гуаньси, подарки и знания из Китая: обзор эссе» [26, р. 560–561] Алан Смарт сравнивает результаты различных исследований, проведенных в Китае по вопросу *гуаньси*.

Книга китайского автора Ян Юньсяна «Поток подарков, взаимная выгода и социальные сети в китайской деревне» [27] заслуживает особого внимания. Автор —

этнический китаец, он родился в Пекине, но в период Культурной революции его отец был объявлен «классовым врагом», и всей семье пришлось переехать в деревню в провинции Шаньдун. Таким образом, в 1966–1978 гг. вся семья жила в деревнях Северного Китая. В то время автору было всего 12 лет, и с этого момента он начал познавать и изучать новый окружающий его мир, который был наполнен традициями, связями и обменом подарками. Книга носит этнографический характер и подробно рассматривает такие вопросы, как обмен подарками, структура *гуаньси*, сила и престиж, социальные изменения в обществе и т. д.

Огромный интерес представляет монография «Социальные связи в Китае» [28] под редакцией Т. Голда, Д. Гутри, Д. Ванка. Это разветвленное социологическое исследование различных аспектов *гуаньси*: важности *гуаньси* в китайском обществе; условий, при которых они все еще работают в Китае; их роли в экономических реформах, предпринятых в КНР; того, как данный феномен рассматривают различные исследователи и т. д.

Как уже упоминалось ранее, феномен *гуаньси* может быть рассмотрен в контексте различных дисциплин. Монография «Контракт, гуаньси и решение спора в Китае» под редакцией Тахири В. Ли рассматривает *гуаньси* с точки зрения юриспруденции. Китайская правовая система — одна из старейших в мире, письменность появилась в Китае 3 000 лет назад, а практика кодированного законодательства и государственные суды датируются V в. до н.э. Еще в 200 г. до н.э. суды в Китае помогали людям составлять письменные контракты для займов или продажи товаров [29, р. VII–VIII].

Существует серия книг под названием «Китайское право. Социальные, политические, исторические и экономические перспективы» под редакцией Тахири В. Ли, которая состоит из 4 томов:

1. Основные концепции китайского права;
2. Закон, государство и общество в Китае;
3. Контракт, гуаньси и решение спора в Китае;
4. Иностранцы в китайской правовой системе.

Автор данной работы в своем исследовании рассматривает только третий том, поскольку в нем идет речь о неформальных связях и личных сетях. Ли пишет, что богатство и полнота социальных схем, ориентированных на семью, комбинированных с сетью семейных и индивидуальных *гуаньси*, и их неформальная природа сделали *гуаньси* потенциальным ресурсом силы вне официальных институтов власти. Они помогали обойти закон и бросали вызов официальному праву. Посредством *гуаньси* семьи и индивидуумы, не связанные кровным родством, взаимодействовали друг с другом для обхождения закона. Государственные чиновники участвовали в данной социальной схеме, а конфуцианская идеология была достаточно гибкой, чтобы они могли быть лояльными и к государственному праву и к личным взаимоотношениям [29, р. XIV].

Представляет интерес статья Томаса Голда «После товарищества: личные отношения в Китае начиная с Культурной революции» [30], в которой анализируются личные отношения в Китае в первые годы Культурной революции и период реформ. В основном автор описывает отношения в 1985 г., а также дает им социологическое объяснение. Автор считает, что после прихода к власти КПК в 1949 г. в Китае началось изменение социальных норм и поведения. Например, такое понятие, как «дружба» старались заменить «товариществом». Объяснялось это тем, что «друж-

ба» — это частный вид связи, где индивидуумы не являются равными: у них есть особые друзья, на которых они могут положиться и которым они могут доверять. «Товарищество» же — это универсальная мораль, при которой все граждане равны перед государством и такие вещи, как статус и приближенность, никак не меняют степень их равенности. Зачастую такая трансформация ценностей была достигнута государством путем запугивания. Например, частные беседы и распространение информации могли повлечь за собой суровые наказания со стороны КПК. К тому же трансформация экономики ухудшила материальное благосостояние людей, что привело к тому, что люди были зависимы и должны были работать вместе на благо модернизации страны. Благодаря этому процессу этика, поведение и задачи небольшой группы коммунистической элиты были навязаны всему населению Китая [30, p. 657–658].

Примечательна книга исследователей Роберта Бедери и Грегори Хуана «Гуаньси (искусство отношений): Майкрософт, Китай и план Билла Гейтса завоевать будущее» [31], в которой рассказывается о том, как американской компании с помощью адаптации к китайской культуре и обществу удалось занять прочную лидирующую позицию на китайском рынке. На примере развития отделения компании в Китае (Пекинского центра Майкрософт) авторы показали, как, применяя техники *гуаньси*, можно заручиться поддержкой чиновников, руководителей университетов и компаний. «В Китае правительственные лидеры контролируют практически все аспекты образования и воспитания граждан, не говоря уже о популярных медиа и потребительских рынках. Академическая среда и правительство связаны друг с другом более тесно, чем в США. Вот почему установление прочных отношений — искусство *гуаньси* — с чиновниками из сферы образования и академической сферы так важно в Китае. И именно поэтому исследования и связи с китайскими университетами имеют столь важное значение» [31, p. 21]. В книге приводится большое количество примеров того, как *гуаньси* важны в китайском обществе. Авторы подчеркивают, что на каждом этапе работы команды Майкрософт они применяли связи, и без них они бы не смогли добиться успеха. Один из ведущих инженеров Майкрософт в Китае Кайфу Ли говорил, что «в первые шесть месяцев мы не проводили настоящих исследований. Самая важная вещь, которую нам было необходимо сделать, это доказать нашу надежность» [31, p. 73].

В статье М. У. Пэна «Контролируя иностранного агента: как правительства сотрудничают с многонациональными компаниями (МНК) в переходной экономике» [32, p. 141–165] рассматривается проблема МНК в Китае. Автор исследовал 3 случая совместных предприятий в Китае, а именно компаний Beijing Jeep, Shanghai Volkswagen и Guangzhou Peugeot. Эти случаи интересны, так как китайским властям приходится вступать в диалог с МНК, а традиционные модели общения, принятые в Китае, в данном случае работают неэффективно. В статье описываются проблемы, с которыми сталкиваются иностранные компании, начиная бизнес в Китае, а также предлагаются оптимальные способы их решения.

Ценные сведения содержатся в статье Линя Лянхуна «Культурные и организационные предшественники гуаньси: китайские случаи» [33]. В своем исследовании автор использовал данные опроса, который он проводил в Пекине, Шанхае, Нанкине, Сиани и Тайбэе с августа по декабрь 2009 г. Опрос проводился среди менеджеров китайских фирм, которые работают более года. В опросе приняло участие 470 чело-

век: 49% мужчин и 51% женщин. На основании данных, полученных в ходе исследования, автор смог показать, что на Тайване роль *гуаньси* более существенна, чем на материковой части КНР. Линем были выдвинуты и подтверждены две гипотезы: о том, что конфуцианство положительно влияет на развитие *гуаньси*, что *гуаньси* зависят от организационного этического климата.

В большинстве европейских работ тема *гуаньси* рассматривается с точки зрения важности неформальных связей для бизнеса и для МНК. Например, в статье Фан Яна «Важность *гуаньси* для МНК в Китае» [34] приводятся все положительные и отрицательные стороны применения *гуаньси* в бизнесе, с упором именно на МНК. В статье приводятся примеры известных МНК, которые осуществляют деятельность в Китае. К положительным моментам использования *гуаньси* относится быстрое развитие бизнеса при наличии отношений с государственными чиновниками или видными китайскими бизнесменами. Недостатками же являются развитие коррупции и взяточничество.

В статье «Блат и *гуаньси*: неформальные практики в Китае и России» [35] А. Леденева сравнивает неформальные отношения в Китае и России. Она приходит к выводу, что данные виды связей во многом похожи и что люди в Китае, так же как и в СССР, использовали их для 4 типов нужд: регулярные нужды (продукты, одежда, хозяйственные товары и т. д.); нерегулярные нужды (санатории, билеты на транспорт и т. д.); нужды для жизненного цикла (поликлиники, детские сады, школы, похоронные службы и т. д.); нужды для других людей [35, р. 123]. Однако Леденева также отмечает, что несмотря на всю схожесть, существуют и различия, главное из которых — это отношение к данным неформальным связям. В России слово «блат» имеет негативный смысл, в то время как в Китае *гуаньси* не несут отрицательного смысла и рассматриваются как преимущество.

Исследователи С. Михайлова и В. Уорм в статье «Личные связи в России и Китае: блат и *гуаньси*» [36] также предприняли попытку сравнить два вида неформальных отношений в двух разных странах. В ходе статьи они выявили три сходные черты, присущие обоим типам неформальных отношений:

1. *Социальный ресурс.* Неформальные связи существуют в скрытой форме не только в каких-то одних конкретных отношениях (в одной сети), но между различными сетями и членами этих сетей. Даже если эти неформальные отношения кажутся дуалистическими, на них все равно оказывают влияние внешние акторы. Поэтому они могут распространяться на людей, которые не знакомы напрямую между собой.

2. *Длительность отношений.* Только с помощью длительного общения возможно создать условия, в которых обе стороны будут предельно правильно понимать потребности и поведение друг друга, установить доверительные отношения и т. д. К тому же в России и Китае, в отличие от европейских стран, человек, который оказал услугу, не ждет немедленной ответной услуги. Китайцы и русские тратят огромное количество времени и сил на построение личных отношений, и эти старания могут оправдаться, только если это долгосрочные отношения.

3. *Сосуществование доверия и сотрудничества с властью и доминированием.* Блат и *гуаньси* основываются на эмоциональном доверии между людьми, например, на дружбе или родстве, причем эмоциональное доверие важнее, чем когнитивное. И в России, и в Китае более 50 лет правила коммунистическая партия, которая ставила себя выше закона. Законы и предписания всячески нарушались, поэтому люди

с недоверием относились к контрактам. Таким образом, когда закон не может защитить человека, самыми надежными являются межличностные отношения. Отличительной особенностью неформальных связей являются коллективные санкции по отношению к нарушителям, все члены сети должны знать о правонарушениях, для того чтобы коллективно осудить и изгнать нарушителя из сети. Таким образом, со временем из сети будут исключены люди, которые не соответствуют ее порядкам и условиям [36, p. 511–513].

Исследователи также выделили ключевые различия между *гуаньси* и личными связями на Западе. Например, в Китае наблюдается частое взаимодействие и обмен, в Европе зачастую связи одноразовые. В Китае применяют *гуаньси* даже на рабочем месте, поскольку они не являются чем-то запретным. В Европе применение связей — это «закулисный процесс», который происходит вне рабочего места. *Гуаньси* всегда личные, в Европе же часто применение связей происходит при участии посредника. [36, p. 510]. *Гуаньси* в Китае — это «мягкая сила», которая используется не только в повседневной жизни, но и на уровне публичной дипломатии. Эта тема подробно описана в статье С. В. Кривохиж [37].

Как видно из вышесказанного, в последнее время в журналах различной направленности появилось большое количество статей западных исследователей, посвященных *гуаньси*, это показывает, что интерес к данному вопросу велик и рассмотрение вопроса происходит на междисциплинарном уровне. Следует отметить, что западные исследователи имеют тенденцию рассматривать *гуаньси* с точки зрения их влияния на бизнес, трактуя их как некий аналог русского «блата» и коррупции. Однако для комплексного понимания данного феномена необходима разработка концептуального подхода, в котором рассмотрение *гуаньси* будет многоаспектным. Китайская культура и обычаи представляют особый интерес для исследователей-востоковедов, что обуславливает большую теоретическую значимость подобных исследований. В то же время нельзя отрицать интенсивную интеграцию китайской нации в глобальный международный бизнес, поэтому исследование *гуаньси* и их роли в построении делового взаимодействия также имеет важную практическую значимость.

Литература

1. Luo Yadong. Guanxi and Business. 2000. 342 p. (Asia-Pacific Business Series. Vol. 5)
2. Mandarin Chinese dictionary / by F. F. Wang. Seton Hall University Press, 1967. 798 p.
3. Schuessler A. A dictionary of Early Zhou Chinese. University of Hawaii Press, 1987. 876 p.
4. Mathews' Chinese-English dictionary. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1956. 1226 p.
5. Chinese-English Dictionary of Modern Communist Chinese Usage / U. S. Department of Commerce, National Bureau of Standards, Inst. for Applied Technology, 1966. 845 p.
6. Dictionary of spoken Chinese / comp. by the Staff of the Inst. of Far Eastern Languages. Yale University Press, 1966. 1071 p.
7. A modern Chinese-English Dictionary for students / by Huang C. C. Lawrance. Kansas: The University of Kansas, 1968. 648 p.
8. Lin Yutang's Chinese-English Dictionary of modern usage. The Chinese University of Hong Kong, 1972. 1720 p.
9. Times Chinese-English dictionary. Federal Publ. Singapore, 1980. 564 p.
10. A concise Chinese-English Dictionary. Beijing: The commercial press, 1982. 862 p.

11. An everyday Chinese-English Dictionary. New York: Hippocrene Books Inc., 1990. 881 p.
12. Zhongda Chinese-English Dictionary / ed. by D. Liang and J. Zheng. Chinese University Presss, 1999. 1141 p.
13. Бурова С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск, 2010. 455 с.
14. Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа / пер. с кит., вступ. ст. В. М. Крюкова. М., 1989. 245 с.
15. 浮石. 中国式关系. 北京,金城出版社, 2011. [*Fu Shi. Zhongguoshi guanxi. Beijing, Jingcheng chubanshe, 2011.*] 228 с.
16. Спешинев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2011. 336 с.
17. Спешинев Н. А. Южане и северяне (к вопросу об этнопсихологии китайцев) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 2. С. 67–77.
18. Бочаров В. В. Неписанный закон: Антропология права. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 383 с.
19. Маслов А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М.: Рипол Классик, 2010. 288 с.
20. Малявин В. В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М.: Европа, 2007. 304 с.
21. Каткова Н. М. Стратегичность мышления и поведения как характерная особенность китайской цивилизации // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2011. Вып. 2. С. 76–85.
22. Марченко В. А. Как стать сюнди. СПб.: Амфора, 2013. 448 p.
23. Yang M. H. Gifts, favors, and banquets: the art of social relationship in China. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 278 p.
24. So Yingjun, A. Walker. Explaining guanxi: the Chinese business network. New York, 2006. 169 p.
25. Zhu Yunxia, Zhang Allee Mengzi. Understanding guanxi (connections) from business leaders' perspectives // Business Communication Quarterly. Sep. 2007. Vol. 70. Issue 3. P. 385–389.
26. Smart A. Guanxi, gifts, and Learning from China: a review essay // Anthropos. 1998. Bd 93, H. 4/6. P. 559–565.
27. Yan Y. The flow of gifts, reciprocity and social networks in a Chinese Village. Stanford, 1996. 280 p.
28. Social connections in China: institutions, culture, and the changing nature of Guanxi / ed. by T. Gold, D. Guthrie, D. Wank. Cambridge University Press, 2002. 275 p.
29. Contract, Guanxi, and dispute resolution in China / ed. by Tahirih V. Lee. New York: Garland Publishing, Inc., 1997. 443 p.
30. Gold T. B. After comradeship: personal relations in China since the Cultural Revolution // The China Quarterly. 1985. N 104. P. 657–675.
31. Burderi R., Huang T. G. Guanxi (The Art of Relationships): Microsoft, China, And Bill Gates's plan to win the road ahead. 2006. 320 p.
32. Peng M. W. Controlling the foreign agent: how governments deal with Multinationals in transition economy // Management International review. Feb. 2000. Vol. 40. P. 141–165.
33. Lin Liang-Hung. Cultural and organizational antecedents of guanxi: the Chinese cases // Journal of business ethics. 2011. N 99. P. 441–451.
34. Fang Y. The importance of guanxi to multinational companies in China // Asian Social Studies. July 2011. Vol. 7, N 7. P. 163–168.
35. Ledeneva A. Blat and guanxi: informal practices in Russia and China // Comparative studies in society and history. 2008. N 50(1). P. 118–144.
36. Michailova S., Worm V. Personal networking in Russia and China: Blat and Guanxi // European Management Journal. Aug. 2003. Vol. 21, N 4. P. 509–519.
37. Кривохиж С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеэкономической практике Китая // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 3. С. 103–112.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Veselova Lyudmila S. — аспирант; milaveselova@gmail.com

Veselova Liudmila S. — post graduate student; milaveselova@gmail.com

В. Н. Колотов

ТЕХНОЛОГИИ ГИПНОЗА В МИССИОНЕРСКОЙ ПРАКТИКЕ ИЕЗУИТОВ ВО ВЬЕТНАМЕ XVII века¹ (ЧАСТЬ 3)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В статье впервые предпринята попытка проанализировать с привлечением специальной литературы по психотерапии и гипнологии хорошо известный источник первой половины XVII в. — «Катехизис за восемь дней» как эффективный инструмент по изменению религиозной идентичности населения Вьетнама. В исследовании посредством современной терминологии описаны использовавшиеся миссионерами механизмы и технологии вербального воздействия и внушения, которые позволяли им перепрограммировать психику и менять модели поведения местных жителей. Данный подход объясняет не только почему, но и как иезуит Александр де Род с помощью составленного им «Катехизиса за восемь дней» смог начать процесс массовой католизации Вьетнама. Примененная им технология сравнивается с методикой другого выдающегося иезуита — Маттео Риччи, который работал в Китае. Изучение и систематизация исследованного материала приводит к выводу о том, что при обращении в католицизм во Вьетнаме в XVII в. европейские миссионеры на высоком профессиональном уровне использовали технологии боевого гипноза, однако они применяли их не в терапевтических, а в политических, вернее, даже геополитических целях. Библиогр. 23 назв. Ил. 1. Табл. 1.

Ключевые слова: католицизм, католизация, катехизис, технологии обращения, культурная адаптация, дискредитация, гипноз, психокоррекция.

HYPNOSIS IN JESUIT MISSIONARY ACTIVITIES IN 17th CENTURY VIETNAM (PART 3)

V. N. Kolotov

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article is the first attempt to analyze the well-known source of the first half of the 17th century “Catechism explained in Eight days” as an effective tool to change the religious identity of the population of Vietnam from the point of view of psychotherapy and hypnology. The study describes by modern terminology the techniques and technologies of verbal influence and suggestion used by the missionaries, which allowed them to reprogram the mind and change the behavior of local residents. This approach explains not only why, but also how a Jesuit Alexander de Rhodes could begin the process of mass Catholicization in Vietnam with his book “Catechism explained in Eight days”. This technology is compared to the methods of another prominent Jesuit Matteo Ricci, who had been working in China. The research and systematization of the available information leads to the conclusion that during the conversion to Catholicism in Vietnam in the first half of the 17th century European missionaries at a high professional level had used battle hypnosis technology, which they applied not for therapy, but for political and even geopolitical purposes. Refs 23. Fig 1. Table 1.

Keywords: Catholicism, catholicization, catechism, conversion technology, cultural adaptation, defamation, hypnosis, psychological correction.

В результате жесткой боевой «психотерапии» (таблица) прослушавшие «Катехизис за восемь дней» превращались в воинствующих неопитов, уже иначе, в интересах миссионеров, ориентировавшихся в окружающей действительности, что вырождалось крайне нетерпимым отношением к традиционным учениям.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта НИР СПбГУ «История Азии и Африки в контексте геокультурной парадигмы глобального развития» (Шифр ИАС: 2.38.103.2012).

Таблица. Технология перепрограммирования по «Катехизису за восемь дней»

Стадии гипнотического транса по М. Эриксону и В. А. Доморацкому	Соответствующие «дни» по «Катехизису за восемь дней»	Задачи миссионера на данном этапе
1. «Фиксация внимания»	«День первый. Религия Небесного Правителя»	Вызвать неподдельный интерес к проблеме, зафиксировать внимание, завоевать доверие. Сузить фокус внимания и направить его вовнутрь.
2. «Депотенциализация сознания»	«День второй. Небесный Правитель» «День третий. Самый лучший Мастер» «День четвертый. Ложные религии»	Перегрузить «буфер обмена», запутать, сбить с толку, запутать, чтобы сместить фокус на внутренние эмоционально окрашенные переживания, а затем погрузить аудиторию в транс.
3. «Запуск бессознательного поиска»	«День четвертый. Ложные религии»	Усилить состояние страха и ужаса, запугать, разрушить привычную картину мира, выбить из колеи, дискредитировать «старые» религии и демонизировать их основателей, провести десакрализацию «старых» ценностей, жестко сломать психику.
4. «Бессознательный процесс»	«День пятый. Единый Бог в трех лицах порождает спасителя мира» «День шестой. Самый лучший лекарь» «День седьмой. Кроткий католик и злой волк»	Провести внушение, перепрограммировать и загрузить в подсознание новые установки новой системы координат, новых ценностей, новой картины мира, что хорошо и что плохо.
5. «Гипнотический ответ»	«День восьмой. Десять ступеней, ведущих в рай»	Показать выход из «тупика» слушателю, с тем чтобы тот окончательно и бесповоротно стал конвертитом. Постгипнотическое внушение.

Источники: [1; 2, с. 56–58; 3, с. 251–256].

Теория «мягкого гипноза» была разработана и получила распространение в практике Милтона Эриксона и его последователей с 1940–1950-х годов, тогда как практическое применение подобных технологий было зафиксировано в изданном в 1651 г. «Катехизисе за восемь дней». Разумеется, такие «совпадения» не могут быть признаны результатом случайного стечения обстоятельств. Милтон Эриксон — признанный специалист в области медицинского гипноза, который используется для лечения отклонений в психике пациентов, тогда как технологии иезуитов следует определить как религиозный, или миссионерский, гипноз (по аналогии с медицинским, эстрадным, криминальным, цыганским и пр.). Приведенное выше сравнение позволяет нам уверенно и аргументированно использовать именно этот термин для определения сути применявшейся иезуитами технологии воздействия в их прозелитической деятельности. «Залеченные» такой «психотерапией» люди превращались в конвертитов с весьма заметной с точки зрения «язычников» патологией, которая вскоре так ярко проявлялась в их поведении, что игнорировать их местным жителям, которые не были подвержены религиозной пропаганде или не затронуты католическими проповедями, оказывалось невозможно.

В антикатолических указах вьетнамских императоров, которые появились в ответ на рост католических общин, говорилось о том, что конвертиты ведут себя неадекватно и отличаются девиантным поведением. В августе 1826 г. вьетнамскому императору Минь Мангу, за которым в католической литературе закрепился эпитет «кровавого гонителя христиан», возмущенные чиновники подали петицию, в которой излагались их взгляды на религию и разоблачалась сущность католицизма: «Эта религия ложная и противоречит истинному учению. Она соблазняет народ и злоупотребляет его простотой; она использует страх мучений и ада, чтобы запугать слабых, и обещания небесных наслаждений, чтобы привлечь других» [4, р.323]. В том же документе чиновники, критикуя католицизм, отмечали, что «она [религия католиков] дошла до публикации своего особого календаря. У нее свой особый суд для разбора своих дел. ...С тех пор как эта религия проникла в королевство, тысячи человек ее стали исповедовать во всех провинциях. Те, кто проникся этой доктриной, будучи вне себя от возбуждения, бегают туда и сюда как безумные» [4, р. 323]. В последней фразе, кстати, чувствуется влияние на модели поведения неофитов «постгипнотического внушения», данного в последнем предложении «Катехизиса за восемь дней» [1].

Меткие наблюдения вьетнамских чиновников можно дополнить тем, что прошедшие курс «молодого католика» неофиты не только начинали вести себя неадекватно — это поведение зачастую доводило их до терминальных состояний. Именно на этой основе стало возможным формирование из неофитов института мучеников.

Особый случай психопатологии — измененное состояние сознания мученика, который в экстазе и эйфории идет на смерть. На гравюрах того времени, изображавших публичную казнь первого вьетнамского мученика Андре Чунга (рисунок), видно, как во время казни Александр де Род лично осуществлял контроль за психологическими и физиологическими параметрами, глядя ему в глаза и буквально

Казнь Андре Чунга. Гравюра художника Джасинто Бранди (1652)

Источник: [6]

держа руку на пульсе «опутанного иезуитами несчастного парня» [5, с. 42]. Статья, посвященная первому вьетнамскому мученику, а также гравюры с описанием, анализом, комментариями и изображениями его казни, была нами опубликована [7, с. 109–125].

В результате целенаправленной деятельности миссионеров происходило разрушение старых социальных и семейных связей и создание новых, также иерархических, но уже во главе с иностранными миссионерами, которые, по мнению неофитов, заботились о них и защищали их от притеснений местных властей.

Ради защиты своей новой веры вьетнамские католики готовы были убивать других и идти на смерть сами. Эта особенность в разной степени характерна для сторонников многих религий и основных идеологий. В христианстве тема мученичества играла центральную роль с самого начала. В буддизме наибольшую известность получили самосожжения монахов, протестовавших в 1963 г. в Южном Вьетнаме против притеснений по религиозному признаку.

Наиболее характерна данная проблематика для средневекового ислама. Российский востоковед Л. С. Васильев описывает технологию подготовки бесстрашных и беспощадных убийц в «государстве исмаилитов», которое было создано на севере современного Ирана. В расположенной высоко в горах неприступной крепости Аламут низаритские шейхи разработали уникальную технологию подготовки фидаинов². В рассказываемых ими историях про «целое» попадание в рай для тех, кто пожертвовал жизнью во имя веры, не было ничего принципиально нового; инновация состояла в том, что подававшие надежды ученики могли на практике проверить справедливость слов шейхов, отправляясь в кратковременную командировку... в рай. Обкуренных гашишем кандидатов переносили в специально устроенный для этих целей «райский сад», в котором к их услугам в изобилии были приготовлены изысканные блюда, напитки и, конечно же, «райские гурии» ослепительной красоты. В ходе такого турне в «райские кущи» у молодых людей не оставалось никаких сомнений в истинности обещаний своих учителей. Придя в себя после окончания действия наркотика и очутившись вновь в суровых и унылых буднях, «курсанты» школы фидаинов были готовы на все, чтобы выполнить любой приказ столь могущественных шейхов и навсегда отправиться в «рай», в котором у них уже была возможность «побывать» и куда их снова тянуло. Контролировавшие подготовку этих фанатиков шейхи в течение долгого времени пользовались заслуженным уважением и внушали соседям настоящий ужас. Кстати, французский термин «assassin» («убийца») произошел от слова «gashashin», обозначающего описанных выше обкуренных гашишем фидаинов, которых готовила эта религиозная секта. Только в середине XIII в. войска монгольского хана Хулагу покончили с «государством исмаилитов» [8, с. 167–168]. Конечно, в подготовке фидаинов центральную роль играл не гипноз в чистом виде, но тем не менее после соответствующей суггестивной обработки кандидаты погружались в некое трансное, измененное состояние сознания, вызванное действием наркотика, который отключал левополушарную область, а пребывание в «райском уголке» «убеждало» в существованиирая со всеми его легендарными атрибутами и даже «промо-туром», а также бронировании там места, разумеется, при соблюдении ряда условий мудрых шейхов. Все это радикально меняло формат

² Фидаин — жертвующий, мученик.

поведения объекта воздействия в этом мире. К фидаинам применялось не только традиционное для гипноза вербальное воздействие, но и психотропные препараты на основе конопли с психоактивными веществами, которые снимали леповолушарную защиту и усиливали силу внушения. Приобретенный «загробный опыт» добавлял уверенности в истинности обещаний шейхов, благодаря чему достигался стойкий эффект по изменению моделей поведения.

На первый взгляд, даже гипотетическая связь между фидаинами и иезуитами выглядит натянутой, однако факты говорят об обратном. Эрик Фратини описывает, как в XVI в. агенты Священного Альянса (разведслужбы Ватикана) устранили короля Шотландии Генри Дарнлея. Причем это было сделано весьма экзотическим способом, очень сильно напоминавшим почерк ассасинов из средневековой крепости Аламут. Объясняется такой «трансфер технологий» тем, что в первой половине XIII в. эти удаленные места посетил венецианец Марко Поло, оставивший подробные описания технологий подготовки убийц и изощренных методов ликвидации оппонентов. Позднее эти записи попали к миссионеру-иезуиту Маттео Риччи, когда он останавливался в этом регионе [9, с. 41–42], а от него уже были переправлены в Ватикан, где пришлось весьма кстати.

В «Катехизисе за восемь дней» индивид ставился перед личным выбором — *ты* молишься неправильным богам, и именно *ты* за это неотвратимо будешь отвечать после смерти, потому что сейчас это проверить невозможно. Поклонение бесам — тяжкий грех, за который наступит неотвратимая суровая кара! Избежать ее можно только приняв крещение и став католиком. Личный выбор приводил к изоляции и отторжению неопита «языческой» средой, поэтому из таких отверженных «отщепенцев» стали создаваться общины. Ненависть к ним подогревалась их кощунством и «оскорблениями идолов»; так стали создаваться сплоченные религиозные сообщества со своей моралью, правилами, нормами, ценностями и своими духовными лидерами — иностранными миссионерами. В одном случае, когда это было нужно, использовались искусная маскировка и конспирация со своей письменностью, которую не понимали непосвященные, в другом — грубые провокации и циничные публичные оскорбления святынь «язычников». «Оскорбление идолов» [10, р. 179] для одних (конвертитов) — норма, для других («язычников») — патология. Что осуждалось в одной среде, то восхвалялось в другой. Предатель здесь был героем там, и наоборот.

Посеянные де Родом и другими миссионерами семена межконфессиональной вражды дали буйные зловещие всходы. Очень важную роль в этом процессе сыграло воспитание католиков в стиле «Катехизиса за восемь дней», который стал основой в деле изменения религиозной идентичности местного населения, поддержания «живой веры» среди обращенных, а также причиной лютой ненависти неопитов к «язычникам» и нападений на «языческие храмы».

Информация об актах вандализма очень быстро становилась широко известной. В 1649 г., как отмечает Анри Шаппули, в одном храме католики начали насмехаться над ритуалами почтения, которые язычники делали в отношении скульптурного изображения своего божества. «Один католик попытался доказать, что никакой божественной силы нет в этой статуе: он побился об заклад, что отрубит голову идола одним ударом сабли» [11, р. 194]. Этот инцидент «закончился взрывом возмущения буддистов по всей стране» [5, с. 45].

Так, ставший позднее мучеником «Фадей Тхо, однажды, вняв только своему усердию, проник в пагоду и разбил статую Конфуция — великого законодателя Китая. Вскоре он был схвачен и препровожден в суд, где его спросили о причинах такого поступка. “Я поклоняюсь только единственно верному Богу, отвечал он, я ненавижу всех этих идолов, которые представляют из себя только презренных тварей”» [12, p. 307].

Разумеется, распространение информации о нападении католиков на «языческие» храмы и ответные действия местных властей, а временами и аналогичные нападения на католические церкви способствовали появлению и углублению взаимного недоверия между католиками и буддистами. Европейские миссионеры были заинтересованы именно в таком сценарии развития событий, поскольку таким образом происходило сплочение католических сообществ и их закалка для последующих свершений. Однако это был только стихийный начальный этап реакции вьетнамской среды на нарушения многовековых культурных и моральных устоев, за которым последовали гонения.

Возможная реакция аудитории на получение шоковой информации об устройстве потустороннего мира и действующих там законах и правилах в отношении конкретных индивидов, которые неправильно ведут себя в этой жизни, была заранее просчитана хитроумными миссионерами. Тут сработывал принцип, который много позднее стал известен как «дешевая страховка». Его действие усугублялось тем, что проигнорировать полученную информацию было сложно, проверить при жизни невозможно, а ПРАВИЛЬНО прореагировать на нее надо было прямо сейчас, что еще больше нервировало и выбивало из привычной колеи. Возможны были два варианта реакции:

- 1) отторжение (миссионер неправ);
- 2) принять к сведению (миссионер прав).

Во втором случае продолжение шло по одному из двух сценариев:

- а) если поклоняться традиционным Богам, можно навечно попасть в ад;
- б) если отречься от традиционных Богов и следовать советам и практическим

рекомендациям миссионера, то можно навечно попасть в рай.

Таким образом, появилась дилемма выбора, и окончательное решение зависело от количества затраченных усилий и полученных выгод. От выбитого из привычной колеи и колеблющегося человека «всего-то» требовалось перестать поклоняться одним богам и начать почитать другого. За это можно «зарезервировать» для себя вечное место в раю, тогда как остальные, те, кто сохранит приверженность традиционным учениям, попадут в ад. Тем самым наименее затратным и психологически комфортным способом слушатель в процессе «бессознательного поиска» подводился к «логическому» выводу о том, что надо становиться католиком. Приняв такой выбор, человек спасался от страха «вечных мук» для себя, благодаря чему достигалось некое внутреннее ощущение душевного комфорта. На этой основе культивировалось чувство превосходства среди тех, кто «спасется» под руководством столь уверенных в себе и хорошо информированных миссионеров.

Ознакомление с содержанием «Катехизиса за восемь дней» запускало механизм, который вел в направлении обращения «заблудших язычников» в «истинную веру». По сравнению с сакральной информацией исключительной значимости, полученной во время проповедей, все остальные земные проблемы становились сущей мелочью,

«суетой сует». Фокус внимания смещался в сторону внутренних переживаний. «Бессознательный поиск» уносил в иное измерение, где у неофитов в транс возникали эмоционально окрашенные параноидальные галлюцинации с освещаемыми яркими всполохами адского пламени призраками и демонами, нетерпеливо ждавшими их неминуемой смерти, чтобы жестоко покарать за поклонение ложным богам, в которых они когда-то так искренне верили. Все это мотивировало неофитов активно действовать на этом свете с целью избежать попадания в ад и «застолбить» для себя наиболее теплое местечко на том свете. Доведя слушателей до такого трансового состояния, миссионер получал доступ к мощному потенциалу бессознательного слушавшей его аудитории, где он уже мог работать над конструированием их нового «я», с новыми именами, привычками, образом жизни, моделями поведения, верой в новых богов и высокомерным отрицанием «старых». Прежние «языческие» ценности неофитов-католиков подвергались десакрализации. После «переструктурирования психики» то, что раньше вызывало трепетное благоговение, теперь вызывало ярую ненависть — впрочем, как и католические проповеди у «язычников».

Так при активной поддержке миссионеров стали формироваться тесно сплоченные религиозные сообщества, у которых сложились, мягко говоря, неприязненные отношения с носителями традиционных культов. После прослушивания проповедей, подготовленных по методике Александра де Рода, когда на неподготовленных прихожан обрушивалась яростная критика традиционных культов и грамотная апологетика католицизма со стороны опытного и искушенного пропагандиста, многие местные жители действительно переходили в католицизм и становились яростными поборниками новой веры, отличаясь лютой ненавистью к традиционным вьетнамским религиям и культам, а также к их носителям. Именно эта технология сдвинула процесс массового изменения религиозной идентичности местного населения с мертвой точки. Напомним, что Александр де Род прибыл во Вьетнам лишь в конце 1624 — начале 1625 г., в результате применения разработанных им технологий количество обращенных к 1629 г. достигло 6,7 тыс. [12, р. 15; 13, р. 39], а к 1639 г. — почти 82 тыс. [14, р. 69]!

Несмотря на справедливые упреки в адрес Александра де Рода в том, что он был весьма поверхностно знаком с восточными учениями и религиями, которые жестко критиковал, следует отметить, что их всестороннее изучение и не входило в его планы. Он стремился к созданию местных религиозных сообществ, и составленная им «методичка» эффективно выполняла эту роль, даже находясь в руках другого «ловца душ», поскольку позволяла дискредитировать местные традиции и верования, убедить попавшего в «сети» католических миссионеров человека переменить веру. Это была очень действенная адаптация классического катехизиса, выполненная для условий Вьетнама [15, с. 541–548].

Представляется глубоко символичным, что именно такая книга стала первым произведением, вышедшим на вьетнамской латинице. Вот какое «наставление в вере» получали местные католики. Как отмечает сам Александр де Род в одной из своих книг, его «катехизис содержит в себе метод, который мы использовали для представления наших таинств язычникам. Это может быть полезно любому, кто захочет оказать нам помощь в проповедовании учения Иисуса Христа на языках, которые раньше использовались только для того, чтобы славить бесов» [16, р. 74; 17, р. 50].

«В 1640 г. де Род снова вернулся в Кохинхину, — отмечает Тю Ван Чинь, — где своими проповедями он настраивал народ против властей, занимался дискредитацией местных обычаев, учил местных католиков разрушать алтари поклонения предкам, ломать статуи Будды» [13, р. 39]. Такое поведение неопитов, которые начали практиковать осквернение «языческих» святынь, нападения на пагоды, где они срубали «языческим» «идолам» головы, стало следствием изменения моделей поведения, что произошло в результате катехизации и психокоррекции.

Именно такие принципы были положены в основу деятельности европейских миссионеров во Вьетнаме. Они обливали грязью местные культы и традиции, стремились вызвать отвращение к ним у местного населения, запугать его посмертными карами, тут же предлагая взамен этим «бесовским суевериям» «вечную жизнь» после смерти. На этой основе им внушалось чувство собственного превосходства над местными «язычниками» и презрение к ним.

С помощью этой книги миссионеры за несколько лет создали тесно сплоченное религиозное сообщество, отделенное от основной массы населения не только религией, календарем, именами, но и своей особой письменностью. Изданный в 1651 г. «Катехизис за восемь дней» представляет собой блестящий пример гипноза и нейролингвистического программирования, который эффективно выполнял роль дискредитации традиционных верований и обращения в католицизм, являясь фундаментом католической пропаганды во Вьетнаме.

Вот так, используя страх посмертных кар, мучений и адских страданий, миссионеры реорганизовывали население и перекраивали в своих интересах структуру политической власти в этом мире!

Благодаря миссионерам и их агентуре, которая служила им в буквальном смысле верой и правдой, политики на Западе были гораздо лучше информированы о Вьетнаме, чем вьетнамские правители — о западных колониальных державах. Зачастую единственным каналом информации вьетнамской политической элиты о европейских делах были те же самые миссионеры, которые могли «кормить» их дезинформацией не то что годами, а столетиями, одновременно собирая и передавая куда надо релевантную информацию о Вьетнаме.

Европейские миссионеры не только долго и тщательно изучали Вьетнам, но и применяли полученные знания на практике, работая в направлении установления власти европейских держав на этой территории. Вьетнамские власти знали о миссионерах и политике европейских держав намного меньше, поэтому неудивительно, что миссионеры «переиграли» вьетнамских правителей на их же территории, искусно используя обращенных в католицизм в своих интересах в политической борьбе против местных властей.

Первым, кто предложил вооруженный захват Вьетнама еще в 1652 г., был Александр де Род. Он сам пишет об этом в своей книге «Различные путешествия и миссии о. Александра де Рода в Китае и других королевствах Востока с его возвращением в Европу через Персию и Армению» [16, р. 338–339]. Причем католические историки, пытаясь скрыть или исказить этот факт, используют сфальсифицированный перевод его письма французскому правительству, заменяя «солдат» на «миссионеров». Вот корректный перевод отрывка из этого послания: «Я верю, что Франция, будучи, наиболее набожной страной в мире, предоставит мне солдат, которые пойдут на завоевание всего Востока и подчинят его Иисусу Христу, там я найду средства обяза-

вестись епископами, которые будут нашими Отцами и Учителями в этих церквях. Я покинул Рим с этим намерением одиннадцатого сентября тысяча шестьсот пятьдесят второго года после того как поцеловал ноги Папе» [16, р. 338–339].

Поэтому ко времени колониального вторжения, которое началось 200 лет спустя при самой активной поддержке католических епископов, долго и агрессивно его лоббировавших, Вьетнам был не готов. При ответе на вопрос, как в 1858 г. 3,5 тыс. солдат французско-испанского экспедиционного корпуса отважились напасть на страну с почти десятиmillionным населением [18, р. 53; 19, tr. 2], следует помнить об эффективной подрывной работе миссионеров, в результате которой французского нашествия с нетерпением и надеждой ждало более чем полумиллионное католическое население Вьетнама [20, р. 104–105], которое с оружием в руках воевало плечу к плечу с колонизаторами.

Вьетнамские правители воспринимали миссионеров по отдельности, отдельно рассматривались и проблемы, которые порождались их деятельностью, и пытались, достаточно непоследовательно, решать только эти отдельные проблемы (высылка миссионеров, запрет пропаганды), но не видели ситуацию в целостности, системно, не понимали закономерностей, которые стояли за миссионерской деятельностью и не чувствовали колониальной угрозы. Получалось, что «за деревьями они не видели леса». В их сознании тактическое восприятие окружающего мира доминировало над стратегическим.

Выводы

В результате проведенного выше рассмотрения источника XVII в. мы пришли к следующим выводам:

1) Анализ содержания «Катехизиса за восемь дней» позволяет определить его текст как психоактивный, со «встроенными» «закладками», постепенно вводившими слушателей в измененное состояние сознания, близкое к стадиям гипнотического транса, характерным для эриксоновского гипноза. Иными словами, речь идет о краткосрочном курсе боевой психокоррекции.

2) На конкретных примерах было показано использование в проповедях психотехник и технологий (не только гипноза, но и НЛП) для оказания скрытого психологического воздействия на слушателей проповедей.

3) Регулярное перечитывание миссионерами и катехистами «Катехизиса за восемь дней» в сочетании с аналоговым маркированием и встроенными командами позволяло существенно усилить его воздействие на психику аудитории.

4) В миссионерской работе Александр де Род и его последователи использовали технологии жесткого боевого гипноза, который менял модели поведения паствы в нужном миссионерам русле, что позднее использовалось для проведения управляемой региональной дестабилизации на религиозной почве.

5) Таким образом, к многочисленным способностям и навыкам иезуитов, искусным владением которыми они в свое время прославились во многих странах Азии, следует добавить еще один — виртуозное владение боевым миссионерским гипнозом.

Рассматриваемый источник, «Катехизис за восемь дней», сыграл ключевую роль в процессе изменения религиозной идентичности, однако для понимания механиз-

мов воздействия на психику местных жителей необходимым оказалось привлечение дополнительного специального материала по психологии и гипнологии.

Милтон Эриксон полагает, что еще «с незапамятных времен истории и притчи служили способом передачи культурных ценностей, этики и морали. Даже самую горькую пилюлю можно легко проглотить, если она покрыта сладкой оболочкой. Прямое моральное поучение можно отбросить, но руководство и наставления, облеченные в форму интересно рассказанной, интригующей и приятной истории, воспринимаются легко» [21, с. 6]. Истории, рассказанные Александром де Родом, были очень интересны, но не всегда приятны для слушателя, у него был значительно более жесткий подход и совершенно другие цели. Применение его метода радикально меняло отношение к реальности и мотивировало прихожан на агрессивное поведение. Причем они шли на это, несмотря на порой смертельный риск.

«Существует внушительное число приемов, обеспечивающих трансформацию бессознательных структур, ответственных за дисфункциональное поведение человека» [2, с. 74]. Именно эту задачу и пытались решить миссионеры, ведь с их точки зрения поклонение «бесам» и «идолам» — явная дисфункция. Наиболее эффективным способом исправить патологию в поведении «язычников» является использование «метафоры, чтобы выразить определенную мысль в непрямой, но, тем не менее, впечатляющей форме» [2, с. 74]. Данный феномен объясняется тем, что «обработка сообщений метафорического типа происходит в правом (недоминантном) полушарии, которое в наибольшей степени связано с формированием невротических и психосоматических симптомов» [2, с. 78–79].

«Катехизис за восемь дней» написан очень ярким и образным языком, в котором употребляется много весьма специфических метафор. В рассматриваемом контексте «метафора содержит явное послание, удерживающее внимание на сознательном уровне, и второе (скрытое) значение, имеющее отношение к проблемам пациента и возможным путям их разрешения» [2, с. 62]. Грамотное использование заранее разработанных метафор представляет собой ключевой элемент во время процесса внушения. «Терапевтическая метафора <...> является особым видом вербального косвенного внушения и действует на нескольких уровнях. Буквальное (явное) значение метафоры обращено к сознанию пациента, в то время как второе, скрытое значение адресовано к его подсознанию, оказывая активирующее и реорганизирующее влияние на бессознательные процессы» [2, с. 78].

Миссионеры во время проповедей сами обозначали и навязывали внимающим их слушателям актуальные проблемы, причем в используемые ими «терапевтические метафоры» были заранее «вшиты» определенные закладки с глубоким символическим смыслом. Такая «метафора должна быть изоморфной (подобной) проблеме пациента, <...> должна предлагать замещающий опыт; в ней должны содержаться примеры таких способов разрешения проблемы, которые пациент может обобщить и спроецировать на себя» [2, с. 80]. Таким образом, фокус восприятия в ходе такого изоморфного проецирования навязанных проблем смещается у слушателя внутрь его собственных, эмоционально окрашенных переживаний, при этом происходит депотенциализация сознания, и человек входит в транс.

Использование обходных витиеватых фраз и психологических маневров с целью изменения шаблонов и моделей поведения вполне оправданно. Метод Александра де Рода был менее логичен, чем у Маттео Риччи, однако он оказался более

эффективным. Связано это с тем, что «многие проблемы, страхи иррациональны по своей природе, поэтому требуется иной, менее логичный, порой парадоксальный подход, который позволяет выйти за рамки привычных ограничений» [2, с. 79–80]. Миссионерские запугивания призраками, бесами, вызывая чувство вины за тяжкие грехи, совершенные в этой жизни, с первых страниц выбивали из привычной колеи и уводили мысли прихожан далеко за рамки традиционных ограничений местной культурной традиции.

В процессе изменения религиозной идентичности и активной информационной обработки потенциальных неофитов использование технологий прямого и косвенного внушения намного более продуктивно, чем попытки убедить с помощью логических построений. Как отмечал выдающийся российский психиатр и физиолог академик В. М. Бехтерев, «внушение в отличие от убеждения проникает в психическую сферу без активного внимания, входя без особой переработки непосредственно в общую сферу и укрепляясь здесь, как всякий предмет пассивного восприятия» [22, с. 14].

Содержащийся в проповедях образный язык символов и метафор обладает мощным потенциалом психокоррекции. Нужная мысль, в случае грубого навязывания (буддизм плохой, поэтому все сразу быстро принимаем католицизм) будет с негодованием отвергнута, однако в интересной иносказательной упаковке притч и рассказов с обещаниями изменить жизнь в лучшую сторону, пусть даже и после смерти, она имеет высокие шансы успешно миновать критический фильтр сознания. Такая метафорическая оболочка обеспечивала доставку сообщения именно в ту часть подсознания, которая была нужна миссионеру, и именно там она «взрывалась», поражая альтернативные паттерны и внося сумбур в ряды противника.

Изучение и систематизация исследованного материала приводит к выводу о том, что при чтении проповедей на основе «Катехизиса за восемь дней» и обращении в католицизм миссионеры на высоком профессиональном уровне использовали элементы технологий, которые в наши дни называются гипнозом и НЛП, однако они применяли их не в терапевтических, а в политических, вернее, даже геополитических целях! Это более **жесткая боевая версия** воздействия на психику, которая была на практике использована миссионерами за триста лет до разработок М. Эриксона и привела к политически значимому изменению поведенческих реакций больших масс людей. Использование не прямых методов косвенного внушения под на первый взгляд, невинным покровом отвлеченных от обычной жизни религиозных проповедей существенно повышало эффективность воздействия. Технологии вербального воздействия миссионеров, менявшие модели поведения местных жителей, подробно описаны нами с использованием современной специальной терминологии. Для корректного описания примененного миссионерами метода изменения религиозной идентичности местного населения считаем целесообразным использование термина «религиозный» или «миссионерский гипноз», поскольку между терапевтическим воздействием и миссионерским есть существенная разница в целях, хотя технология работы очень похожа. С точки зрения миссионеров поведение «язычников» воспринималось как патология, которую следовало «вылечить». В структуру и содержание «Катехизиса за восемь дней» были «зашиты» специальные «закладки» в виде историй и метафор с двойным и тройным смыслом, использование которых позволяло получить доступ к бессознательным процессам и массово перепрограммировать

прихожан, что стало первым шагом на пути создания действительно массовых уже не подлежащих дезинтеграции религиозных сообществ во Вьетнаме того времени.

В психотерапевтической литературе часто повторяется мысль о том, что в состоянии транса человек не может совершить поступок, противоречащий его ценностям и моральным убеждениям. Однако следует помнить о том, что гипноз используется не только в лечебных целях, но и в противоправных криминальных деяниях, когда применяются технологии как индивидуального, так и массового психического кодирования. Опыт низаритских шейхов, иезуитов, а также их последователей как в те века, так и в наше время неопровержимо и красноречиво свидетельствует об этом. После сеансов жесткого гипноза подвергшиеся профессиональной психологической обработке люди совершали противоправные действия, включая даже жестокие убийства. Исследованию этой сложной проблемы посвящена монография авторитетного российского гипнолога и психофизиолога Л. П. Гримака [23], в которой рассматриваются «юридические и этические проблемы гипноза» [24, с. 3], метко определенные Э. Фроммом как его «тринадцатый аспект» [23, с. 3]. В этом контексте человеческая психика предстает как своеобразное поле беспощадной битвы между криминальным и следственным видами гипноза [23, с. 158], когда сделанные специалистами правоохранительных органов контрвнушения позволяют снимать противоправные установки, внушенные преступниками и привлекать криминальных гипнотизеров к ответственности. В настоящее время использование такого гипноза в следственной и судебной практике получило широкое распространение в Израиле, США и Германии [23, с. 7, 183–185].

В более позднее время к технологиям информационного воздействия, а также управления массовым сознанием и измененным состояниям сознания также проявляли заметный интерес спецслужбы. Во время мировых войн, а также холодной войны эти технологии получили мощнейшее развитие. По мнению генерал-майора КГБ СССР, начальника первого главного управления КГБ Ю. И. Дроздова, «разработка технологий управления массовым сознанием основывалась на теории информационных вирусов, как специфического инструмента ведения войны. Информационный вирус — это ряд очевидных умозаключений, преподносимых в определенной комбинации, приводящей к дезориентации массового сознания... В современной западной военной науке эти операции получили название информационных, а СМИ окрестили их «психологической войной»» [24, с. 296].

В настоящее время в данной области достигнут значительный прогресс за счет использования технических и электронных систем комплексного воздействия на психику. В самых последних разработках речь идет уже о технологиях создания психотронного оружия.

Современные системы комплексного информационного воздействия влияют на большинство людей: подвергающийся целенаправленной информационной обработке превращается в *homo desinformaticus* — человека дезинформированного, поскольку он функционирует в искусственно созданном информационном поле религиозного, идеологического, политического, корпоративного и прочих планов.

Отдельного внимания заслуживает геополитическое измерение массового воздействия на психику. Использование технологий изменения религиозной идентичности позволяет в стратегически важных регионах распространять радикальные формы тех или иных религий, выполняя глубокое переформатирование геокультур-

ных пространств, тем самым надолго погружая их в пучину управляемой региональной дестабилизации. В ходе реализации указанных выше программ значительные массы ничего не подозревающего местного населения практически бесплатно используются в качестве «пушечного мяса» в чужих геополитических проектах. Однако даже с высоты современного развития этих технологий достижения и наследие миссионера-иезуита XVII в. до сих пор представляют значительный научный интерес. Александр де Род ушел в иной мир в 1660 г., но его голос посредством написанного им «Катехизиса за восемь дней» продолжает звучать сквозь века.

P. S.

В 2000 г. в Министерстве обороны США был обнародован документ с характерным названием «Joint Vision 2020», в котором ставится масштабная задача создания нового вида вооруженных сил под названием «объединенные силы специальных операций» [23, с. 184]. Как полагают российские аналитики Ю. И. Дроздов и А. Г. Маркин, которые внимательно ознакомились с этим документом, данные подразделения должны быть «укомплектованы хорошо подготовленными в оперативном, психологическом, и идеологическом плане специалистами, высокообразованными, в совершенстве знающими язык и культуру тех стран, куда их забрасывают. В их задачу входит проведение мероприятий, направленных на дискредитацию правительства, расшатывание экономики, дестабилизацию системы государственного и военного управления, разрушение морали и нравственности и т. д.» [24, с. 184] А ведь похожая система уже достаточно эффективно работала еще в первой половине XVII в.

Литература

1. *Rhodes de A. Cathéchismus. Pro ils, qui volunt suscipere Baptismum in octo dies divisus. Phép giảng tám ngày. Cho kẻ muốn chịu phép rửa tội mà vào đạo thánh Đức Chúa Trời.* Rome: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1651.
2. *Доморацкий В. А.* Краткосрочные методы психотерапии. М.: Психотерапия, 2008. 304 с.
3. *Эриксон М.* Гипнотические реальности: Наведение клинического гипноза и формы косвенного внушения / М. Эриксон, Э. Росси, Ш. Росси; пер. с англ. М. А. Якушиной; под ред. М. Р. Гинзбурга. М.: Класс, 2000. 352 с.
4. *Taboulet G.* La geste française en Indochine. Histoire par les textes de la France en Indochine des origines à 1914. T. I. Paris: Adrien Maisonneuve, 1955. 424 p.
5. *Берзин Э. О.* Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966. 324 с.
6. *Cadière L.* Iconographie du Père de Rhodes // Bulletin des Amis du Vieux Hue. 25 année, 1938. P. 27–62.
7. *Колотов В. Н.* Технология массовых обращений и институт мучеников: деятельность католических миссий во Вьетнаме в XVI–XIX вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XXV. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 109–125.
8. *Васильев Л. С.* История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 1998. 426 с.
9. *Фраттини Э.* Священный Альянс. Палачи и шпионы Ватикана. М.: Эксмо, 2007. 576 с.
10. *Veillot E.* La Cochinchine et le Tonkin. Le pays, l'histoire et les missions. Paris: Gaume frères, 1861. 438 p.
11. *Chappoulie H.* Rome et les missions d'Indochine au XVIIe siècle. Paris: Bloud et Gay, 1943. 452 p.
12. *Lange C.* L'Église catholique et la société des Missions Étrangères au Vietnam. Vicariat apostolique de Cochinchine XVIIe et XVIIIe siècles. Paris: L'Harmattan, 2004. 261 p.
13. *Chu Văn Trinh.* Alexander de Rhodes và chữ quốc ngữ. Alexander de Rhodes: National Language and Espionage. Florida: Văn Sử Địa, 1996.
14. *Schreiner A.* Abrégé de l'histoire d'Annam. Saigon: Imprimerie Coudurier & Montégout, 1906. 587 p.

15. Колотов В. Н. «Катехизис за восемь дней» как источник по методике обращения в католицизм во Вьетнаме в XVII веке // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока. Материалы научной конференции 7–10 февраля 2007 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 541–548.
16. Rhodes A. de. Divers voyages et missions du P. Alexandre de Rhodes en la Chine, & autres royaumes de l'Orient, avec son retour en Europe par la Perse et l'Arménie. Paris, 1653. 276 p.
17. Rhodes A. de. The travels and missions of Father Alexander de Rhodes in China and other kingdoms of the Orient / transl. by Solange Hertz. Westminster, Md.: The Newman Press, 1966. 245 p.
18. Gubry P. Population et développement au Viêt-nam. Paris: Karthala, 2000. 614 p.
19. Lâm Văn Bé. Những biến động dân số Việt Nam. URL: <http://namkyluctinh.org/a-xhdsong/lvbe-biendongdansovn.pdf>
20. Rouvier F. Loin de Pays. Paris: Victor Retaux, 1895. 407 p.
21. Эриксон М. Мой голос останется с вами: Обучающие истории [психа и фантазера] Милтона Эриксона / [пер. с англ.]; авт. предисл. Л. Хоффман; изд. и коммент. С. Розена. СПб.: Петербург-XXI век, 1995. 256 с.
22. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1908.
23. Гримак Л. П. Гипноз и преступность. М.: Республика, 1997. 304 с.
24. Дроздов Ю. И., Маркин А. Г. Операция «президент». От «холодной войны» до «перезагрузки». М.: Артстиль-полиграфия, 2010. 348 с.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2013 г.

Контактная информация

Колотов Владимир Н. — доктор исторических наук, профессор; vladimirkolotov@aim.com

Kolotov Vladimir N. — Doctor of History, Professor; vladimirkolotov@aim.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИ И АФРИКИ

УДК 327+94(520)

М. Н. Малашевская

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1945–2003 годов В РАБОТАХ ТОГО КАДЗУХИКО

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена концепции истории японской дипломатии второй половины XX в., предложенной Того Кадзухико в его научных работах на японском, русском, английском языках, изданных в 1990–2000-е годы. Основные положения своей концепции К. Того изложил в работе «История японской дипломатии 1945–2003 гг.: в поисках активной внешнеполитической роли» (2005) и в монографии «Тайные хроники переговоров по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей» (2007). Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: история японской послевоенной дипломатии, российско-японские отношения, японо-китайские отношения, японо-корейские отношения, Япония и США.

CONCEPTION OF THE HISTORY OF JAPAN'S FOREIGN POLICY 1945–2003 IN THE WORKS OF TOGO KAZUHIKO

M. N. Malashevskaya

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article reviews Togo Kazuhiko's concept of Japan's foreign policy of the second half of 20th century. He considers his historical conception and approaches on numerous issues on Japanese, English and Russian, published in the 1990–2000s. The main points of his concept are to be found in the monographs "Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy" (2005) and "The inside story of the negotiations on the Northern Territory. Five lost windows of opportunity" (2007). In this monograph author considers the main problems of Japans cooperation with USA, China, states of Korean Peninsula and Russia located in the region of North-East Pacific — the chief area of Japan's diplomacy according to Togo Kazuhiko. Refs 17.

Keywords: the history of Japan's foreign policy, Russia-Japan relations, China-Japan relations, Korea-Japan relations, Japan and USA.

В настоящей статье мы рассмотрим концепцию истории японской послевоенной внешней политики, которую предложил бывший японский дипломат Того Кадзухико (род. 1945) в ряде своих теоретических работ, интервью, лекциях. К. Того в своих трудах ставит проблему поиска более активной роли Японии в международ-

ных процессах и считает, что в послевоенный период стране не удалось приобрести политический вес на международной арене.

К. Того, служивший в Министерстве иностранных дел Японии с 1968 по 2002 г., является выходцем из семьи потомственных дипломатов: внук министра иностранных дел начала и конца войны на Тихом океане Того Сигэнори (1882–1950) и сын дипломата-американиста Того Фумихико (1915–1985; урожд. Хондзэ:). Мать К. Того — Исэ — единственный ребенок в браке С. Того и его супруги-немки Эдиты де Лаланде¹.

К. Того, выпускник Токийского Университета, поступил на службу в МИД в качестве карьерного сотрудника, он избрал своим направлением развитие отношений с СССР. Уже в 1972 г. он был направлен на службу в посольство Японии в Москве. В 1980–1990 гг. он занимал высокие посты в МИД Японии: секретарь министра иностранных дел Куранари Тадаси, начальник отдела СССР Евразийского департамента, глава канцелярии² посольства Японии в США, заместитель посла в посольстве Японии в Российской Федерации³, заместитель директора Евразийского департамента, заместитель министра иностранных дел, директор Департамента договоров, директор Европейского департамента. Он закончил свою карьеру в МИД в должности посла Японии в Нидерландах и в 2002 г. вынужденно вышел в отставку в связи со скандалом вокруг «группы Судзуки Мунэо»⁴. С 2002 г. К. Того стал приглашенным профессором в ряде европейских, азиатских, американских университетов, в последнее время считается в Японии признанным специалистом по международным отношениям и истории российско-японских связей.

К. Того, в основном работая на советском и российском направлении, в 1990-е годы выступал за активизацию диалога с новой Россией и в сотрудничестве с Сато Масару⁵ и парламентарием Судзуки Мунэо приложил немало усилий для развития многосторонних связей между двумя странами. После отставки в 2002 г. К. Того начал теоретическое осмысление истории японской дипломатии и в особенности истории российско-японских отношений 1980–1990-х годов.

Его концепция истории японской послевоенной дипломатии начала оформляться благодаря курсу лекций, которые К. Того читал в 1995–1996 гг. в МГИМО и на юридическом факультете МГУ. В 1996 г. была издана на русском языке и в 2000 г. переиздана в Японии небольшая монография «50 лет японской дипломатии (1945–1995)» [1], составленная на основе курса этих лекций. В 2005 г. К. Того выпустил основательный труд на английском языке, посвященный той же тематике: «Japan's Foreign Policy 1945–2003: The Quest for a Proactive Policy» [2], в котором он подробно

¹ Вдова известного в Японии архитектора Георга де Лаланде, с которой С. Того познакомился в 1920 г. С. Того и Э. Лаланде поженились в 1921 г.

² В японском МИД — дипломатический ранг министра, который соотносится в МИД РФ с рангом советник-посланник. В японской номенклатуре это третий человек в посольстве.

³ В японском МИД — дипломатический ранг министра, который соотносится в МИД РФ с рангом советник-посланник. В японской номенклатуре это второй человек в посольстве.

⁴ Скандал вокруг лоббиста Судзуки Мунэо, депутата Нижней палаты Парламента с 1982 г. от ЛДПЯ от 5-го округа Хоккайдо, который через нижнюю палату японского Парламента продвигал в 1990 г. проекты, связанные с развитием четырех спорных южнокурильских островов. В 2002 г. был обвинен в коррупции и растратах в ходе реализации этих проектов.

⁵ Сато Масару — ведущий специалист по России МИД Японии в 1990-х годах, оказывавший существенное влияние на формирование внешнеполитического курса в отношении России. Сотрудничал вместе с К. Того и М. Судзуки.

изложил свои взгляды на историю японской внешней политики второй половины XX столетия и выделил основные проблемы, с которыми сталкивалась и сталкивается японская дипломатия.

Совместно с известными американскими исследователями Г. Розманом и Дж. Фёргюсоном, специалистами по российско-японским отношениям и политической ситуации в Восточной Азии, К. Того участвовал в написании двух коллективных монографий: «Japanese strategic thought toward Asia» [3] и «Russian strategic thought toward Asia» [4]. В 2008 г. в издательстве «Коданся-гэндайсинсё» вышла книга «История и дипломатия: Ясукуни, Азия и Токийский трибунал» [5], где рассмотрены проблемы послевоенной истории, оказывающие значительное влияние на связи Японии со странами Азии.

К. Того — автор нескольких монографий по истории советско-японских и российско-японских отношений: в 1993 г. вышла небольшая работа на японском языке «Стремление к новой эпохе в японо-российских отношениях» [6], где К. Того проанализировал историю двусторонних отношений и оценил перспективы взаимодействия двух стран. Он представил оригинальную концепцию российско-японских отношений 1985–2001 гг. в нескольких работах на японском и английском языках, написанных после 2002 г. Свою концепцию К. Того детально представил в изданной в 2007 г. книге «Тайные хроники переговоров по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей» [7]. Большое место в этой работе уделено воспоминаниям о семье и автобиографическим данным, относящимся к периоду работы автора в японском министерстве иностранных дел.

В своих оценках К. Того придерживается геополитического подхода, базирующегося на историческом реализме. Также при рассмотрении исторических процессов он высоко оценивает роль конкретных политиков и их влияние на современные им события. Особое внимание он уделяет роли народа, который, по его мысли, призван одобрить или отвергнуть решения, принятые политиками [8], — это основа стабильного существования государства. Кроме того, влияние исторического наследия и трактовки исторических событий на современное положение дел в международных отношениях он рассматривает в качестве базового элемента внешней политики. К. Того считает, что историческая память играет весомую роль в современных отношениях Японии и азиатских стран, пострадавших от японской агрессии в годы войны на Тихом океане. Он неизменно начинает свои работы с анализа итогов и последствий Второй мировой войны для Японии. Он считает, что страна, оказавшись буквально в руинах после американских бомбардировок, смогла уцелеть лишь благодаря воле императора и стремлению японского народа к миру и демократии. Основопологающими принципами, или «новыми ценностями», Японии стали мир, демократия и сохранение императорской системы [1], что отражено в Конституции (1946). Впоследствии была добавлена еще одна «новая ценность» — экономическая реконструкция и развитие [2, р. 35]. К. Того называет Японию уникальной страной, добровольно отказавшейся от войны и вооруженных сил для решения внешнеполитических задач: эта страна отказалась от войны как инструмента международных отношений, хотя войска в виде Сил самообороны были сохранены исключительно в оборонительных целях [2, р. 41].

По мнению К. Того, Япония смогла вернуться на международную арену только после подписания Сан-Францисского мирного договора (1951). Внешняя политика

страны развивалась в нескольких направлениях: 1. Японо-американские отношения; 2. Японо-китайские отношения; 3. Япония и страны Корейского полуострова; 4. Япония и Россия; 5. Япония и Западная Европа; 6. Япония и страны Ближнего Востока; 7. Япония и развивающиеся страны; 8. «Экономическая дипломатия» Японии в рамках международных организаций; 9. Политика Японии в рамках международных организаций. В целом такой подход к расположению регионов по степени важности соответствует официальной позиции МИД Японии, отраженной в так называемой ежегодной Голубой книге.

Японо-американские отношения занимают первое место в классификации К. Того: неоспоримо, что они носят основообразующий стратегический характер. К. Того пишет, что внутривнутриполитические события второй половины 1940-х годов привели к неизбежности стратегического альянса с США, который был выражен в «старом» Договоре безопасности (1951) и определил стратегический курс страны на последующие 60 лет. Диалог с США с начала 1950-х годов развивался по двум основным направлениям: политический диалог и торгово-экономические связи. Форма и содержание союза были скорректированы и окончательно оформлены в 1960 г. в ходе подписания «нового» Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности. До начала переговоров о передаче островов Рюкю, Япония продолжала занимать неравноправное положение «младшего брата» [2, р. 71] в этом альянсе. Параллельно с решением проблемы островов Рюкю на рубеже 1960–1970-х годов на новый уровень вышли торгово-экономические отношения двух стран. Стремление Японии занять позицию «равноправного партнера» США с конца 1960-х годов привело к торговым разногласиям. Экономическое взаимодействие Японии и США второй половины XX в. К. Того охарактеризовал как «полвека торговых конфликтов» [2, р.115]: 1. Торговый конфликт 1969–1975 гг. («Текстильная война»); 2. Торговый конфликт 1975–1981 гг.; 3. Японо-американские отношения 1980-х годов; 4. Торговые конфликты конца 1980-х — начала 1990-х годов; 5. Японо-американские экономические отношения первой половины 1990-х годов; 6. Япония на рубеже веков. Торговые конфликты и административные меры по выходу из них составляли сущность экономического взаимодействия двух государств.

К. Того особенно выделяет период 1980-х годов, так как между странами наблюдалось тесное сотрудничество благодаря личным доверительным отношениям премьер-министра Накасонэ Ясухиро и президента Рональда Рейгана (период «Рон-Ясу») в области обеспечения безопасности, международной политики и экономики.

С крушением СССР и окончанием «холодной» войны в 1991 г. японская внешняя политика претерпела кардинальные изменения: Японии был брошен вызов, однако в 1991 г. страна не смогла вовремя и адекватно на него ответить. Война в Персидском заливе 1990–1991 гг. и участие в ней США и международных миротворческих сил, в том числе и Японии, продемонстрировали неготовность последней к новым условиям международной политики: Страна восходящего солнца, по определению К. Того, оказалась в числе «потерпевших поражение» [2, р. 77–78].

Во второй половине 1990-х годов «поднимающийся Китай» стал новым фактором международных отношений, и выстраивание сложных многосторонних отношений в треугольнике США — КНР — Япония стало приоритетным направлением японской внешней политики. К. Того писал, что премьер-министр Хасимото Рютаро впервые после окончания «холодной» войны поставил перед страной задачу сохра-

нить и развивать полноценные политические и стратегические отношения с США и перестать избегать решения многочисленных проблем, связанных с подъемом Китая [3, p. 83].

В послевоенных японо-китайских отношениях К. Того на первое место ставит проблему Тайваня, с которым в 1952 г. Япония нормализовала отношения. Эти события отодвинули «установление полнокровных политических отношений» [1] с континентальным Китаем. С другой стороны, как считает К. Того, премьер-министр Ёсида Сигэру в среднесрочной перспективе видел возможность раскола между коммунистическим Китаем и СССР и посчитал целесообразным выждать время, чтобы знать, какой выбор сделает КНР [2, p. 119].

К. Того дает следующую периодизацию отношений Японии и КНР: 1) 1952 — конец 1960-х годов, период развития торговых связей при отсутствии нормальных дипломатических отношений; 2) начало 1970-х годов, «коренной переворот в отношениях с КНР»: нормализация отношений, подписание Совместного коммюнике 1972 г., где впервые прозвучали слова сожаления [1] за действия японских войск в Китае в период Войны на Тихом океане; 3) 1974–1978 гг., «трудный путь» к подписанию договора о мире и дружбе; 4) 1980-е годы, период активного экономического диалога и всплесков политических разногласий; 5) «гармония» первой половины 1990-х годов; 6) расширение экономических связей и новые политические вопросы второй половины 1990-х годов.

Также К. Того выделяет ряд значимых аспектов японо-китайских отношений рассматриваемого периода.

1. Основополагающее влияние американского фактора и треугольник США — Япония — КНР, особенно в период нормализации отношений между Японией и КНР, в 1980-е годы при премьер-министре Я. Накасонэ, во второй половине 1990-х годов, в связи с позитивными изменениями в диалоге США и КНР [3, p. 94].

2. Давление со стороны СССР в ходе японо-китайских переговоров 1974–1978 гг., когда Япония вынуждена была лавировать между противоборствующими КНР и СССР из-за «вопроса гегемонии» [7, с. 98].

3. Стремительный рост торгово-экономических связей после подписания договора 1978 г., позволивший Китаю стать вторым по величине партнером Японии в 1980–1990-е годы.

4. «Дипломатия извинений» Японии перед китайским народом за военные преступления периода Второй мировой войны.

5. Применительно к японо-китайским связям К. Того употребляет термин «гармония»: он считает, что страны достигли «периода гармонии» в начале 1980-х годов. Однако для отношений 1980–1990-х годов характерны смены периодов «гармонии» и «напряженности»: гармоничность достигается экономическими и политическими способами, а напряженность возникает из-за политических разногласий. К. Того подчеркивает, что после событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь японские политики пренебрегли демократическими ценностями и предпочли «базироваться на имеющем опыте общения с Китаем... так как это отвечает интересам народов АТР» [2, с. 146].

6. Отношения Японии и Китая и на рубеже XX–XXI столетий в целом характеризуются ориентацией на будущее⁶ [2, p. 148].

⁶ Заявление премьер-министра Хосокава Морихиро 1994 г. («ориентированные на будущее и зрелые отношения») и заявление премьер-министра Мураяма Томиити 1995 г. («отношения, ори-

Многие аспекты взаимодействия Японии и КНР тесно связаны с развитием межгосударственных связей между Японией и государствами Корейского полуострова. Большое влияние на отношения двух стран оказывает историческое наследие XX в. После установления дипломатических отношений 22 июня 1965 г. («Договор о принципах отношений между Японией и Южной Кореей»), связи двух стран в области экономики развивались стремительно, однако политический диалог разворачивался под существенным давлением со стороны США, КНР и СССР. К. Того назвал тридцатилетний (1965–1995) период истории связей Японии и Южной Кореи «бегом с препятствиями». Политические «препятствия» выражены 1) проблемой «пересмотра истории» в японских учебниках по истории, 2) проблемой посещений храма Ясукуни японскими премьер-министрами, 3) проблемой женщин из «спецперсонала» (поднимается с конца 1980-х годов) и 4) территориальными разногласиями по поводу принадлежности островов Такэсима (Токто). В начале 2010-х годов К. Того высказал мнение, что «чаша терпения Японии уже переполнена» из-за того, что Россия, Корея и КНР свободно действуют на территориях, суверенитет которых не установлен. По его мнению, «Япония должна решительно пересмотреть свою политику» [10].

Отношения Японии и КНДР К. Того выделяет особо. Он называет Северную Корею «странной страной», ведущей неадекватную политику, совмещающую террористические акты и дружелюбную дипломатию. Причем до начала 1990-х годов отношения с КНДР пребывали в состоянии «не-развития». С окончанием «холодной» войны у Японии появился «новый сосед», который вызывал опасения со стороны японского правительства и общественности: особенно остро японская сторона реагирует на корейскую ядерную программу и инциденты с похищением японских граждан. В середине 1990-х годов К. Того считал отношения с Северной Кореей одной из главных нерешенных задач японской дипломатии. Однако даже к концу 1990-х, несмотря на попытки премьеров Обути Кэйдзо и Мори Ёсиро, диалог развивался незначительно из-за «чуждаковых привычек» правительства КНДР [3, р. 96]. При премьер-министре Коидзуми Дзюнъитиро в Японии стали нарастать антисеверокорейские настроения. В 2003 г. в ходе Шестисторонних переговоров (КНР, РК, КНДР, Япония, РФ, США) странам региона впервые после окончания Второй мировой войны предстала возможность установить многосторонние стратегические связи, чтобы разрешить фундаментальные вопросы мира и безопасности в регионе [2, р. 194], однако участники переговоров не смогли успешно и полноценно воспользоваться появившимся шансом.

По мнению К. Того, японская внешняя политика после 1945 г. была сконцентрирована на развитии связей внутри Азиатско-тихоокеанского региона и континентальной Азии. Япония сконцентрировала свои усилия в нескольких направлениях: налаживание сначала двухсторонних, а затем и многосторонних связей в рамках региональных организаций, экономическая помощь развивающимся странам по линии ОПР (Официальная помощь в целях развития). Премьер-министр Киси Нобусукэ был первым лидером, сформулировавшим внешнеполитическую концепцию, направленную на тесный контакт с Азией: 1) дипломатия, ориентированная на ООН; 2) кооперация со «свободным миром»; 3) возвращение позиций в Азии

ентированные на будущее, на XXI век» и «отношения, направленные на укрепление мира и благосостояния АТР и мира»).

[2, p. 197]. ОПР изначально стала центральной линией развития диалога со странами Азии.

К. Того выделяет четыре периода развития ОПР:

1. Послевоенное восстановление и репарации (1945–1963);
2. Экспансия экономической помощи (1964–1976 гг.; рост объемов помощи от 100 млн долл. в 1964 г. до 1,1 млрд долл. в 1976 г.);
3. Запрограммированная экспансия (1977–1988; рост от 1,5 млрд долл. в 1977 г. до 9 млрд долл. в 1988 г.);
4. Лидирующий донор (с 1989 г. [до сер. 2000-х]; достигая 15 млрд долл. в год в 1990-е), конкурент США и Западной Европы в этой сфере [2, p. 316].

Однако К. Того призывает к реализму: несмотря на многомиллиардные вложения по программе ОПР и соперничество с США в этой области в 1990-е и начале 2000-х годов, Япония не смогла получить искомой политической роли⁷. Примечательно, что К. Того не критикует инициативы ОПР и экономическую внешнюю политику Японии, которую еще до окончания «холодной» войны стали называть «экономическим гигантом, но политическим карликом» («...на карликовых политических ногах») [2, p. 407; 9, с. 27]. Такая дипломатия представляется К. Того альтернативой плодотворной, более того «экономическая помощь... [ОПР] стала, возможно, наиболее последовательным и эффективным инструментом японской послевоенной внешней политики» [2, p. 316].

В работах К. Того большое место занимает описание и концептуализация истории отношений Японии с Россией (СССР и РФ). В целом он характеризует историю этих взаимоотношений следующим образом: «Для отношений между Японией и Россией в политической сфере, история которых богата самыми разными событиями, характерна резкая контрастность тонов» [1]. На протяжении 150 лет, начиная с 1855 г., маятник отношений, по его мнению, колебался в контрастных зонах (см. по этой теме: [13–15]). Однако самым сложным периодом взаимоотношений двух стран стал 1945 г. К. Того подчеркивает, что вступление СССР в войну в августе 1945 г. до окончания юридического срока действия Пакта о нейтралитете нанесло глубокую рану японскому народу, поэтому японское общество так упорно отстаивает свою позицию в отношении спорных с СССР и теперь Россией вопросов на протяжении последних 60 лет. Таким образом, он является последователем официальной позиции Японии по этому вопросу.

К. Того рассматривает отношения СССР и Японии 1945–1985 гг., указывая основные периоды, события и тон диалога. Переговоры 1956 г. он характеризует как «неудачу» Японии, однако «маятник отношений» сдвинулся в зону положительных значений (по этой теме см.: [16]). Вскоре последовало охлаждение, вызванное заключением «нового» Договора безопасности между Японией и США в 1960 г., на что советская сторона отреагировала негативно (по этой теме см.: [17]). Очередное улучшение двухсторонних отношений связано с визитом премьер-министра Танака Какуэй в Москву (1973). К. Того считает, что генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в приватной беседе с премьер-министром Японии подтвердил нали-

⁷ Даже после объявления концепции «Дипломатия шелкового пути» (премьер-министр Р. Хасимото) в июле 1997 г., когда Япония стала экономическим донором номер один для Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизстана по линии ОПР, реального политического влияния в регионе она так и не получила.

чие нерешенной «территориальной проблемы», ответив «да» и «я знаю» на вопросы К. Танака относительно судьбы спорных островов [7, с. 179], что, по его мнению, вызвало подъем отношений. Однако, в связи с улучшением японо-китайских связей и рядом политических событий в двухсторонних советско-японских отношениях, контакты с СССР в середине 1970-х годов начали постепенно охлаждаться, и после подписания японо-китайского мирного договора в 1978 г. отношения с СССР на протяжении последующих 8 лет были заморожены.

Очередной подъем диалога последовал после 1985 г., когда в СССР сменилось руководство и М. С. Горбачев провозгласил политику «перестройки», «новое политическое мышление», «гласность». К. Того дает оригинальную концепцию истории развития диалога 1985–2001 гг., назвав его периодом «пяти упущенных возможностей». Суть концепции состоит в том, что правительственные круги и МИД Японии в этот период «упустили пять возможностей» «вернуть» спорные острова — южную часть Курильского архипелага — и заключить мирный договор. Две первые возможности К. Того относит к развитию советско-японских отношений в годы «перестройки»: 1) 1985–1987 гг. — интенсификация контактов после длительной «паузы» в двухсторонних отношениях и 2) 1988–1989 гг. — новый этап потепления отношений после визита экс-премьера Японии Я. Накасонэ в СССР. Оставшиеся три «окна возможностей» относятся к периоду президентства Б. Н. Ельцина и началу президентства В. В. Путина (1991–2001 гг.): 3) период подготовки официального визита первого президента Российской Федерации в Токио в 1992–1993 гг. [11, с. 131–132]; 4) подготовка и ведение японо-российских неофициальных переговоров, известных как «встречи без галстуков» Б. Н. Ельцина и Р. Хасимото в Красноярске и Кавана в 1997–1998 гг.; 5) переговоры президента В. В. Путина и премьер-министра Ё. Мори в 2000–2001 гг., в ходе которых, с точки зрения К. Того, «острова были ближе всего [к Японии]» [7, с. 360, 363]. Таким образом, К. Того смещает акценты в трактовке событий 1980–1990-х годов, объединяя два десятилетия в единый период российско-японских отношений [12].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что историю послевоенных контактов Японии с США и странами Северо-Восточной Азии К. Того в своих работах ставит на первое место, так как геополитическая рациональность требовала от Японии налаживания тесных связей именно внутри региона со своими непосредственными соседями. Поэтому отношения с Западной Европой и Ближним Востоком отнесены на второй план.

К. Того характеризует диалог Японии и стран Западной Европы как «борьбу за важность» [1]. Если до начала Второй мировой войны эта борьба в основном была сосредоточена на получении колониальных прав в Азии, то после окончания войны и подписания Сан-Францисского мирного договора, уже в 1960-е годы, наблюдалось потепление диалога, подкрепленное экономическим взаимодействием. Однако с активизацией торгово-экономических контактов между Японией и странами Западной Европы стали возникать «торговые конфликты» (1976–1980 гг., 1981 — конец 1980-х годов, конец 1980-х — начало 1990-х годов), подобные тем, которые происходили между Японией и США. К. Того выделяет саммит Япония—ЕС 18 июля 1991 г., на котором стороны приняли Совместную декларацию по вопросам экономического и политического взаимодействия. В соответствии с этим документом вводился важный принцип управления торговлей, инвестициями и экономическими связями, что

должно было позволить развивать равные возможности на рынках Европы и Японии. Кроме того, послевоенная Япония стала демократической державой «свободного мира», противницей СССР в условиях «холодной» войны — эти «общие ценности» идеологически и духовно сближали два отдаленных региона. Однако, несмотря на многочисленные экономические проекты, участие в международных экономических и политических организациях, гуманитарное взаимодействие, К. Того называет взаимодействие Японии с Западной Европой в рамках треугольника Европа—Америка—Япония самым незначительным [2, с. 419].

Что касается взаимодействия со странами Ближнего Востока, то оно традиционно для Японии заключалось в поставках энергоносителей — нефти, которую в основном страна получала от ближневосточных поставщиков (Саудовская Аравия, Кувейт). Хотя экономические интересы стоят в центре политики Японии в отношении стран Ближнего Востока, с начала 1990-х годов этот регион стал «полигоном», где Япония пробовала свои силы как участник миротворческих операций. «Поражение» в Войне в Персидском заливе («слишком мало и слишком поздно») стало, по мысли К. Того, серьезным уроком для японских политиков. Через 10 лет, после террористических атак 11 сентября 2001 г. в США, Япония отреагировала достаточно быстро, приняв непосредственное участие в операции в Ираке и предоставив серьезную экономическую поддержку [2, с. 309, 412–413]. С начала 2000-х годов Япония стала активнее участвовать в миротворческих операциях, естественно, координируя действия с США. В том числе Япония выступила и в Афганистане, оказав финансовую помощь и направив в регион инженерные войска.

Анализируя историю японской послевоенной дипломатии в целом, К. Того выделяет несколько ее основных характеристик. Во-первых, в кратком хронологическом обзоре внешней политики Японии после 1945 г. он выделяет десятилетние периоды, характеризуются рядом особенностей.

1. 1950-е годы (после подписания Сан-Францисского мирного договора до подписания «нового» «Договора безопасности») — это время послевоенного восстановления и возвращения Японии на международную арену, период самоопределения Японии во внешнеполитическом плане (альянс с США, восстановление отношений со странами Северо-Восточной Азии).

2. 1960-е годы (от подписания «нового» «Договора безопасности» до подписания договора о передаче Окинава) характеризуются доктриной «высоких темпов экономического роста» (доктрина Икэда Хаято) и появлением новых взглядов на роль Японии в мире (большая ответственность, выразившаяся во включении в программу ОПР, и стремительное появление Японии в международной экономике).

3. 1970-е годы (от подписания договора о передаче Окинава до смерти премьер-министра Охира Масаёси) стали одновременно периодом «разрядки», на фоне которой улучшились отношения Японии с КНР и с СССР, и поиска экономически развитой Японией более существенной и ответственной роли в международной политике. В это десятилетие, в том числе и под влиянием доктрины премьера Фукуда Такэо («многосторонняя дипломатия, направленная на укрепление мира», и развитие отношений с АСАЕН), укрепились взаимопонимание и кооперация между Японией и странами Юго-Восточной Азии.

4. 1980-е годы — это новая череда попыток Японии играть более существенную и ответственную роль в международной политике. Заметный след оставила деятель-

ность премьер-министра Я. Накасонэ, который укрепил стратегические связи Японии и США, а экономическую дипломатию в Азии в этот период К. Того оценивает как чрезвычайно эффективную. В 1980-е годы Япония столкнулась с рядом политических кризисов в Северо-Восточной Азии, связанных с проблемой «пересмотра истории» и продемонстрировавших неспособность Японии навязать странам региона свою политическую волю.

5. 1990-е — начало 2000-х годов (1989–2003) — «потерянное десятилетие», начавшееся с краха экономики «мыльного пузыря» и «поражения» в Войне в Персидском заливе. Завершение «холодной» войны, с точки зрения К. Того, напрямую включило Японию в международные процессы. Страна была вынуждена иначе выстраивать отношения с мировым лидером — США — и с «поднимающимся Китаем». Этот период поставил перед Японией много новых вопросов и вызовов в Восточной Азии, Евразии, на Ближнем Востоке. Особое место занял вопрос нормализации отношений с Россией при премьерах Р. Хасимото, К. Обути и Ё. Мори.

К. Того писал о необходимости в среднесрочной перспективе разрешить пять неразрешенных вопросов, оставшихся в наследство от прошлого: 1. Возобновление дипломатических отношений с Северной Кореей; 2. Заключение мирного договора с Россией; 3. Преодоление проблемы ответственности за военные преступления периода Второй мировой войны; 4. Девятая статья Конституции Японии (отказ от ведения войны и обладания армией); 5. Реформирование экономической системы Японии.

В своих работах К. Того детально рассматривает широкий круг вопросов, связанных с историей внешней политики Японии второй половины XX столетия, однако основное внимание он уделяет проблемам взаимодействия внутри северо-восточных районов АТР (США, КНР, Кореи, России, Тайваня). С нашей точки зрения, он реалистически оценивает роль Японии в современной системе международных отношений и характеризует историю внешнеполитической деятельности после 1945 г., и особенно с конца 1960-х годов, как период «поиска» и «попыток» вести более активную внешнюю политику как в Азии, так и на площадках международных форумов. Исходя из трактовки К. Того становится очевидным, что вплоть до настоящего времени в политическом плане Японии так и не удалось занять искомое положение серьезной политической силы ни в мировом масштабе, ни в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом мы согласны с концептуальным подходом К. Того, который трактует этот пятидесятилетний период как период «поиска» и «попыток» японских политиков вывести Японию в качестве сильного игрока на международную арену. Кроме того, представленный выше подход («пять упущенных возможностей») к трактовке истории советско- и российско-японских отношений является оригинальным с позиций японской историографии по данному вопросу и существенно расходится с официальной позицией японского правительства, которая, в частности, отражена в японских школьных учебниках по истории. Кроме того, К. Того применил понятие «гармонизации» относительно японо-китайских связей двух последних десятилетий XX столетия, что также является его оригинальным подходом, синтезирующим понятия японской культуры как представительницы дальневосточной цивилизации с длительными конфуцианскими традициями и современное положение в АТР, выделив отношения Японии и Китая как особое, даже обособленное поле внешнеполитической деятельности Страны восходящего солн-

ца. Таким образом, в работах К. Того мы находим ряд самобытных концептуальных подходов, которые уже в настоящее время достаточно часто цитируются в работах японских и англоязычных авторов.

Литература

1. *Togo K.* 50 лет японской дипломатии (1945–1995). 2-е изд. / пер. с яп.яз.; вступ.сл. д.п.н. А. Н. Панов. Токио: МИД Японии, 2000. // Электронная библиотека Дальневосточного клуба. URL: <http://elib.clubdv.ru/home.html?sobi2Task=sobi2Details&catid=31&sobi2Id=140> (дата обращения: 20.02.2012).
2. *Togo K.* Japan's foreign policy 1945–2003: The quest for a proactive policy. Leiden; Boston: BRILL, 2005. 484 p.
3. Japanese strategic thought toward Asia / ed. by G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. N. Y.: Macmillan Palgrave, 2007. 280 p.
4. Russian strategic thought toward Asia / ed. by G. Rozman, K. Togo, J. P. Ferguson. N. Y.: Macmillan Palgrave, 2006. 272 p.
5. *Togo K.* Рэкиси то гайко: — ясукуни, адзиа, то:кё:сайбан [История и дипломатия: Ясукуни, Азия и Токийский трибунал]. Токио: изд-во Коданся гэндайсинсё, 2008. 328 с.
6. *Togo K.* Нитиро: сндзинай э но дзёсо: дакай но каги о мотомэтэ [Стремление к новой эпохе в японо-российских отношениях: требуется ключ для прорыва]. Токио: изд-во Саймуру, 1993. 239 с.
7. *Togo K.* Хоппо:рё:до ко:сё: хироку. Усиनावарэта годо но кикай [Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей]. Токио: изд-во Синтёса, 2007. 430 с.
8. *Togo K.* Японо-российские отношения: прошлое и перспективы / пер. с яп. Г. В. Куликова. Токио: 2000. 72 с. // Электронная библиотека Дальневосточного клуба. URL: http://elib.clubdv.ru/index.php?option=com_sobi2&sobi2Task=sobi2Details&sobi2Id=139 (дата обращения: 10.01.2012).
9. Глобальные вызовы — японский ответ / рук. проекта Э. В. Молодяков; ред. Н. П. Дмитриевская. М.: АИРО-XXI, 2008. 308 с.
10. Japan should talk on the Senkaku Islands squarely / Interview with Togo Kazuhiko by The Asahi Shimbun. 20.08.2012 // Сайт ежедневной газеты Асахи. URL: http://ajw.asahi.com/article/forum/security_and_territorial_issues/japan_china/AJ201208200005z (дата обращения: 10.04.2013).
11. *Togo K.* The inside story of the negotiations on the Northern Territories: five lost windows of opportunity // Japan Forum. Oxford. 2011. Vol. 23, iss. 1. P. 123–145.
12. Малашевская М. Н. Концепция «Пяти упущенных возможностей»: российско-японские отношения 1985–2001 годов в оценках Того Кадзухико // Сайт МОО «Ассоциация японоведов». Проект Japan studies in Russia. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=256&Itemid=59 (дата обращения 21.03.2013).
13. *Климов В. Ю.* Первое японское посольство в Россию (1862 г.) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 1. С. 3–16.
14. *Строева М. В.* Россия и Япония: о визитах японских государственных деятелей в Россию в середине 70-х — конце 80-х годов XIX века (на основе документов АВПРИ) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2009. Вып. 1. С. 13–18.
15. *Строева М. В.* Россия и Япония: Санкт-Петербургский договор 1875 г. // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. Вып. 3. С. 25–35.
16. *Кузьминков В., Павлятенко В.* Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 63–78.
17. *Петров Д. В.* Японо-американский союз и новая обстановка в Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 3 (19). С. 19–35.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Малашевская Мария Николаевна — аспирант; malashevskaya@gmail.com

Malashevskaya Maria N. — post graduate student; malashevskaya@gmail.com

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

И. В. Герасимов, Н. Н. Дьяков

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ СУДАНЕ (ОБ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ПОЕЗДКЕ ВОСТОКОВЕДОВ СПбГУ. ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 2014 года)

В дни зимних каникул, в конце января — начале февраля 2014 г., специалистами кафедры Истории стран Ближнего Востока была проведена первая в своем роде учебно-научная экспедиция в Республику Судан. Цели этой поездки, в которой приняли участие заведующий кафедрой профессор Н. Н. Дьяков и доцент И. В. Герасимов, заключались в возрождении и расширении партнерских связей с ведущими учебными и научными центрами столицы Судана — с Хартумским университетом (*Джамиат ал-Хартум*), Университетом Исмаила ал-Азхари (*Джамиат аз-заим Исмаил ал-Азхари*) и Исламским институтом перевода (*ал-Ма'хад ал-ислами ли-т-тарджам*).

Важной задачей экспедиции было знакомство с суданскими библиотечными и архивными фондами, в том числе с частными, связанными с историей, с современной культурной и религиозной жизнью Судана. В планы экспедиции входили и разнообразные полевые исследования. Планировалось на месте ознакомиться с очагами ранней мусульманской государственности Судана — городами Сеннар и Синджа (на Голубом Ниле), крупным хозяйственным и культурным районом Джебель Авлия (на Белом Ниле), с памятниками и мавзолеями мусульманских праведников и вероучителей в поселке Керри, в г. Шенди, в районе Шестого Нильского порога (Сабалука), со знаменитыми пирамидами древнесуданского государства Мероэ и т. д.

В поездке приняли участие три студента-арабиста, обучающиеся на разных отделениях и курсах Восточного факультета. Перед нашими студентами (В. Попов, А. Павлов, Д. Алферов) стояла к тому же задача прохождения краткосрочных интенсивных курсов арабского языка в университете Хартума. Еще в ходе подготовки поездки состоялись встречи в посольстве Республики Судан в Москве. Советник посольства господин Тадж ад-Дин всецело поддержал инициативу петербургских востоковедов по развитию партнерских связей с университетами Судана.

Как известно, национальный университет Хартума был первым из арабских университетов, с которым ЛГУ/СПбГУ установил прямые рабочие связи почти сорок лет назад. Тогда, в конце 1970-х годов, наш город посетили гости из Судана, в том числе коллеги из Хартумского университета, с которыми имел честь познакомиться, а также помогать в качестве переводчика аспирант ЛГУ Н. Н. Дьяков. Возглавляемая ректором Хартумского университета, суданская делегация заключила тогда первое соглашение о широком сотрудничестве с участием разных факультетов наших университетов.

Хочется отметить значительный вклад и активное участие в организации таких контактов со стороны бывшей заведующей кафедрой арабской филологии, ныне почетного профессора

СПбГУ О. Б. Фроловой. Во многом благодаря ее усилиям в те годы были заложены основы научного обмена между преподавателями и учеными двух научных центров. К сожалению, сложные социально-политические перемены как у нас в стране, так и в Судане в конце XX в. на долгие годы прервали столь успешно начавшееся межуниверситетское партнерство.

Между тем заложенный десятилетия назад фундамент двустороннего сотрудничества не пропал даром. За это время на разных факультетах ЛГУ/СПбГУ получили образование десятки студентов из Судана, с некоторыми из них смогли повидаться и участники экспедиции 2014 г. Буквально с первых часов пребывания на земле Судана неоценимую помощь нашим универсамтам оказывали выпускники российских вузов, прежде всего бывший аспирант факультета журналистики Тальха ат-Тайиб и Сумейя Хасан, возглавляющая в настоящее время кафедру русского языка Хартумского университета. Немалую роль в организации встреч и поездок петербургских востоковедов сыграли также другие преподаватели и студенты кафедры русского языка. Своими советами и консультациями они помогли провести уникальные встречи с представителями научных, общественных и религиозных кругов Судана.

Так, уже в начале почти 20-дневного пребывания в Хартуме члены группы были приняты ведущим суданским историком, исследователем и издателем известного средневекового письменного памятника «Табакат» Ибн Дайфаллаха, профессором Йусуфом Фадлем Хасаном, приезжавшим в свое время ЛГУ. Несмотря на крайнюю занятость как университетскими делами, так и широкими международными контактами, профессор Й. Фадль Хасан прочитал петербургским востоковедам лекцию по истории и культуре Судана. В свою очередь гости вручили ученому памятную медаль Восточного факультета.

Состоялись также встречи с известным историком, исследователем роли суфийских братств в жизни Судана доктором Али Салихом Караром, который также выступил с лекцией. Большую помощь в знакомстве с библиотеками, книжными собраниями и салонами Хартума оказал гостям профессор Хартумского университета историк Омар Абдаллах Химейди, подаривший к тому же несколько своих книг.

На одной из лекций в Хартуме присутствовал крупнейший исследователь суданского музыкального фольклора профессор Али ад-Дау. На протяжении десятилетий он занимается сбором и записью песен, танцев различных племенных групп Судана, изучает местные суфийские песнопения. Ученым была собрана уникальная коллекция видеоматериалов из разных районов Судана. Профессор Али ад-Дау с удовольствием поделился своими фольклорными записями и даже передал некоторые из них для Восточного факультета.

По приглашению Генерального директора Исламского института перевода (ИИП) профессора Исмаила Джизули Тиджани Н. Н. Дьяков и И. В. Герасимов посетили этот крупнейший центр филологических исследований, работающий в Хартуме под эгидой Организации исламской солидарности (ОИС).

И. Джизули Тиджани — дипломированный филолог-русист. На блестящем русском языке, почти без акцента, при этом в белоснежном суданском наряде с традиционной чалмой, этот выпускник Воронежского университета не без ностальгии вспоминал студенческие годы в России, языковую практику, сбор частушек и сказок в российской глубинке, свободно декламируя при этом любимые строки из Пушкина и Лермонтова. «Обмен в области культуры, языкознания — важная сфера двусторонних связей между нашими народами», — подчеркнул ученый, широко известный сегодня как в Европе, так и на Востоке. Интерес суданской молодежи к русской культуре и языку, как и интерес россиян к древней истории и новой жизни Судана открывают, на его взгляд, благоприятные перспективы для сотрудничества между нашими странами.

Принимавший участников экспедиции и студентов-востоковедов хартумский Университет Исмаила ал-Азхари организовал в свою очередь ряд экскурсий с посещением музеев и памятников Судана. Среди них — музей истории некогда крупнейшего в регионе Хартумского университета, мавзолей Махди, возглавившего в конце XIX в. освободительное движение против англо-египетской оккупации, дом ближайшего сподвижника Махди — Халифы Абдаллахи и т. д. Востоковеды СПбГУ посетили также Национальный музей Судана с его уникальными коллек-

циями древностей, произведений раннехристианского искусства, а также Хартумский этнографический музей и музей Республиканского дворца, экспонаты которого посвящены новейшей истории страны. Участники экспедиции осмотрели исторические фортификационные сооружения махдистов, мужественно противостоявших отборным карательным силам англичан, вооружение и даже внушительный военный пароход, потопленный повстанцами в ходе боевых действий более полутора столетий назад.

Не меньшее впечатление произвело посещение традиционной коранической школы в Северном Хартуме, а также исторической мечети Али ал-Миргани. Редкой удачей было также посещение *зикра* — мистического бдения, организованного суфийскими братствами г. Омдурмана у мавзолея шейха Хамада ан-Нил. Эта вековая традиция и сегодня сохраняется в Судане. Многолюдный *зикр* объединяет тысячи простых суданцев в ярких национальных одеждах под барабанный бой и религиозные гимны-мадхи. Такие духовные собрания нередко привлекают и многочисленных иностранных гостей суданской столицы

Особое место в ходе поездки заняли встречи и беседы с коллегами в университете Исмаила ал-Азхари. Сотрудники университета и лично руководитель отдела международных связей профессор Ашраф Шекеди сделали все от них зависящее для того, чтобы познакомить участников экспедиции с системой образования и экономикой современного Судана. Петербургские гости посетили университетский ботанический сад, познакомились с лабораторией по выращиванию эндемичных грибов, с коллекциями злаковых культур. Это не только не помешало знакомству с культурой страны, но и способствовало расширению представлений о тысячелетних традициях земледелия, садоводства, использования плодов и древесного сырья в традиционном хозяйстве. Посещение естественнонаучных лабораторий позволило лучше понять экономический потенциал страны, особенности и трудности ее современного развития.

Во время пребывания в Хартуме руководство Хартумского университета и университета Исмаила ал-Азхари неоднократно приглашало гостей к участию в разнообразных мероприятиях: лекциях, семинарах, международных встречах, в том числе встрече с посетившим в те дни Хартум министром иностранных дел Индии Салманом Хуршидом. По завершении программы представители ректората университета Исмаила ал-Азхари и лично его ректор профессор Мухаммад Саид ал-Халифа вручили гостям из СПбГУ памятный подарок — герб университета, как символ открытости и готовности к новому сотрудничеству.

Важный, если не главный, раздел экспедиционной программы — поездки по стране, знакомство с историко-культурными памятниками Судана, с представителями разных племенных групп и общин местного населения. Участники экспедиции побывали на месте первой исторической столицы Сеннарского султаната. Описание этого старинного города, основанного в 1506 г., впервые было сделано посетившим его в 1848 г. российским исследователем и государственным деятелем Е. П. Ковалевским. В настоящее время на месте этого городища разбита зеленая зона Джанейна. Напротив нее, на другом берегу Нила стоит мавзолей известного народного мудреца и мистика суфийского шейха Фараха вад Тактука. Его мудрые высказывания, зафиксированные в письменной форме, изучают ученики современных средних школ, воспринимая их как часть национального литературного наследия.

Город Синджа, расположенный более чем в 300 км к югу от Хартума, не менее известен своим богатым прошлым, прямо связанным с историей султаната Сеннар. Более того, Синджа получила известность благодаря археологическим и палеоантропологическим находкам, среди которых череп древнейшего в Судане, а возможно, и во всей Африке, человека. В городе расположен рынок, где самым популярным товаром остается манго, имеющее здесь множество разновидностей. Гости побывали также на живописной нильской набережной Синджи, на центральных улицах города, на молельных площадках местных суфийских братств, часто расположенных прямо под огромными деревьями.

Во время поездки участники экспедиции имели возможность увидеть внушительные старую нильскую плотину и водохранилище, построенные еще в период англо-египетского condominiuma, многочисленные оросительные каналы. Автомобильная дорога на Сеннар проходила

недалеко от важного исторического объекта Джебель Мойя, где, по преданию, находился центр племенного объединения фундж, давшего некогда начало династии правителей Сеннара. В ходе следующей поездки, в район Баджравийа, участники экспедиции осмотрели древние пирамиды и строения мероитской цивилизации в районе Шестого нильского порога.

В целом следует отметить, что суданская экспедиция востоковедов СПбГУ успешно решила главные задачи, стоявшие перед ней, положив начало новым междуниверситетским контактам как на научном, преподавательском, так и на студенческом уровнях. Планируются дальнейшие контакты с ведущими университетами Судана, в рамках межвузовского сотрудничества получит развитие обмен преподавателями, аспирантами, студентами, будут готовиться к изданию совместные научные публикации.

Контактная информация

Герасимов Игорь В. — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; igorfarouh@yandex.ru

Дьяков Николай Н. — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; nick-d@mail.ru

А. Ю. Желтов

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НИГЕРИЮ

Для многих поколений петербургских африканистов поездки в Африку оставались несуществимой мечтой, и лишь некоторым коллегам удавалось оказаться в Африке, причем, как правило, по каналам, далеким от научной деятельности. Этот факт заставлял обращаться к теоретическим проблемам, что в сочетании с удаленностью африканской проблематики от господствующего в гуманитарной сфере идеологического мейнстрима и опорой на академические традиции петербургского востоковедения, филологии и истории привело к появлению интересных (и конкурентоспособных) научных концепций, получивших обобщенное название «ленинградской школы африканистики». Но вряд ли можно оспорить тот факт, что подобная «отделенность» от объекта исследования не была позитивным фактором в развитии научного направления. После распада советской системы проблемы административного и идеологического характера сменились серьезными финансовыми трудностями, с которыми столкнулось научное академическое сообщество. При этом понимание необходимости работы с полевым материалом все время являлось для петербургских африканистов стимулом к поиску путей для системной полевой работы в Африке.

Важным прорывом в этой сфере оказалась организация В. Ф. Выдриным в 2001 г. лингвистической экспедиции в Западную Африку, основным объектом которой были языки манде (одна из семей макросемьи нигер-конго и одна из четырех основных специализаций кафедры африканистики СПбГУ — языки и культуры Западной Африки (манде)), географическая локализация экспедиции на первых этапах сосредоточивалась в Кот д'Ивуаре, а финансирование осуществлялось Швейцарским научным фондом. Экспедиция успешно функционирует до сих пор, и ее школу прошли десятки студентов и преподавателей, включая автора этих строк, для которого участие в экспедиции в 2002/2003 г. стало первым знакомством с африканским континентом и бесценным научным и жизненным опытом. Однако данный успешный проект ограничивался лишь одним из четырех направлений, развивающихся на кафедре африканистики СПбГУ, и ощущалась отчетливая потребность облегчить доступ к полемому материалу для трех других направлений — языки и культуры Восточной Африки (эфиопистика), языки и культуры Восточной Африки (суахили), языки и культуры Западной Африки (хауса). Сотрудничество с университетом Дар-эс-Салама в Танзании, и особенно с Российским культурным центром в Восточной Африке позволило организовать регулярные стажировки в Танзании для студентов-суахилистов. Самостоятельная творческая активность эфиопистов привела к регулярным поездкам в Эфиопию студентов, чему способствовала своеобразная «эстафета поколений», когда аспиранты и магистранты вывозили с собой своих младших коллег, а также помощь преподавателя кафедры Мэхына Тефери Айеле.

Последним неохваченным «африканизацией» отделением до недавнего времени оставалось отделение языков и культур Западной Африки (хауса). Доступ к полемому материалу для этого направления, основным регионом которого является Нигерия (самая населенная страна Африки, недавно вышедшая на первое место в Африке по общему ВВП), осложнялся не самой стабильной политической ситуацией и, соответственно, проблемами с безопасностью. Впрочем, и первые экспедиции в Кот д'Ивуар проходили фактически на фоне то затихающей, то разгорающейся гражданской войны. Для Нигерии характерно очень большое лингвистическое разнообразие — более 500 языков. При этом не только отдельные языки, но и целые семьи, распространенные там, оказываются крайне мало изученными. Одной из таких семей является семья адамауа, распространенная в одноименной провинции в восточной части страны и соседнем Камеруне. Данная семья насчитывает около сотни языков, большинство из которых не описаны.

Это делает даже само генетическое единство этих языков гипотетическим (гипотеза Дж. Гринберга). Поэтому предложение наших коллег из международного проекта по реконструкции макросемьи нигер-конго внести свой вклад в заполнение данной лакуны было воспринято у нас на кафедре с энтузиазмом. Дополнительный интерес представлял тот факт, что языком межнационального общения в этом регионе является язык хауса — один из основных языков, преподаваемых на кафедре африканистики.

Первая экспедиция в Нигерию была запланирована на январь-февраль 2012 г. (время выбрано с учетом наименьших потерь для учебного процесса), велась большая подготовительная работа, так как материал языков адамауа был новым для всех предполагаемых участников. При этом осуществление планов осложнялось обострением политической обстановки в Нигерии: в конце декабря началась серия террористических актов, организованных группировкой Бoko Харам (буквально «Запретить европейское образование!»), один из которых произошел как раз в предполагаемом месте дислокации — в столице провинции Адамауа Йоле — ровно за неделю до нашего приезда, кроме того, по всей стране началась всеобщая забастовка, вызванная отменой государственных субсидий на бензин — для многих нигерийцев они являлись единственным бонусом от статуса одного из ведущих экспортеров нефти (пятое место в мире). Поездка находилась на грани срыва, но консультации с нашими коллегами из Американского университета в Нигерии (базирующегося как раз в Йоле) и работающими в Нигерии нашими выпускниками — Андреем и Анной Масловыми (А. А. Маслов — директор компании «Газпром-Найджирия»), — обещавшими нам всестороннюю поддержку¹, а также невозможность сдать билеты и уже оформленные командировки помогли нам принять решение не отменять поездку. Первая экспедиция состояла из А. Ю. Желтова (заведующего кафедрой африканистики, специалиста по африканской лингвистике и лингвистической типологии), доцента А. В. Ляхович (специалиста по языку и литературе хауса) и студентки 4 курса Татьяны Аникиной. Финансирование первой экспедиции осуществлялось из гранта на экспедиции СПбГУ при поддержке гранта Российского фонда лингвистических исследований. Несмотря на все сложности, удалось не только добраться до места назначения, но и в очень сжатые сроки найти информантов по четырем языкам интересующей нас семьи: вакка, йенданг, майа и ньонг. Во время второй поездки (А. Ю. Желтов и А. В. Ляхович) в январе-феврале 2013 г. (финансирование также за счет гранта на экспедиции СПбГУ) была продолжена работа по трем из указанных выше языков. Были составлены списки базовой лексики и велась работа по комплексному описанию фонологии, тонологии и морфосинтаксису языков адамауа. Результаты работы опубликованы в нескольких статьях и представлены на ряде конференций, среди которых Международная конференция по сравнительному изучению языков нигер-конго в Париже.

В январе-феврале 2014 г. состоялась уже третья экспедиция в несколько расширенном составе — к двум первым участникам добавилась студентка 4 курса Лора Литвинова, занимавшаяся языком кугама, и аспирантка Е. С. Власенкова, оставшаяся в столице Нигерии Абудже и работавшая с языком йоруба — одним из крупнейших языков Нигерии, который является предметом ее диссертационного исследования и который предполагается включить в учебный процесс на кафедре. Таким образом, число языков адамауа, включенных в работу, выросло до 6: майа, ньонг, генгле (А. Ю. Желтов), вакка (А. В. Ляхович), йенданг (Т. Аникина), кугама (Л. Литвинова). В этот раз финансирование осуществлялось из гранта СПбГУ на фундаментальные исследования «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфо-синтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира». Помимо продолжения лингвистической работы, был собран этнографический материал по си-

¹ Хочется отметить, что поддержка коллег из Американского университета, прежде всего, его президента Марги Энсайн, наших выпускников Андрея и Анны Масловых, а также Петра Арсеньева (посольство РФ в Нигерии), действительно сопровождала нас на протяжении всех трех экспедиционных выездов. Без этой поддержки наша работа вряд ли была бы возможна, за что мы им всем очень благодарны.

стемам терминов родства, а также зафиксированы уникальные полевые материалы по процессу инициации у ньонгов. Экспедиция вызвала большой интерес — мы были приглашены прочитать лекцию в Американский университет в Йоле, посетили собрание представителей этнической группы вакка, а также участвовали в прямом эфире на местном телевидении с рассказом о нашей научной работе.

В ходе всех экспедиционных поездок приобретался интереснейший этнографический материал для африканской коллекции МАЭ РАН, а также литература и аудио-видеоматериалы на языке хауса.

В заключение хочется выразить надежду, что экспедиционная полевая работа петербургских африканистов будет не только продолжена, но и расширена, как географически, так и тематически. Подобная динамика была бы хорошим подарком к предстоящему в следующем учебном году семидесятилетнему юбилею кафедры африканистики СПбГУ.

Контактная информация

Желтов Александр Юрьевич — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; ajujeltov@mail.ru

О. Ю. Завьялова

ОТЧЕТ ОБ ЭКСПЕДИЦИИ В ГВИНЕЮ (03.02.2014–03.03.2014)

Экспедиция в Гвинею была предпринята в рамках научно-исследовательской работы по проекту «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфосинтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира» (шифр: 2.38.524.2013, руководитель А. Ю. Желтов).

Экспедицию можно назвать комплексной, так как она предполагала сбор новых данных по мировоззренческим особенностям народов манден на основе исследования устной традиции, анкетирования и опросов, а также уточнение данных, собранных в ходе предыдущих экспедиций. Состав экспедиционной группы: О. Ю. Завьялова, В. Е. Казимиров. Все исследование было комплексным, в процессе экспедиции изучались разноуровневые взаимоотношения и ценности в среде манинка Гвинеи: этностереотипы и степень толерантности манинка, роль в традиции и социуме института джаму (основных имен родов манден) и связанного с ним института сенанкуя (так называемого «шуточного родства»).

Первый этап экспедиции состоял в изучении межэтнических отношений и стереотипов среди основных народов, населяющих Гвинею. Данные исследования имело смысл проводить в больших городах, где можно было произвести массовое анкетирование в университетах, поскольку основной акцент делался на мировоззрение манинка, были составлены также анкеты по изучению ценностных ориентаций и взаимоотношений и роли джаму (кланового имени) в обществе манинка. Исследования проходили в трех основных городах Гвинеи. В столице Гвинеи городе Конакри группа провела анкетирование в одном из лицеев (с преобладанием учащихся манинка). Далее — анкетирование в университете г. Канкана (Средняя Гвинея), анкетирование в университете г. Нзерекоре (Лесная Гвинея).

Анкетирование в учебных заведениях позволяло использовать французский язык и соответственно письменные опросники, а также ориентироваться на манинка в своих исследованиях. Надо отметить, что весьма помогало искреннее желание помочь во всем преподавателей университетов и лицей, особенно тех, кто получал образование в России, а таких очень много.

В бесписьменных районах были проведены устные опросы на тему ценностных ориентаций, самоидентификации и этностереотипов, для выявления традиционной картины мира манинка. Также экспедиционная группа собрала материалы по социальной организации манден, в частности джаму и сенанку, а также фольклорные тексты (исторические рассказы, рассказы об основателях джаму и героях манден).

И если в городах возможно было использовать объективные методы (однако же со значительным участием самого исследователя), то в деревнях были доступны только беседы и другие диалогические методы — местное население не владеет письмом и французским языком. Отметим, что в силу специфики общения и мышления манинка диалогические методы дают намного более интересные результаты для более глубокого исследования. С методологической точки зрения весьма продуктивно оказалось и пересечение различных исследований: этнопсихологические исследования с ведением диалогов, опросов, моделированием ситуаций приводят к более открытому общению и способствуют получению интересной информации по культуре и истории; и наоборот, беседы о культуре и традициях, об организации социума дают великолепный материал для психологических наблюдений.

Второй этап экспедиции проходил в северных районах (Верхняя Гвинея), основной области манден: городе Сигири и в районе деревни Ньягассоля. В Сигири и соседних деревнях основными информантами были гриоты Дьябате и Куйте. Именно гриоты (клановые сказители) более всего знают о социальной организации своего общества и истории возникновения семей, они же основные хранители устной традиции. На современном этапе гриоты вместе с фина Камара явля-

ются организаторами и ведущими всех значимых мероприятий. Во время пребывания в Сигири благодаря нашему другу Мамади Дьябате мы посетили два «жертвоприношения» с участием всех значимых персон города, а также министров Гвинеи. Первое было в деревне Тиньетигибакоро, в честь открытия новой школы в деревне одного из известных просветителей Гвинеи¹. Второе «жертвоприношение» было в честь процветания города Сигири. Оба мероприятия были схожи. Они представляли собой смешение традиции и современных мероприятий. Основным жертвоприношением (кстати, уже не понятно кому, так как большинство населения Гвинеи на сегодняшний день исповедует ислам) являлись именно хвалебные слова в честь правительства, страны и города, которые произносили по очереди все высокопоставленные особы в сопровождении гриотов. Одновременно принесли в жертву барана (в деревне) и трех коров на мероприятия в честь Сигири (мясо раздавали участникам). Таким образом, данные мероприятия напоминали партийные собрания, совмещенные с традиционными жертвоприношениями.

В деревне Ньягассоля и соседних с ней Баландугу и Баланинборо участники экспедиции проводили как фольклорные, так и этнопсихологические исследования, беседовали с гриотами и другими местными жителями по поводу джаму, а также этнических предпочтений и взаимоотношений, общались с охотниками и фетишерами. Особый интерес представлял тот факт, что я уже бывала с экспедицией в этих местах 15 лет назад и соответственно могла наблюдать изменения, произошедшие как в жизни народа, так и в его психологии и мировосприятии. Основные изменения произошли в свете исламизации населения: практически забыты места поклонения духам и легенды про них, как, собственно, и легенды об истории происхождения деревень и семей. Очень странно сам народ воспринимает данные изменения: с одной стороны, они гордятся исламизацией, с другой — говорят, что теперь люди могут вести себя хуже и делать что угодно (что люди и стали хуже), потому что раньше человек отвечал перед другими людьми и не мог себя с ними плохо вести, каждый поступок был на виду, а теперь можно делать любые плохие вещи — никто не накажет, достаточно просто пойти помолиться, а Аллах простит.

В принципе, на мой взгляд, жизнь в Гвинеи за прошедшие 15 лет значительно ухудшилась, народ обнищал. Деревни опустели, так как все начали уходить в города на заработки, которых в общем-то там нет. В Конакри сложилась катастрофически плохая экологическая ситуация, сейчас его называют «мусорной столицей мира», что есть абсолютная правда. Кроме того, отсутствие света и постоянные двух-, а то и трехчасовые пробки на дорогах делают жизнь в столице очень тяжелой. Однако местное население (манинка и сусу) испытывает глубокие патриотические чувства и гордится собственным правительством. Надо отметить, что правительство честно пытается решать проблемы в Конакри, расширяет дороги, повышает зарплаты (которые, однако, полностью гасятся инфляцией). Еще один интересный факт: если 15 лет назад все слушали африканский регги или африканскую поп-музыку, а иногда и западную, то теперь абсолютно везде можно услышать только гриотов с традиционными песнями и повествованиями. То есть заинтересованность в традиционной культуре сильно повысилась, что, как правило, указывает на ухудшение экономической обстановки.

Подытожив, можно сказать, что в ходе работы экспедиции были собраны новые интереснейшие сведения как о современных межэтнических взаимоотношениях и ценностях народов Гвинеи, в частности манинка, так и о традиционной картине мира манден.

Контактная информация

Завьялова Ольга Ю. — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; jontan@mail.ru

¹ В эту деревню съехались не только главные фетишеры, представители ведущих семей гриотов Мали и Гвинеи, но и префект Сигири, несколько министров Гвинеи, военный оркестр и лучшие гвинейские певицы.